

The background of the cover is a deep black space. On the left side, there is a large, vibrant spiral galaxy with a mix of purple, blue, and pinkish-red hues. In the center of the galaxy is a bright, glowing white-yellow core. Above the galaxy, there is a smaller, dimmer red star. The title is written in large, bold, white Cyrillic letters across the middle of the image.

ГЕДОНИСТИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ

Дэвид Пирс

Автор: Дэвид Пирс
Перевёл: *Александр Баженов* для Youtube-канала *Matter and Mind*, 2020 год.
Оригинал: <https://www.hedweb.com/hedethic/hedonist.htm#0>

**Текст переведён добровольно и распространяется свободно. Но вы можете
поблагодарить за труд или поддержать дальнейшую деятельность:
Яндекс-кошелёк: 410011342416371**

От переводчика:

Данный текст предназначен для ознакомления русскоязычной публики с известным научно-философским трудом, несёт исключительно познавательный характер, не одобряет и не преследует цели пропагандировать или выставлять в благоприятном свете запрещенные вещества. Упомянутые в положительном контексте химические и генетические средства относятся к ещё не существующим медицинским разработкам будущего.

Из-за насыщенности текста философскими терминами и семантическими нюансами перевод был выполнен максимально близко к оригиналу. Вольности сведены к минимуму, а намеренная литературность применялась лишь там, где она не создаёт риска исказить смысл. Работа преследовала только две цели: как можно точнее передать мысли автора и сделать их «звучание» естественным для русскоязычного читателя.

Аудио-версию данного перевода можно послушать в плейлисте по следующему адресу: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLo9PbBKCXZUKQtgVKvlgojNKKJ-3RKDg>

Об авторе:

Дэвид Пирс — британский философ-утилитарист, один из ключевых деятелей трансгуманистического движения. В 1998 году вместе с философом Ником Бостромом основал всемирную трансгуманистическую ассоциацию, которая сейчас известна под названием «Humanity+». Сторонник негативного утилитаризма — этической позиции, согласно которой высшей целью является минимизация и устранение всеобщего совокупного страдания, а максимизация счастья имеет второстепенное значение. Сотрудник Института этики и новых технологий, соредактор книги *Singularity Hypotheses* (2012) издательства Springer, основатель Общества Аболиционистов (Abolitionist Society), член Института Бессмертия (Immortality Institute) и Фонда Продления Жизни (Life Extension Foundation), ведет редакторскую колонку в журнале *Medical Hypotheses* издательства Elsevier. Был спикером на многих конференциях, включая Singularity Summit, и делал доклады в Оксфордском университете, Университете Лунда, Гарвардском университете и Стэнфордском университете. Его работы освещали в *Vanity Fair*, *The Economist*, *H+ Magazine*, BBC Radio и *The Daily Telegraph*. Альма-матер: Брасенос-колледж Оксфордского университета. Помимо «Гедонистического императива» является вторым книги «Can Biotechnology Abolish Suffering?» («Может ли биотехнология избавить от страданий?») и множества интернет-публикаций. Веб-сайты: hedweb.com, bltc.com, qualiacomputing.com.

Содержание:

Введение.....	7
Часть 1: Как?	13
Часть 2: Почему?	38
Часть 3: Когда?.....	64
Часть 4: Возражения.....	75
Часть 5: Заключение.....	140

Аннотация

Гедонистический императив — это описание того, как генная инженерия с нанотехнологией избавят от страданий всю разумную жизнь.

Этот аболиционистский проект чрезвычайно амбициозен, но технически осуществим. Метаболические пути боли и страдания развились в ходе эволюции потому, что способствовали выживаемости наших генов в среде, в которой жили наши предки. Но они будут заменены другим видом нейронной архитектуры — системой мотивации, основанной на наследуемых градиентах счастья. Состояниям возвышенности и благополучия суждено стать генетически предопределённой нормой психического здоровья. Предполагается, что последним неприятным переживанием в мире станет точно датированное событие.

Двести лет назад человечеству уже были знакомы мощные синтетические болеутоляющие средства и анестетики для хирургических операций. Однако мысль о том, что физическая боль может быть полностью изгнана из жизни большинства людей, казалась абсурдной. В наши дни большинство жителей технологически развитых стран воспринимает её отсутствие как должное, но идея того, наше общество когда-нибудь может быть лишено и психической боли, воспринимается как нечто противоречащее здравому смыслу. Возможность отмены такой боли превращает её намеренное сохранение в проблему социальной политики и этического выбора.

Введение

*«Счастье — лишь иллюзия; только страдание реально.»
(Вольтер)*

Натурализация небес

Данный манифест сочетает в себе спорную утопическую пропаганду с холодным научным прогнозированием. *Гедонистический императив* описывает то, как генная инженерия и нанотехнология избавят весь живой мир от неприятных переживаний. В течение следующей тысячи лет биологическая основа страданий будет полностью искоренена. «Физическая» и «ментальная» боль в нашей эволюционной истории в равной степени обречены на исчезновение. Биохимия повседневного чувства неудовлетворённости будет отменена на генетическом уровне. Недомогание и дискомфорт будут вытеснены биохимией блаженства. Планету будут населять жизнерадостные существа, мотивируемые различными градиентами благополучия. Психические состояния наших потомков, вероятно, будут непостижимо отличаться от наших сегодняшних состояний. Но все они будут разделять по крайней мере одно общее качество — возвышенное и всепроникающее счастье.

Это чувство абсолютного благополучия превзойдет все, что хотя бы на миг может себе представить современная человеческая нейробиология. История становится лучше. Пост-человеческие состояния волшебного наслаждения будут биологически усовершенствованы, умножены и усилены до бесконечности. Современное представление о приемлемом психическом здоровье также будет изменено. Отвечающие этому представлению состояния будут причислены к патологиям, свойственным устаревшей «дарвиновской» психике. Эти безобразные мысли и чувства будут диагностированы как типичные для трагической жизни эмоционально примитивных существ предыдущей эпохи. А попытки вернуть нашим сегодняшним состояниям статус нормы со временем могут стать незаконными, жестокими и аморальными.

Такие размышления в наше время могут показаться фантастическими, однако идеи, лежащие в основе данного манифеста, в один прекрасный день могут оказаться интеллектуальной банальностью, несмотря на то, что сегодня они столь желанны. То, что когда-то служило пищей для тысячелетних фантазий, теперь становится научно осуществимой реальностью благодаря стремительной революции в генетике и медицине. Принятие этих перемен или отказ от них в конечном итоге станет вопросом социальной

политики. Кроме того, нам предстоит выбрать, сколько негативных ощущений нужно будет создать или сохранить для грядущей эпохи.

Спасение автомобилей с плохими водителями

Слепое давление отбора воздействовало на организмы в течение сотен миллионов лет. Помимо физических признаков, дарвиновская эволюция мощно способствовала развитию всё более изощрённых и мучительных, но настолько же адаптивных проявлений психофизической боли. Её абсолютная отвратительность эффективно стимулировала и наказывала живые машины генетических репликаторов. Беспокойство, уныние и досада часто необходимы для выживания наших генов, а вредны они нам только в психологическом смысле. Если страдание измерять в абсолютном значении, то в глобальных масштабах оно, вероятно, продолжает увеличиваться с ростом популяции. Человеческая изобретательность из всех сил и зачастую безуспешно пыталась рационализировать и каким-то образом извлекать выгоду даже из самых страшных мук. Хотя само страдание и разъедало благополучное существование каждого отдельного организма, но в плане выживаемости целых популяций оно служило адаптивным преимуществом. А следовательно, имело тенденцию неумолимо усиливаться в течение всех прошедших эпох.

Разумеется, такая обречённость и уныние — лишь часть картины, ведь эти ужасные чувства контрастируют с приятными и жизнеутверждающими впечатлениями. Люди иногда веселятся, а длительные депрессии редко бывают адаптивными. Теория, которую британский психолог Майкл Айзенк называет «гедонистической беговой дорожкой», говорит о том, что очень немногие из нас могут быть счастливы долгое время. В нашей нервной системе работают жёсткие механизмы обратной связи. Механизм обратного подавления гарантирует, что люди, пребывая в рукотворном Райском саду, будут периодически скучать, депрессировать и впадать в уныние.

Крошечное меньшинство людей действительно испытывает состояния бесконечно длящейся эйфории — эти состояния непроизвольного благополучия обычно патологизируются как «маниакальные», но в отличие от монополярной депрессии, устойчивая монополярная эйфория встречается крайне редко. Других людей, имеющих высокие «гедонистические установки», но без маниакальности или биполярности, обычно относят к гипертимному типу — такое состояние тоже встречается нечасто. С другой стороны, «биполярное расстройство», длящееся всю жизнь, встречается примерно у каждого сотого, если не чаще. Это расстройство, более известное как «маниакальная депрессия», имеет несколько подтипов, и характеризуется изменением настроения между эйфорией и отчаянием; циклы могут различаться по длительности. Это сложное генетическое расстройство, которое передаётся по наследству. По сравнению с нормальным «эутимическим» состоянием, биполярное расстройство характеризуется генетически отличающимся транспортом серотонина. Серотонин —

это нейромедиатор, в той или иной степени ответственный за наш сон, общительность, активность, аппетит, самоконтроль, настроение и многое другое. А транспортёр серотонина вычищает «лишний» серотонин, который высвобождается нейронами в синапсы. Грубо говоря, маниакальные состояния связаны с усиленной функцией дофамина и норадреналина; а функция серотонина понижена или нарушена.

К сожалению, среди сегодняшних «биполярников» избыток маниакальности может выходить из-под контроля. Эйфория часто сопровождается гиперактивностью, бессонницей, хаотично соревнующимися идеями, подавленностью речи, грандиозностью мыслей, а также, нередко гиперсексуальностью, излишней щедростью, религиозными наваждениями и озабоченностью самим собой. Иногда случается и дисфория — очень неприятное состояние, при котором человек может быть сердитым, взволнованным, параноидальным и разрушительным. Однако пребывая в состоянии классической эйфории человеку зачастую трудно понять, что с ним что-то не так, поскольку всё происходящее кажется абсолютно правильным. Ведь если вы окажетесь в райском местечке, и вдруг услышите, что это заблуждение, вам наверняка трудно будет поверить.

В наше время эйфорическую гипоманию смягчают медикаментозно — токсичные «лекарства» способны подавлять возвышенные настроения до «нормальных» уровней. Считается, что нормализация эмоций до здорового уровня помогает таким людям лучше взаимодействовать с современным обществом. Когда человека убеждают, что его эйфория является патологией, это приводит к усиленному режиму лечения, заключающемуся в принятии таких препаратов как литий, вальпроат натрия и карбамазепин, а сам пациент затем может быть склонным к поиску симптомов и предупреждающих сигналов в своём поведении. Однако с точки зрения наших генетически усовершенствованных потомков хронически больным будет считаться остальное большинство, которое сейчас кажется здоровым. Современные стандарты психического здоровья для них будут являться патологически низкими. Они не только повысят спектр своего ментального здоровья, но и существенно расширят его диапазон, добавив новые возможности. Например, эмоциональную стабильность и «серотонинергическую» безмятежность они смогут сочетать с целеустремлённостью, оптимизмом и инициативностью сырого «дофаминергического» максимума. Пост-люди обнаружат, что пиковые эйфорические переживания можно направлять, контролировать и генетически диверсифицировать, а не только подавлять медикаментозно.

Но в этом есть жестокая ирония: клинически предписываемые средства для подавления настроения были бы смехотворно неуместными для большей части человечества. В настоящее время жизнь миллиардов людей зачастую довольно мрачна, и никакие политические или социальные реформы не в силах преодолеть эту биологическую реальность. Миллионы путей, которые якобы ведут к стабильному счастью, направлены на преследование бесчисленного количества интенциональных целей. В философии под интенциональностью понимается направленность сознания на объект. Мы убеждаем себя в том, что всевозможные вещи сделают нас

счастливыми. Все эти окольные пути к личному удовлетворению не просто неэффективны — главный их недостаток в том, что они попросту недолговечны. В лучшем случае они могут служить лишь временными заплатками для людских проблем. Если эмоциональный «термостат» мозга не будет сброшен генетически или фармакологически, то любые триумфы будут обращаться в пепел. Победители лотерей, величайших спортивных состязаний и счастливые молодожены спустя некоторое время снова вернутся в своё былое эмоциональное состояние. Даже те из нас, кто в течение всей жизни способны без особых причин чувствовать себя относительно счастливыми, время от времени погружаются в пучину грусти и разочарований. И если мы хотим завести детей, то можем быть уверены, что их ожидает такая же участь.

Было бы легко, но непозволительно просто экстраполировать прошлые и нынешние тенденции на неопределенное будущее. Мы привыкли считать, что наши потомки неизбежно будут страдать от таких же негативных состояний сознания, каким подвержены мы с вами, ведь у них будут такие же жизненные трудности. Однако это предположение может оказаться наивным. Нейрохимическая основа чувств и эмоций в настоящее время быстро проясняется. Человеческий геном будет существенно расшифрован и переписан, а вопрос корреляции генов с нежелательными психическими состояниями предстоит решить в последующие годы. В эпоху постгеномной медицины чувство агрессии станет жутким анахронизмом. Скоро нам нужно будет решить, стоит ли причинять страдания себе и окружающим. Страдание как самое ужасное свойство органической жизни однажды станет лишь вопросом морального выбора — имеем ли мы право генетически менять своих будущих детей? И этот выбор может быть отклонен.

Люди — не крысы

Один из возможных вариантов, который не будет рассматриваться здесь подробно, заключается в том, что, освобождая себя от кошмарного наследия нашего эволюционного прошлого, мы могли бы сделать выбор в пользу сырого, всепоглощающего наслаждения. Это наслаждение не требовалось бы связывать с какими-то определёнными объектами. Мы, а точнее наши обслуживаемые роботами потомки, вряд ли восторгались бы чем-то конкретным. Восторженность стала бы частью нашей природы. Генетически запрограммированная эйфория была бы для нас столь же естественной и неотъемлемой, как дыхание. Мы просто радовались бы тому, что счастливы.

В данном случае так и напрашивается аналогия с подопытными крысами, чьё поведение управляется нажатием на рычаг. Микроэлектроды могут быть имплантированы непосредственно в центры удовольствия в мозге, которые располагаются в мезолимбической дофаминовой системе — в самом ядре системы вознаграждения, захватывающей вентральную область покрышки и прилежащее ядро с проекциями на лимбическую систему и

орбитофронтальную кору. Известно, что, если проделать это с крысой, она в течение нескольких дней будет предаваться безудержным приступам внутричерепной самостимуляции. Это занятие будет для крысы настолько приятным, что она забудет про пищу, сон и даже спаривание. И чтобы испытывать это удовольствие на высоком уровне, ей вовсе не понадобится для контраста чередовать его с периодами «упадка». Судя по всему, этот маленький источник райского удовольствия не может крысе наскучить или физиологически приесться.

Такие предосудительные сравнения с подопытными животными приходят в голову всем, кроме разве что самых беззастенчивых гедонистов. И тем не менее, более тонко спроектированные человеческие аналоги эйфорической крысы вполне осуществимы. Спустя столетия, любой человек, желающий максимизировать своё счастье, будет волен сам выбирать свой образ жизни в утилитарно-этическом смысле.

Однако вариант «голова с проводами» будет лишь одним из пунктов большого «меню». К сожалению, именно этот вариант наиболее часто ассоциируется с внутричерепной самостимуляцией, из-за чего создаётся ошибочное представление обо всём подходе, описываемом в «Гедонистическом императиве». Вот почему отчаянная этическая неотложность аболиционистского проекта может быть отклонена, ведь людям так неприятно ассоциировать себя с экспериментальными животными.

Жизнь в дофаминовой перегрузке

Важным моментом, который следует подчеркнуть, является то, что многие дофаминовые состояния эйфории могут фактически улучшить мотивацию целенаправленного поведения в целом. Усиленная функция дофамина в действительности усиливает мотивацию, а не делает её слабее. Гипердофаминергические состояния также способствуют расширению диапазона видов деятельности, которые организм считает нужным осуществлять. За пределами «лаборатории удовольствия» такие состояния побуждают индивида фокусироваться на целях, которыми служат интенциональные объекты. Вот почему предполагаемый в данном манифесте образ будущего вовсе не сводится к тому, что человечество будет охвачено однообразным и притупляющим кайфом героинового наркомана. Скорее всего, вместо этого люди будут увлечены чрезвычайно плодородными и разнообразными видами деятельности. И, что ещё лучше, наши потомки будут иметь возможность радоваться разнообразию доступных вариантов ощущений, которые нам с вами сейчас не доступны. Любовь станет несравнимо глубже, музыка прекраснее, пейзажи великолепнее, переживания ярче, и так далее.

В первую очередь я схематически изображу то, каким образом этот светский натуралистический рай может быть реализован биотехнологическими средствами. Во-вторых, я обосную, что эта реализация в корне рациональна и этически необходима. В-третьих, я расскажу, когда и почему

этот сценарий вступит в действие в том или ином виде. И наконец, я постараюсь заранее рассмотреть и опровергнуть некоторые из самых распространённых (хотя и не всегда убедительных) возражений тому, что психохимическая «нирвана» осуществима.

ДЭВИД ПИРС

Гедонистический Императив

Часть 1: Как?

*«Господь на небесах –
С миром всё в порядке!»
(Роберт Браунинг)*

1.0 Бунт на фабрике

Чтобы сойти с гедонистической беговой дорожки, сначала мы должны избавиться от небольшого, но порочного набора механизмов обратной связи, которые генетически запрограммированы в нашем мозге и разуме. Злоупотребление психоактивными препаратами в развлекательных целях не поможет превзойти или свергнуть эти механизмы. Наоборот, оно лишь удваивает их силу. И тем не менее, сегодняшние быстродействующие и грязные прояснители настроения, называемы эйфоретиками, могут быть для нас поучительными. Они дают нам интригующий проблеск того, каким могло бы стать естественное состояние сознания людей, если бы некоторые неприятные для нас нейронные метаболические пути были подавлены или устранены.

Лучший ключ к пониманию того, какое эмоциональное будущее ожидает земную жизнь, появился в начале 1950-х годов. Постояльцам американского туберкулезного санатория назначали препарат «Ипрониазид», ингибирующий фермент моноаминоксидазу, и принимающие его не просто излечивались от туберкулеза. После нескольких недель приема многие из них стали чувствовать себя необычайно счастливыми. Доктора, возможно несколько преувеличенно, описывали своих пациентов как «танцующих между рядами коек». Большинство этих пациентов ранее не испытывали клинической депрессии, разве что обычное недовольство, и возникшая у них эйфория не была всего лишь реакцией на выздоровление. Более того, у принимающих так и не возникло привыкания к проясняющему эффекту

этого ингибитора моноаминоксидазы, а также не возникло опасности неконтролируемого повышения дозы, и это отличает его от большинства развлекательных веществ. Вместо этого обнаружилось, что ингибиторы моноаминоксидазы как класс способны вызывать мягкую и долгосрочную перерегуляцию нескольких семейств рецепторных белков нервных клеток, которые участвуют в создании у нас чувства радости или грусти. Современная медицина совершенно случайно наткнулась на способность лекарств из этой разнообразной категории устойчиво улучшать настроение.

Моноаминоксидаза имеет два основных типа, неинформативно обозначенных как А и В. Вообще, этот фермент ответственен за дезаминирование моноаминовых нейротрансмиттеров, таких как дофамин, норадреналин и серотонин. Кроме того, он дезаминирует следовые амины вроде фенилэтиламина, который присутствует в шоколаде и выделяется в мозге во время влюбленности. Изофермент А дезаминирует серотонин, норадреналин и, в меньшей степени, дофамин. Изофермент В дезаминирует дофамин и фенилэтиламин. Действие моноаминовых нейротрансмиттеров на постсинаптических рецепторах и в дальнейшей внутриклеточной передаче сигнала играет решающую роль в регуляции нашего настроения и эмоций. Истощение моноаминов в синаптических везикулах, например, посредством анти-гипертонического лекарства Резерпина, иногда может вызывать тяжелую и даже опасную для жизни депрессию. А повышенный уровень дофамина, с другой стороны, связан с (гипо-)маниакальной эйфорией.

Благодаря модуляции синаптической доступности простых нейротрансмиттеров и последующей перерегуляции рецепторов на долгосрочной основе, ингибиторы моноаминоксидазы должны были стать первыми из разрозненной группы лекарств, категоризируемых как «антидепрессанты». Некоторые из зарегистрированных на сегодняшний день продуктов, такие как трициклики, в целом бесполезны для людей, которые не страдают клинической депрессией. Им свойственно действовать лишь как успокоительное, а на интеллект и чувствительность они оказывают слегка притупляющий эффект. Большинство традиционных терапевтических средств – это «грязные» и неселективные препараты; по крайней мере, так было до появления относительно селективных ингибиторов обратного захвата серотонина вроде флуоксетина («Прозака») и ингибиторов обратного захвата норадреналина вроде ребоксетина. Эти грязные препараты имеют много проблемных побочных эффектов, они зачастую притупляют эмоции, а не делают их глубокими. Некоторые средства, вроде старых неселективных и необратимых ингибиторов моноаминоксидазы, без соблюдения строгой диеты потенциально опасны. Благодаря пуританскому духу медицинских устоев, все они были представлены на рынке отчасти благодаря тому, что не вызывают у потребителей эйфорического чувства благополучия и имеют низкий аддиктивный потенциал. Большинство современных антидепрессантов, судя по результатам хорошо контролируемых клинических испытаний, по эффективности лишь слегка превосходят плацебо.

Однако именно последующие преемники этих не обнадеживающих лекарств, а не сегодняшние быстродействующие рекреационные эйфоретики, обещают избавить якобы «эвтимичное» население от болезненного психохимического гетто, завещанного нашим генетическим прошлым. До тех пор, пока радикальная геновая терапия не избавит нас от патологий «дарвиновского» сознания, только долгодействующие прояснители настроения будут служить нам временным усилителем качества жизни, а не клинические анестетики или грязные уличные наркотики. Дизайнерские эйфоретики пролонгированного действия будут предвещать обширную линию средств для новаторского лечения психических недугов. В совокупности такие вмешательства избавят людей от того, что наше постчеловеческое потомство будет считать генетически заданным спектром психических расстройств, характерных для «дарвиновской» жизни. В настоящее время большую часть времени мы просто не сознаём — и не можем полностью осознать — насколько мы нездоровы. Повседневное состояние сознания большинства людей очевидно не является трансцендентально восхитительным, поэтому у нас есть веские основания предполагать, что его изъяны — это симптомы глубокого психологического нездоровья.

Данное предположение на сегодняшний день далеко от общественного признания. Психические недуги до сих пор воспринимаются как позорное клеймо. Многие торопливо скажут: «Это не про меня! Со мной все в порядке!» Ведь быть депрессивным — значит быть плохо приспособленным, иметь низкий статус, скудный выбор партнеров, и вообще не круто. Поэтому в нас срабатывает защитная реакция, включается механизм отрицания, а также имеет место явный недостаток объективности в нашем представлении о себе.

Подобная самозащита и отрицания не всегда будут актуальны. Спустя несколько поколений в нас будет запрограммирована радость пост-дарвиновской жизни. Репродуктивная революция в виде «дизайнерских младенцев» подарит людям встроенное счастье с самой утробы. Психоактивные лекарства могут стать лишними; они перестанут быть средствами самолечения и превратятся скорее в инструменты для исследования сознания и обогащения чувственного опыта, ведь обычное благополучие потенциально может стать естественным состоянием людей в повседневной жизни. Чистое экзистенциальное счастье будет сопровождать людей каждую секунду сна и бодрствования и наполнять собой каждый аспект человеческой психики. К сожалению, еще далёк от воплощения тот тип зародышевой генотерапии, который мог бы обеспечить каждому желающему высоко функционирующую эйфорию в течение всей жизни. Поэтому в переходную эру, до развития глобального парадаиз-инжиниринга, будут также необходимы химические средства поднятия настроения.

1.1 Биологическая программа

Большие мета-нарративы сейчас не в моде. Восприятие истории в наши дни можно сравнить с обновлением вещей, и максимальные попытки увидеть общую картину происходящего в нашей жизни сводятся к тривиальному технологическому детерминизму. И тем не менее, есть набросок того возможного пути, на котором из нашего мира будут выброшены все источники негатива, и он будет приведен далее. Так же будут представлены другие биологические стратегии глобальной максимизации полезности или, проще говоря, способы сделать счастливее каждого. Подробности и варианты имеют значение. Каждая гроздь мнений о том, как воплотить рай на Земле, должна быть тщательно исследована, и не только методом философский размышлений. Кроме того, жизненно необходимо отличать абсолютную цель устранения страданий от нашего первого нерешительного плана того, как этот аболиционистский проект должен быть осуществлен. Не следует допускать, чтобы технические недостатки предложенных здесь способов портили наше отношение к общей стратегии самого аболиционистского проекта.

Эта биологическая программа вдохновлена не фанатичной технофилией, а отчаянной моральной неотложностью. Она гедонистична не в общепринятом смысле этого слова. Стоит сделать паузу и хотя бы на несколько минут буквально попрактиковаться в эмпатии. Со мной, вами и нашими близкими в жизни случаются ужасные и мучительные вещи. Весь ужас некоторых видов страдания в буквальном смысле невозможно вообразить и выразить словами. При дарвиновском режиме «естественного» воспроизводства мучительные переживания — а также массовые недомогания — являются обычным и неизбежным явлением. Во второй части будет морально обосновываться утверждение, что эта мерзость должна быть остановлена. А поскольку мы претендуем на *отмену* этих неприятных переживаний, прежде всего стоит доказать, что это действительно биологически реализуемая идея. Будут приведены доводы, что внутричерепная самостимуляция, несмотря на её ныне дурную репутацию, принесет нам пользу. Гораздо труднее доказать, что долгосрочное, интеллектуально распознаваемое блаженство достижимо посредством лекарств, генной терапии или и того, и другого. Но с теоретико-информационной перспективы важна не наша абсолютная позиция на оси удовольствия и боли, а то, что мы «информационно чувствительны» к изменениям, связанным с физической приспособленностью в нашей внутренней и внешней среде. Градиенты счастья могут быть достаточными, чтобы мотивировать нас и обеспечить богатую сеть механизмов обратной связи; как сегодня, к сожалению, делают градиенты «дарвиновского» недовольства.

Изложенный ниже план обрисовывает в общих чертах лишь мультяшный прототип зрелого пост-дарвиновского рая. Его эскиз вероятных будущих нейробиологических прорывов может быть ошибочным как в нескольких особенностях, так и в предполагаемых временных масштабах; а у специалистов в различных областях текст местами может вызвать недоумение, ведь «Гедонистический императив» можно сравнить с искателем приключений, пробирающимся сквозь запутанные междисциплинарные джунгли

научных направлений. И некоторые аспекты нейронауки неизбежно будут упрощены почти до пародии на них. Кроме того, различные философские проблемы, о которых пишутся целые книги, иногда для краткости придется уместить в одну фразу. А множество практических, медико-правовых и социально-политических проблем, которые будут сопутствовать воплощению нашего Нейрохимического Манифеста, вовсе будут пропущены в значительной степени.

Эти предостережения важны. Тем не менее, оставляя их в стороне, биологическую программу можно условно разделить на три стадии. Здесь они будут упорядочены по сложности. К счастью, эти стадии совпадают друг с другом по относительной этической важности, поскольку грубое снижение вреда, предотвращение жестокости и устранение боли осуществить легче, чем разобраться со всеми архитектурными тонкостями рая. Менее радостно то, что любое биохимическое описание механизма возвышенных ощущений искажает природу самого опыта. Поэтому научный стиль повествования этой книги неизбежно принижает то, к чему он призывает стремиться. По большей части это происходит из-за ассоциативной загроможденности терминов, связанных с употреблением психоактивных препаратов, генной инженерией и эмоционально фригидной атмосферой научных лабораторий. В настоящее время отношение людей к утопической биопсихиатрии наполнено предрассудками, поскольку наше образование буквально игнорирует нейробиологические основы всей эмоциональной жизни. К счастью, эта же система предоставляет нам формальные инструменты для описания и выхода из нашего затруднительного положения.

Что нам действительно нужно, помимо химических формул, так это новая сеть концепций – пользовательское руководство для составления карты неизведанных областей сознания, с которыми нам предстоит иметь дело. Однако к тому времени, когда такие инструменты будут разработаны по мере доступа к новым областям опыта, революционная концептуальная схема, которую они воплощают, может перестать быть столь остро необходимой. Возможно, когда-нибудь наши мысли станут ослепительно яркими, как полуденное Солнце. Их блеск заменит собой нестабильные и феноменологически скудные последовательности слабых когнитивных проблесков, посредством которых был написан и теперь читается данный Манифест. А пока беспристрастная терминология химии и молекулярной биологии – это всё, на что мы можем положиться для обсуждения того, как достичь нашей цели. Рай на Земле может быть создан только с помощью научного знания. Всеобщее ментальное суперздоровье никогда не будет нам дано посредством магии или религиозных наставлений.

1.2 Заполнение объёма

Один сырой, но эффективный компонент начальной стадии биологической программы будет включать модификацию мезо-кортико-лимбической дофаминовой системы. Это звучит спорно и слишком упрощенно, поскольку

дофамин сам по себе не является волшебной «молекулой удовольствия», но мезолимбические пути вознаграждения играют существенную роль в конечном общем пути вознаграждения в мозге. Нейрональное высвобождение дофамина может быть вызвано «естественным путем» через биохимические механизмы трансдукции. Обычно он запускается стимулами окружающей среды. С другой стороны, выброс дофамина также может быть вызван напрямую посредством употребления рекреационных психоактивных веществ. Например, при кокаиновом возбуждении вы получаете фальшивые сигналы, будто достигли огромного адаптивного успеха в дарвиновском смысле. В любом случае, хотя центральная нервная система содержит десятки миллиардов клеток, ее мезолимбический источник удовольствия, мотивации и либидо имеет всего около 30-40 тысяч нейронов; и этого, очевидно, недостаточно.

Аксоны и дендриты мезолимбических дофаминергических нейронов иннервируют более высокие кортикальные области мозга, и тем самым они помогают опосредовать генетически адаптивную «энцефализацию эмоций». Эта маленькая изящная хитрость служит нашей ДНК чертовски хорошо, хотя зачастую не нам самим. Эмоциональная энцефализация убеждает своих носителей в том, что счастье не может существовать без наличия или отсутствия различных типов интенциональных объектов. Наша радость или грусть обычно связаны с какими-то вещами. Реализация наших наиболее эмоционально заряженных типов интенциональных объектов имеет тенденцию повышать общую выживаемость наших генов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что для нас хорошо то, что хорошо для них.

Но к сожалению, наши гены не заботятся о нас как о чувствующих существах. Мы для них – всего лишь машины-носители. Во взрослом мозге дофаминергические нейроны отмирают со скоростью более 10% за десятилетие. Из-за их смерти старение всегда сопровождается упадком энтузиазма, либидо, способности получать удовольствие и интенсивности переживания как такового. Даже в юности пределы возможностей для экспрессии дофаминергических клеток удовольствия непрерывно сокращаются из-за подавляющей обратной связи. Это происходит как посредством собственных пресинаптических ауторецепторов клеток, так и от работы других, часто менее ответственных за удовольствие нейронов, которые контактируют с ними через синапсы.

Таким образом, в любую программу систематического улучшения качества жизни должна быть включена стратегия увеличения числа мезолимбических дофаминовых клеток, а также селективное уменьшение подавляющей обратной связи с ними. Особенно большое внимание нужно уделять средним игольчатым нейронам прилежащего ядра. Достижение скромного, скажем, стократного повышения способности организма к хорошему самочувствию, разумеется, не является лишь вопросом генетического включения неконтролируемой пролиферации дофаминергических нейронов; хотя и можно добавить, что смертельная опухоль из клеток удовольствия имеет свою странную привлекательность. Конечно, режим постоян-

ного усиления удовольствия не влечёт за собой повышение уровней дофамина в синапсах. Чрезмерная постсинаптическая стимуляция дофаминовых рецепторов определенного подтипа может быть причастна, например, к появлению нездоровых симптомов шизофрении. Дофаминовая перегрузка также связана с психозами у крэковых наркоманов. Так что грубая монотерапия, безусловно, не справится с этой задачей в одиночку.

1.3 Цивилизующий нейротрансмиттер

Есть более обещающий – двойной подход. Он состоит в усилении подтипов как дофаминергической, так и серотонинергической функции.

Серотонин был описан как «нейротрансмиттер цивилизованности». Такой ярлык – полезный пример нашей склонности к сокращениям. Но стоит отметить, что даже этот простой моноамин имеет пятнадцать или более функционально отличных подтипов рецепторов. Серотонинергическая дисфункция связана с повышенной раздражительностью, вспышками гнева, ожесточённостью, социопатией и склонностью к суициду. И наоборот, необычайно глубокое чувство любви, доверия и эмпатии, вызванное употреблением так называемого «пенициллина для души», МДМА, обусловлено, прежде всего, массовым выбросом серотонина. Он вызывает и выброс дофамина, но очень умеренно. Высвобождение дофамина и серотонина необходимо для ингибирующего воздействия МДМА на вызываемую глутаматом возбудимость нейронов в прилежащем ядре, и это производит его полноценный магический эффект. Результат случайно употребленной таблетки может показаться человеку настоящим откровением и оказать на него судьбоносное влияние. Проблема только в том, что это волшебство не длится долго.

Однако у нас нет веских причин считать, что это в принципе недостижимо. Впереди нас ждет новая репродуктивная эра «дизайнерских младенцев», и старые нейроповеденческие системы, развившиеся у гоминид африканской саванны для повышения эволюционной приспособленности, теперь можно будет переконструировать для максимизации личного благосостояния. Когда потенциальные родители будут преднамеренно выбирать *желательные* комбинации аллелей для своих будущих детей, в игру вступит новый тип давления отбора. Однако до наступления эры генетически программируемого самочувствия, было бы крайне разумно достичь такого же эффекта посредством нетоксичных химических прояснителей настроения длительного действия. Такого рода дизайнерский эликсир может сделать нас всех очень счастливыми и произвести революцию в нашем архаичном представлении о психическом здоровье. В своей повседневной жизни в биохимическом Эдеме, возвышенную и жизнелюбивую эйфорию мощного дофаминового или мю-опиоидного агониста мы при желании сможем сочетать с безмятежной и мистической любовью «эмпатогена» наподобие МДМА.

Состояния ясного и целенаправленного мышления могут успешно сосуществовать с глубокой любовью к своим собратьям. При желании, такие состояния мы можем сделать биологически естественными и, в конечном счёте, врождёнными. Нас ждут невообразимо прекрасные времена.

По мере развития гедонистического инжиниринга в зрелую биомедицинскую дисциплину, выбираемые нами формы рая смогут все больше кодироваться в нас заранее. Начнут появляться экстастики от рождения, и их число будет стремительно расти. Все удивительные модели ментального суперздоровья, которые обсуждаются в этом разделе Гедонистического Императива, стоит рассматривать как упрощенные прототипы. Инновационный, высоко детализированный био-рай в действительности будет гораздо богаче и сложнее. В настоящее время нам не хватает семантической компетентности, чтобы обсуждать его полноценно. И все же, какими бы неуклюжими ни оказались наши первые шаги к цели, глобальная стратегия должна сводиться к точной нейрохимической инженерии счастья для каждого чувствующего организма на планете.

Звучит безумно? Да, но так можно сказать почти о любом радикальном реформаторском движении в истории человечества, причем некоторые из них были действительно сумасшедшими.

1.4 Кардинальная важность отложенного наслаждения

Благосостояние в итоге станет частью самой нашей природы. Крепкая сеть гомеостатических механизмов гарантирует, что все прирожденные экстастики будут иметь генетически закодированные гедонические установки, намного превышающие сегодняшние ничтожные максимумы. Однако в Переходную Эпоху массовое применение препаратов для повышения ментального здоровья практически неизбежно. Генная терапия всё еще пребывает в зачаточном состоянии; а клинические испытания человеческих клеток зародышевой линии требует много времени. Очень важно то, что медицинское и социальное основание фармакологической стадии переходного периода должно зиждиться на относительно долгосрочных структурных и функциональных эффектах в нервной ткани, которые будут вызваны смесью эйфоретиков длительного действия в мозге. Быстродействующие рекреационные вариации кайфа – это ловушка и иллюзия. Мы должны овладеть фармакологическим эквивалентом принципа отсроченного удовлетворения, и сделать это частью образования.

Задержка терапевтического эффекта, обусловленная генной перерегуляцией рецепторов, может приносить нам большую пользу. И дело не только в снижении скорости привыкания. Неконтролируемое и потенциально пагубное злоупотребление психоактивными веществами случается тогда, когда задержка между употреблением и наградой минимальна. В отличие от этого, ожидаемое переключение генов, повышающая или понижающая регуляция пре- и постсинаптических нейронных рецепторов в режиме

устойчивого улучшения настроения, как правило, может занять до нескольких недель. К счастью, усиление функции серотонина имеет тенденцию повышать терпение и контроль над импульсами, а также настроение.

Возможно, здесь будет уместно сравнение с курением табака. В своей нынешней форме употребление никотина вызывает сильное привыкание не из-за «максимума», который он вызывает (ведь у табака он очень низок), а из-за высокой скорости своего мягкого удара в организме потребителя. «Награда» наступает уже через семь секунд после затяжки. Если бы кайф даже от такого сильного наркотика как кокаин был отложен дней на 10 после приёма, то кокаин причинял бы гораздо меньше медицинских и социальных проблем, чем сейчас. К сожалению, большинство его нынешних потребителей, похоже, не знакомы или давно забыли о концепции отсроченного вознаграждения.

1.5 Молекулярная генетика Рая.

Общевидовая стратегическая фармакотерапия для всего вида, о которой сейчас говорилось, может быть дополнена и синергически связана с генной инженерией по мере её развития. Генная терапия будет нацелена на соматические клетки, а затем, с повышенной предусмотрительностью, и на зародышевые. При искусном применении, комбинация клеточного расширения мезо-лимбической дофаминовой системы, селективного усиления метаболической функции ключевых подтипов опиоидергического и серотонинергического путей, а также отключения нескольких противодействующих процессов ингибирующей обратной связи обеспечат биомолекулярную архитектуру для важного перехода в человеческой эволюции и самой жизни.

Реинжиниринг вышеописанных фрагментов психо-нейронных цепей может, правда, показаться излишне амбициозным или даже чем-то невероятно футуристичным. Однако по сравнению с тем революционным переоснащением нашего разума, который совершится в ближайшее тысячелетие, эти предложенные техники показались бы очень неумелыми, примитивными и несущественными.

На ранних стадиях пост-дарвиновского Перехода, сознание живых существ в нашем мире претерпит изменение не только в отношении количества и качества. По мере того, как человечество начнет выходить из психохимических Тёмных Веков, усиленная дофаминергическая функция будет все больше повышать интенсивность каждого момента сознательного существования. Для поколения, чей жизненный период охватит оба способа осознания, это будет так, как если бы они только что проснулись после ночного блуждания в сомнамбулическом оцепенении. После пробуждения их прежнее состояние будет вспоминаться как зомбированность или транс. Наше привычное состояние сознания может быть отброшено как вредный источник недоумения, симптомы которого мы физиологически были неспособны распознать «изнутри». Однако в настоящее время у

нас не хватает нейронных субстратов, чтобы иметь возможность определить место этого архаического сознания в дарвиновском и пост-дарвиновском контексте. Как сказал Эйнштейн: *«Что рыба знает о море, в котором она плавает?»*

Другие нейрогормоны, транскрипционные факторы, опиоиды, активаторы тирозингидроксилазы, релизеры окситоцина, регуляторы плотности рецепторов, вторичные и третичные внутриклеточные посредники, фосфорилированные белки, а также генные репрессоры и промоторы, которые участвуют в модуляции настроения, эмоционального тона и болевых ощущений, по мере развития биологической программы тоже будут подвержены переконфигурированию. Эти детали сложны и запутаны. В естественном состоянии взаимодействие наших нейротрансмиттерных систем прекрасно отлажено. Они могут рассматриваться по-отдельности лишь концептуально и в целях описательного удобства. В совокупности они образуют сложное и изящное взаимодействие петель обратной связи, которые не поддаются упрощению или сокращению. Однако в следующие столетия мы сможем манипулировать ими, чтобы менять структуру своих переживаний. Наше счастье будет химически и генетически усиливаться с еще большим мастерством и точностью. А несколько особо неприятных триггеров — вроде брадикинина, ноцицептина и вещества Р — вообще будут устранены из нашего сенсориума.

1.6 Реэнцефализация эмоций.

Эти процедуры заложат гедонистический фундамент для головокружительно возвышенного состояния сознания. Самый неотложный вопрос, который нужно рассмотреть далее – что нам следует с этим делать? Каким образом и почему эмоция должна быть энцефализирована в эру, когда интенциональность больше не связана с повышением способности нашей ДНК к распространению в привычной для наших предков окружающей среде? О чём должно быть наше счастье?

Настоящий интеллектуальный вызов в конечном счёте не будет заключаться в максимизации счастья. В конце концов, если бы вечное блаженство было единственной целью создания рая, тогда крыса с электродами, закрепленными в центрах удовольствия, стала бы для нас ориентиром. На самом деле, нашим потомкам легко будет достичь общих состояний пожизненного счастья как такового. Однако большинство из нас склонны к интеллектуальному снобизму. Мы не хотим, чтобы наши эмоции деэнцефализовались. Нам нравится быть в хорошем настроении, но возможность бесконечного экстатического восторга кажется нам весьма неоднозначной перспективой. Лимбическая иннервация неокортекса была столь адаптивно выгодной потому, что она позволяет таким сложным генетическим машинам, как мы, заранее предчувствовать, полезны или опасны некоторые интенциональные объекты. Мы хотим чувствовать, что мы счастливы не просто так, а по веским, генетически выгодным причинам.

Скоро у нас появится возможность полностью искоренить эту опасную тенденцию, но нам не захочется делать этого. В грядущих поколениях первостепенное внимание нейронаучной мысли будет уделено переназначению аксонального и дендритного формирования неокортекса, что делает возможной рационализацию эмоций. Цель этого намеренного переконструирования может состоять в том, чтобы начать путь к реализации наших желаний второго порядка (то есть «желаний о желаниях») и решать вопросы, почему и кем мы хотим стать. Сейчас трудно вообразить, чем это в итоге обернется. Можно лишь предположить, что это будет грандиозно.

Использование биотехнологии для выбора и тонкой настройки пост-дарвиновской личности будет частично зависеть от индивидуального вкуса каждого человека. Выбор личностных характеристик даже в раю по-прежнему будет сдерживаться генетическими склонностями, древними культурными стереотипами и последними капризами моды. Искушение красной кнопкой сверхнормальных стимулов поначалу ещё будет велико. Кроме того, мы можем быть зачарованы идеями или разновидностями опыта, которые к тому моменту еще не были осмыслены. Проще говоря, мы не будем испытывать дефицита в вещах, с которыми может быть связано наше счастье.

На общественном уровне, видимо, всё ещё будет требоваться некоторая форма разрешения на нейро-архитектурное планирование, поскольку множество индивидуальных микрокосмов будут нуждаться в правильной организации и согласованности. Хотя такая гармонизация не должна представлять большой проблемы, так как люди уже будут счастливы и эмпатично настроены друг к другу. На самом деле, неврологически нет никакого противоречия в том, что люди будут испытывать радость при сотрудничестве с себе подобными; хотя в наши дни это действительно проблематично. Когда жизнь перестанет восприниматься как аналогия к «игре с нулевой суммой», общественное существование будет намного легче координировать.

Первоначально, для экстатиков-«новобранцев» может быть заманчиво стремиться к идеализированному воплощению чисто традиционных способов наслаждения. По сути, мы сможем получить всё, о чём раньше грезили, и даже больше. Например, беспрецедентно яркое чувство реальности, непрерывно обогащающееся чувство значимости и осмысленности всего происходящего, бесконечное чувство необузданного возбуждения, а также необычайной гармонии в себе и окружающем мире. В эти первые дни люди могут найти возможность воплощения старых представлений о хорошей жизни обнадеживающей перспективой. Перед переходом к райскому сверхздоровью любое парадоксальное беспокойство кандидатов на гедонистическое обогащение должно быть уравновешено следующей мыслью. Ни одно из тех благ, которыми мы наслаждались в древнюю дарвиновскую эпоху, не будет утрачено в нашем новом мире. Более того, когда недостаток силы воли останется в эволюционном прошлом, мы сможем достигать наших старых целей с гораздо большим удовольствием. Поскольку слабая сила воли, вызванная гипофункцией дофамина, является одним из тех неврологических расстройств, которые невозможно преодолеть одним

лишь усилием. К счастью, в будущем раю, даже слабый дух сможет сдвинуть горы.

1.7 Разве может что-то быть настолько безупречным?

Вот несколько примеров из ранней пост-дарвиновской жизни.

Любитель природы, к примеру, сможет созерцать пейзажи с таким возвышенным благоговением, что затмит в его памяти бывшее поверхностное восприятие этой красоты.

Музыкант может пожелать, чтобы его функциональные модули, которые обеспечивают музыкальное восприятие, получали особенно богатую иннервацию от его недавно усиленной системы удовольствий. Тогда он мог бы сочинять такую волнующую музыку, о которой его предки не могли и мечтать; а небесная музыка сфер, услышанная средневековыми мистиками, по сравнению с ней показалась бы игрой на свистульке.

Эротоман обнаружит, что то, что раньше считалось страстным сексом, было лишь приятной частью прелюдии. Опьяняюще интенсивное эротическое наслаждение, которого никогда не знала плоть, заиграет полным спектром оттенков любви и дружбы. Это будет возможно потому, что ревность, которая, уже сегодня временно устраняется посредством серотонин-высвобождающих агентов, вряд ли войдет в число тех генетически заданных черт характера, которые будут достойны сохранения в новой эре.

Художник или ценитель изобразительного искусства сможет увидеть светский эквивалент блаженного видения в миллионе различных обликов, каждый из которых неописуемо прекрасен. Плоские лексические символы, которые мы применяем сегодня, к тому времени станут бесполезным пережитком. По мере того, как язык эволюционирует, чтобы отражать всё более высокие уровни бытия, будет введена новая систематика концепций удовольствия, чтобы помочь охарактеризовать новооткрытые способы познания.

В качестве упражнения предлагаю читателю хотя бы на несколько секунд вспомнить самые восхитительные фантазии, которые он или она только способен вообразить. Так вот, состояние божественного счастья, которым будет пронизан мир будущих поколений, на порядок превзойдет все самое лучшее, что может испытать разум современных людей. Оно будет сравнимо только с самыми смелыми фантазиями.

1.8 Всё, что нам нужно, это любовь?

В духе нынешних потребностей, самооценка людей будет улучшена, а самовосприятие украшено. Впервые в своей жизни люди смогут от всего сердца любить самих себя и восхищаться своим телом. Униженное и изувеченное эго будет восстановлено и укреплено, а память о былых травмах останется погребенной под руинами дарвиновской эпохи.

Любовь также обретёт новые грани и воплощения. Например, мы сможем не только любить всех, но и *постоянно* пребывать в этом состоянии; и возможно, мы сами будем гораздо более достойны ответной любви, чем сегодняшние эгоистичные машины для размножения генов. В нынешнем мире, в моменты влюбленности мы часто удивляемся, как можно кого-то любить так сильно; ведь в нормальном состоянии мы относимся друг к другу весьма равнодушно. Это равнодушие или, в лучшем случае, просто рассеянная доброжелательность к остальному населению легко воспринимается как должное на фоне суровых реалий конкурентного потребительского капитализма. Дефицит любви в современном обществе – это всего лишь одно из проявлений нашей эгоистичной ДНК. Если бы люди в целом имели бóльшую степень генетического родства, что присуще многим социальным насекомым (так называемая гаплодиплоидия), то мы, возможно, уже могли бы «естественно» любить друг друга с бóльшим энтузиазмом. Социобиология и ответвившаяся от неё эволюционная психология объясняют наше относительное безразличие к себе подобным.

К счастью, в будущем можно будет симитировать, а затем усилить до неузнаваемости тот вид альтруистической привязанности друг к другу, который может существовать только в обществе 100%-х генетических клонов. Мы смогли бы любить друг в друге всё до мельчайших деталей. Каждый раз в присутствии других людей или в ожидании гостей в нас автоматически могла бы выбрасываться восхитительная смесь из окситоцина, фенэтиламинов и мю-рецепторно-селективных опиоидов, или те потенциальные вещества, которые пока не закодированы в наших генах. Человек дарвиновской эры, оказавшись там, стал бы восприниматься как злобный крипто-психопат. Наши потомки будут намного добрее. Они объединят абсолютную, безусловную и свободную любовь друг к другу с богатым разнообразием генов и культур, хотя в наши дни такая перспектива кажется очень отдаленной.

Другой аспект любви пост-переходной эпохи может показаться еще более удивительным. При желании, отдельные личностные отношения людей могут быть связаны еще крепче, чем это возможно в настоящее время. На протяжении веков жестокости традиционных форм любви причиняли разрушающую боль. Мало кто поспорит, что нам свойственно причинять самую сильную боль тем, кого мы любим. Зачастую мы просто не в силах удержаться от этого. Но вскоре мы сможем преодолевать эту пагубную склонность. Какой бы ни казалась непосредственная причина разрывов многих отношений, но на более фундаментальном уровне она так или иначе связана с конкурентными стремлениями наших генетических комплексов. Вот почему два влюбленных человека, которые годы назад клялись, что скорее умрут, чем навредят друг другу, вдруг оказываются в

слезах и ярости. Женщина может обнаружить, что с годами, по мере снижения ее репродуктивного потенциала, она перестает быть сексуально привлекательной для мужчины, который когда-то пообещал любить её вечно. А её муж, возможно презирая самого себя, вдруг понимает, что бросает её с детьми ради более молодой и сексуальной женщины и заводит другую семью. Этот результат выгоден для генов, но счастье людей разрушилось. Такова наша варварская и обременительная природа.

После Перехода человек сможет любить кого-либо более страстно, чем когда-либо прежде. В пост-дарвиновскую эру человек будет в безопасности, зная, что никогда не причинит вреда близкому и не пострадает от него сам. Настоящая любовь действительно сможет длиться вечно, хотя ответственные пары должны принимать меры предосторожности. Если люди хотят, чтобы их отношения были долговечными и особенными, тогда взаимно скоординированный дизайн их нейронных пространств должен обеспечивать высокое гедонистическое плато и гарантировать, что восприятие их присутствия рядом друг с другом всегда будет иметь уникальное наполнение. Сегодня такая задача не может относиться к области точных наук. Конечно, не исключено, что через несколько поколений исключительно парная связь может показаться странным анахронизмом. Может быть, она должна рассматриваться как еще один пережиток генетического прошлого, которому суждено однажды умереть. Приведенный пример с любовными парами был нужен лишь для предотвращения болезненных опасений, будто в пост-переходную эру нам придётся пожертвовать чем-то прекрасным и достойным сохранения. Мы ничего не потеряем.

1.9 Вкус порока.

Теперь, перед рассмотрением перспектив более отдаленного будущего аффективных состояний во Вселенной, необходимо уделить внимание статусу других животных. Это стоит сделать потому, что бóльшая часть страданий в мире переживается представителями других видов. Массив согласованных данных свидетельствует о том, что относительная степень биологической способности жизни к страданию опосредована определенными частотами возбуждения нейронов; клеточной, синаптической и рецепторной плотностью; а также отличительной нейрохимической и функциональной архитектурой центральной нервной системы. Увы, боль свойственна не только существам, владеющим человеческим языком и способным сообщать о ней посредством синтаксиса.

Человечество часто ведёт себя так, будто это его уникальная черта. В настоящее время мы держим сотни миллионов других живых существ в невообразимо жутких условиях, а причина тому – лишь удовлетворение наших кулинарных пристрастий. Уместно отметить, что, если бы у животных была концепция дьявола, он, несомненно, имел бы человеческое обличие. Увы, это не просто риторический пафос. Люди преднамеренно лишают свободы и убивают наших собратьев в огромном государством ап-

парате концлагерей и лагерей уничтожения, и все это делается для коммерческой выгоды. Возможно, наши потомки будут воспринимать такое отношение к животным как определяющую черту нашего века, наподобие того, как мы сейчас воспринимаем концепцию Третьего Рейха. И аналогично тем временам, нынешнее порочное отношение к животным и даже само существование такого отношения для приличия принято прикрывать эвфемизмом. К счастью, по крайней мере для нашего спокойствия, нам, потребителям, трудно осознать, что в этом наша вина. Условия на фермах и фабриках обычно настолько ужасны, что представителям общественности запрещается наблюдать за зверствами, происходящими внутри.

Однако в большинстве своем мы сами не прочь оставаться в невежестве и быть соучастниками. Покупая мясо, мы спонсируем акты экстремального насилия, которое, в противном случае, могло бы ранить нашу чувствительную натуру. По иронии судьбы, любой, кто не против жестокого обращения с беспомощными людьми или детьми нашего собственного вида, легко подвергается демонизации и осуждению. Обычные, добропорядочные люди сочтут «немыслимым», как такой «бесчеловечный» монстр может причинить страдания невинным и беспомощным. И такие преступники, конечно же, преследуются законом и заключаются в тюрьму.

Наши действия на фабриках смерти настолько отвратительны, что не стоит и пытаться передать это в нескольких строчках текста. Тем не менее, мы так свыклись с идеей эксплуатации и убийства других чувствующих существ ради удовлетворения своих appetитов, что многие сочтут этот абзац сенсационным или, по меньшей мере, слишком эмоциональным, будто реальность таких страданий могла бы быть иной.

Озабоченность тяжелым положением наших нечеловеческих собратьев не является ни глупой сентиментальностью, ни детским антропоморфизмом. Также она не является принижением человеческого достоинства и уже тем более открытой мизантропией, как некоторые могли бы всерьез предположить. Добросердечные люди, которых тревожит жестокое обращение с животными, в целом по своему характеру склонны сочувствовать людям и стараться минимизировать человеческие страдания. Подобные контрасты и ложные антитезы в любом случае бесполезны. Просто отказавшись от употребления мяса, любой человек может столько же времени уделять гуманистическим движениям, как и мясоед.

Однако посреди кровавой бойни есть один реальный проблеск надежды. В течение ближайшей сотни лет, а возможно и совсем скоро, биотехнология позволит нам начать массовое и экономически выгодное производство пищевого клеточного белка и вообще любые виды пищевых продуктов, которые по вкусу, запаху и текстуре не будут уступать продуктам животного происхождения. Когда наши appetиты будут удовлетворены другими средствами, моральный аргумент в пользу прав животных будет казаться гораздо более убедительным. Западные элиты начнут способствовать тому, чтобы наделить когда-то страдавших и гибнувших чувствующих существ такими моральным статусом, как у человеческих младенцев или детей дошкольного возраста. Веганство станет всеобщей нормой, хотя и не

совсем в нынешнем смысле. Благодаря генной инженерии, произойдет огромное снижение количества страданий даже в том случае, если не подтвердится ни один прогноз Гедонистического Императива. Но если Императив всё-таки сбудется, то самая простая закуска будет вкуснее, чем пища богов. Сегодняшних гурманов тогда устроил бы даже вкус обычных чипсов.

Более серьезной проблемой является то, что в традиционных экосистемах, которые мы решим сохранить, животным по-прежнему придется периодически голодать, умирать в муках от жажды и болезней и даже быть съеденными заживо. Обычно такое положение дел считается «естественным», а значит, всё в порядке. Мысли о том, что продолжающийся холокост не имеет большого значения, действительно действуют на нас утешительно. Нам часто бывает удобно вести себя так, будто способность страдать неразрывно связана с лингвистической способностью или размышлениями. Хотя у нас нет никаких причин для такого вывода и немало свидетельств тому, что он ошибочен.

Функциональные области мозга, которые причастны к физической агонии, а также «болевые центры» и особенно лимбические нейронные субстраты эмоций в филогенетическом плане чрезвычайно устойчивы в линии позвоночных. Серотониновые нервные пути, периаквадуктальное серое вещество, брадикинин, динорфины, рецепторы АТФ, семейства опиоидов, вещество Р и так далее – всё это существовало в живых организмах задолго до появления на Земле гоминид. Биохимия страданий чрезвычайно схожа среди широкого спектра видов позвоночных и даже некоторых беспозвоночных. Более того, есть вероятность, что животные, у которых больше болевых клеток и выше плотность синапсов, иногда способны испытывать более ужасные страдания, чем мы, даже если их условный «интеллект» намного ниже. Как утилитарист [а точнее, этический отрицательный утилитарист], я бы сказал, хотя и контринтуитивно, что существование таких «гипералгезических» (то есть, аномально чувствительных к боли) организмов могло бы означать, что в мире есть вещи важнее нас, людей. Да, это звучит как сумасбродное преувеличение. Но оно неизбежно следует из справедливого и неизбирательного применения нашего этического критерия. Пока остается лишь надеяться, что тревожное представление о том, будто где-то кто-то способен страдать сильнее, чем люди, является заблуждением.

1.10 Об ошибочной романтизации кошачьей психопатии.

В будущем, так или иначе, любые формы жизни будут присутствовать на планете лишь потому, что мы позволили им сохраниться или же создали сами. В этом есть привкус высокомерия, но это правда. Со временем мы сможем всё больше манипулировать материей и энергией любым желаемым способом, который не противоречит законам физики. Поэтому возни-

кает моральный и практический вопрос: какие организмы и, следовательно, какие виды переживаний мы собираемся создать или сохранить «в дикой природе» за пределами генетических банков?

Можно предположить, что люди с относительной легкостью переживут гибель, к примеру, нескольких сотен тысяч видов насекомых. С другой стороны, мы можем позволить селекционно усовершенствованным видам травоядных безопасно пастись стадами в специально отведенных и хорошо регулируемых средах обитания, а их численность будет контролироваться посредством долгодействующих контрацептивов. Генно-инженерными средствами обеспечить им счастливую жизнь будет гораздо проще, чем людям. Данный вывод следует из предположения, что в плане получения удовольствия другие животные интеллектуально гораздо менее привередливы, чем многие представители нашего вида.

А что насчет хищников? Нам легко романтизировать, скажем, львов, тигров и кошек. Мы восхищаемся их величественной красотой, силой и ловкостью. Но обладателей таких же повадок среди людей мы считаем бездушными психопатами. Таким образом, как нет необходимости воссоздавать естественную среду обитания умных, белокурых и красивых нацистских штурмовиков, которые затем могут начать уничтожать своих естественных жертв, точно так же также этически невыгодно в знак уважения к природе продолжать разведение заранее запрограммированных машин для убийства вроде кошачьих. И эта аналогия не так уж притянута, как может показаться, ведь нацисты — не менее естественный и заслуживающий внимания образец эволюции человеческого общества, хотя в настоящее время, к счастью, исчезнувший. Нет необходимости говорить, что кошки не виноваты в своей склонности мучать мышей; однако согласно физической картине мира, нацисты тоже не виноваты в том, что преследовали евреев. Но это не повод позволять им продолжать своё дело.

Многие даже симпатизирующие гедонистическому императиву любители животных, у которых эстетизм преобладает над моралью, несомненно будут поражены самой идеей потери таких ласковых и полезных для человечества компаньонов как кошки. Но эти люди будут против потому, что сами с большой вероятностью не рискуют стать жертвами хищников и быть съеденными заживо. Иначе их точка зрения была бы иной.

1.11 Последняя витая молекула на Земле?

Эти рассуждения о тяжёлом положении наших сородичей приводит к одному из точных и потенциально фальсифицируемых предсказаний относительно ближайшей пары тысяч лет.

В один знаменательный и потенциально датируемый момент на этой планете произойдет последнее негативное переживание. Возможно, это будет болевое ощущение у представителя неизвестного нам вида беспозвоноч-

ного. Это событие произойдет незадолго до окончания четвертого тысячелетия. Не исключено, что технически у нас появится возможность устранить любой неприятный опыт уже к концу третьего тысячелетия, что на практике мы вряд ли успеем.

Звучит безрассудно. Тем не менее, как вирус оспы когда-то выслеживался и уничтожался до полного исчезновения, точно так же будут обнаруживаться и устраняться молекулярные признаки отвратительных видов опыта, а также предрасполагающие к ним гены. Систематическое применение нанотехнологий, самовоспроизводящихся микроскопических роботов с мощными суперкомпьютерами, а также ультра-сложной генной инженерии позволит нам ликвидировать корень всех зол, скрывающийся под личиной естественности.

Боль и несчастье, несомненно, принимают мириады форм. Поэтому можно предположить, что для полного освобождения нам придется ликвидировать невероятно огромное и неоднородное множество биохимических реакций. Сложность и предполагаемая невозможность установления строгой типовой идентичности между физическими и высшими ментальными состояниями, кажется, еще сильнее усугубляет задачу устранения неприятных переживаний в нашем мире.

Однако, по крайней мере в одном отношении, многие из этих граней страдания обманчивы. Подобно различным источникам счастья, они способствуют генетически адаптивному заблуждению. В данном случае заблуждение заключается в том, будто феномен снижения приспособленности (в дарвиновском смысле) плох по своей сути. Этот адаптивно выгодный самообман порождается механизмами, посредством которых первичные нервные процессы, опосредующие эмоции, физически внедряются в неокортекс. Миллионы лет движимой ДНК энцефализации приглушили примитивные субстраты эмоций в глубинах мозга и разума. Эти субстраты могут быть раскодированы. И будущие специалисты по парадаиз-инжинирингу должны будут нацеливаться на эти древние ветвистые генераторы отчаянья, заставляя рассеяться целый рой содержащихся в них когнитивных пристрастий. Сначала у людей, а затем, спускаясь «вниз» по филогенетическому дереву, и у других животных, все непостижимо разнообразные виды переживаний в целом должны стать исключительно положительными. На этом ужасная эра в истории Земли должна закончиться.

1.12 Постоянство жесткого порно?

Трудно догадаться, какие именно пережитки прошлого будут заархивированы после того, как всё отвратительное будет вычищено из нашего сознания. Как мы сохранили генетическую информацию вируса оспы и при желании можем воссоздать его, так же, вероятно, будут сохранены записи филогении и молекулярной архитектуры боли и страданий.

Однако трудно предположить, по каким причинам нам понадобилось бы физически восстановить эти неприятные паттерны психики. Возможно, они по большей части так и останутся нерасшифрованными. Если интерпретация их опасного, квази-порнографического формализма и будет доступна нашим потомкам, то только в форме смутно понимаемой аналогии, поскольку пост-люди будут чувствовать только гедонистическими градиентами. Их мышление будет наполнено меняющимися нюансами и оттенками удовольствия, и эти различия, вероятно, останутся для них основными мотиваторами или демотиваторами к действию. Таким образом, далекие поколения должны быть в состоянии, по крайней мере абстрактно, концептуализировать понятия «боль» и «отчаяние». Такие состояния можно представить как формы сознания, которые в райской иерархии расположены ниже той черты, где общее качество самого опыта претерпевает своего рода таинственный фазовый переход. Но возможно, что по другую сторону этого Великого водораздела наши экстатические потомки найдут свойства опыта неуловимыми.

Остается надеяться, что врождённые экстатики ради собственной безопасности будут держать под контролем свое интеллектуальное любопытство насчет таких запретных тайн, ведь решившись спуститься в эту бездну, они не будут сознавать, что она собой представляет. И ничто не сможет подготовить их к тому ужасу, который они найдут. К счастью, скорее всего, они будут лишены нашего жгучего любопытства к извращениям и непотребству.

Сейчас кто-нибудь может возразить, что состояния относительного недостатка удовольствия будут равносильны несчастью. Так что без поддержания однообразного и парализующего любую деятельность уровня удовольствия неприятные состояния неизбежно останутся распространенным явлением даже в пост-дарвиновскую эру.

Это возражение правдоподобно, но необдуманно. Столкнувшись с двумя неприятными альтернативами, выбор меньшего из зол всё-таки не сделает болезненный опыт приятным. Аналогичным образом, переживание меньшего из двух наслаждений не кажется таким уж болезненным; просто нейроны удовольствия действительно очень жадные и всегда жаждут большего.

1.13 Растущие радости человечков.

Если предположить, что они действительно всегда будут просить большего, что еще можно сказать о отдаленном будущем эмоциональной жизни во Вселенной? Как пост-люди будут тратить время своей жизни и как начнёт ощущаться само существование после того как Рай будет биологически освоен?

Во-первых, предостережение. Большинство сегодняшних футуристических размышлений фокусируется на хард-корных высоких технологиях.

Мы с удовольствием погружаемся в мир фантастической физики вроде сериала Стар Трек. Однако новые экзотические эмоции для нас столь же невообразимы, как феноменально недоступные цвета. Они кажутся нам лишь пустыми абстрактными возможностями. Мы заранее безоговорочно полагаем, будто наш эволюционно древний репертуар адаптивно выгодных настроений будет характеризовать и наших пост-человеческих потомков и вообще любую инопланетную форму жизни, которую он встретят. Таким же образом мы склонны антропоморфизировать даже обычных роботов. Мы опасаемся, что они «*почувствуют*» превосходство и «*захотят*» доминировать над нами (снова отзвуки африканской саванны!) Но эмоциональная экономика пост-дарвиновской психики может быть несравнима ни с одним аспектом того, что ей предшествовало. Действительно, внутренняя жизнь пост-дарвинянцев может быть совершенно недоступна для понимания нашим разумом охотников-собирателей. Текстура граней их субъективного опыта может унаследовать от нас одно название. Даже если бы мы могли увидеть будущее, возможно, мы поняли бы его не больше, чем понимают кошки при просмотре телевизора. Мы просто не поняли бы значения происходящего.

К сожалению, у нас нет способа определить степень нашей когнитивной замкнутости, и это огорчает. Если квантовые космологи могут теоретизировать о первых 10^{-43} секунд после Большого Взрыва и считаться занимающимися строгой наукой, то стыдно признать, что наши догадки по первым тысячам или миллионам лет жизни правильнее было бы рассматривать даже не как мягкую науку, а скорее как научную фантастику. Ведь для сколь-нибудь серьёзных предположений там слишком много неизвестных, а простая экстраполяция нынешних тенденция может ввести в заблуждение. Прогнозируемые временные рамки даже относительно предсказуемых биомедицинских прорывов, например, устранения процесса старения, довольно расплывчаты. Гедонистический Императив тоже может оказаться опрометчивой спекуляцией; однако к концу третьего тысячелетия жизнь и сознание могут принять такие формы, которые для нашего сегодняшнего воображения показались бы более инопланетными, чем самые экстравагантные футуристические фантазии. С другой стороны, насколько нам всем известно, один из вариантов принципа удовольствия является универсальной — и универсально понятной — характеристикой чувствующей жизни; а его космический апофеоз станет конечной судьбой Вселенной.

Как только страдание будут отменено, эре устаревших моральных дилемм придёт конец. Физиологические механизмы мозга, лежащие в основе процессов создания ценностей, будут раскрыты в период работы над отменой страданий; однако тот вид натурализованной и зависимой от разума ценности, которую создадут биоинженеры после исчезновения феноменологии злости, уже не будет охватывать этические категории в том смысле, в каком мы понимаем их в настоящее время. Героическая моральная неотложность исчезнет; хотя в действительности есть риск, что обсуждаемые в данном разделе истинно гедонистические темы отвлекут внимание от моральной серьёзности всего пост-дарвиновского проекта, каким он задумывался сегодня.

Тем не менее, вот краткий обзор некоторых долгосрочных вариантов.

Во-первых, нынешние размеры человеческого мозга и его аффективных возможностей ограничены размером женского родового канала. Пока давление отбора благоприятствовало развитию мощных биологических субстратов боли и несчастья, такое ограничение можно было считать милостью.

Но когда страдания будут отменены и физиологически невозможны, данное ограничение больше не понадобится, поскольку оно будет лишь препятствовать эмоциональному развитию и созреванию организмов. Здоровые нейроны, за исключением тех, что в гиппокампе и некоторых других областях, к сожалению, не размножаются. При рождении мы получаем почти полный их комплект, после чего они несколько беспорядочно отмирают. Однако, когда станет возможно выращивание человеческого плода от зачатия до рождения в искусственной маточной среде, тогда количество и синаптическая плотность нервных клеток, а также их качество, можно увеличить в разы по чисто утилитаристским соображениям. Это увеличение коснётся и плотности рецепторов, постсинаптических механизмов трансдукции и жизненно важных генетических факторов контроля транскрипции в путях удовольствия. Так же может быть увеличена и обогащена субгенная префронтальная кора, производящая серотонин. Здесь будет уместно упомянуть тот факт, что у страдающих клинической депрессией в этой области в среднем на 40% меньше мозговой ткани, чем у людей из контрольной группы. Кажется, эта область имеет решающее значение для обработки эмоций, связанных со сложными личными и социальными ситуациями; и её роль со временем должна возрасти. После того, как мы разработаем более изоощренную и социально ответственную нейронную схему, все наши эмоционально первобытные образы социальной жизни можно будет считать поверхностными и рудиментарными.

Пока остаётся неясным, на сколько порядков теоретически можно увеличить мозг и разум супер-организма до того, как столкнёмся с непреодолимыми конструкционными ограничениями. Также неясно, может ли так называемый «мозг Юпитера» подвергаться квантово-механическим когерентным состояниям, необходимым для поддержания единого эмпирического многообразия (смотрите «Проблему зернистости» сознания Селларса) и, таким образом, сохранять потенциально интегрированное «Юпитерное Я». Тем временем, и в более консервативном масштабе, гигантские общества гедонистических супер-нейронов могут быть выращены самостоятельно, чтобы сформировать постепенно увеличивающиеся, более счастливые и разнообразные виртуальные миры.

Можно предположить, что доступ к беспрецедентным состояниям организмической эйфории всего тела, подпитываемым гипертрофированным и усиленным аппаратом удовольствия, будет вполне достаточным для любого. Что ж, возможно. В любом случае, стоит всегда различать два вкуса счастья: блаженная удовлетворенность и эйфорическая мотивирующая стимуляция. Если, как и предсказывалось, пост-переходную эру будет пи-

тать именно последняя, дофаминергическая движущая сила, то упомянутые выше типы удовольствия будут лишь предвкушением дальнейших тысячелетних переходов, причем они будут происходить независимо от того, какая меняющая умы мета-парадигма повлечет за собой их появление.

В настоящее время соматосенсорная кора и ее так называемый чувствительный «гомункулус» занимают лишь очень скромную часть мозга. Её сравнительно небольшой размер когда-нибудь будет отмечен как ещё одна отличительная анатомическая черта нашего дарвиновского прошлого. Использование основной массы коры для запуска эгоцентрических симуляций, управляемых данными из внешней среды, а не только от внутренних стимулов, как правило, максимизировало нашу генетическую приспособленность в африканской саванне. Поскольку нападение хищников нам давно не угрожает, такие состояния частичного самоотчуждения становятся всё более бесполезными. Таким образом, в будущем клетки соматосенсорного типа можно будет использовать для засева́ния других областей коры и прилегающих к ней структур – и они смогут выборочно интегрироваться в остальную часть чувственного многообразия каждого человека.

Соответственно, гипер-оргазмический восторг всего тела по желанию может быть расширен, чтобы пропитать весь психонейронный виртуальный мир. Мистическая мечта о слиянии со Вселенной – хотя в действительности только со своим собственным нейронным микрокосмосом — может быть реализована в полном экстазе чувств нейрохимической души.

Жизнь может стать еще лучше. В настоящее время прилежащее ядро и связанные с ним мезолимбические структуры не состоят из сырой схемы удовольствия. Некоторые биомолекулы (например, динорфины, которые накапливаются во время хронического употребления психостимуляторов и причастны к кокаиновой зависимости), являются неприятными и дисфункциональными. Их можно генетически устранить. Но есть и гораздо более захватывающая возможность. Большинство кортикальных нейронов не обладают врожденной способностью создавать хорошее самочувствие, не говоря уж о автономном гедонизме. Как уже отмечалось, они лишь полагаются на иннервацию от моноаминергических и других нейронов, чтобы придавать аффективный тон любой функциональной роли и субъективному ощущению, которое они выражают. Но как только точные молекулярные сигнатуры экстаческого опыта в путях удовольствия будут изолированы, их метаболические реакции могут быть перенесены и на другие типы нейронов: это будет гедонистическая демократия.

1.14 Пост-перцептивное сознание.

Многие будущие интенциональные очаги радости (иначе говоря, всё то, «о чём» мы счастливы) будут встроены в состояния сознания, которые людям нашей дарвиновской эры показались бы чуждыми как в качествен-

ном, так и количественном смысле. Осознание того факта, что незначительная молекулярная изменчивость нейронного белка порождает такие разные виды опыта, как зрение и звук, очень интригует и воодушевляет. Только Небеса знают, какие еще несоизмеримые типы субъективного опыта (так называемые «квалиа») нам откроются, когда будут достигнуты гораздо более серьезные изменения в архитектуре возбудимых клеток.

Дарвиновский статус-кво, основанный на случайной генетической изменчивости и естественном отборе, готов рухнуть. Хотя физиологически мы могли претерпевать почти безграничные метаморфозы, границы нашего чувственного опыта оставались привычными, и в этом нет ничего противоестественного. До настоящего момента ДНК, которая привела нас к нашему нынешнему состоянию, должна была преодолевать генетически неадаптивные низины в ландшафте приспособленности. Нео-дарвиновская эволюция исключает перепрыгивание через эти низины по собственному желанию, она просто не имеет соответствующего механизма. Естественный отбор неспособен предвидеть, он работает только в настоящем времени. Поэтому он не имел возможности привести нас к тем состояниям сознания или видам опыта, которые не были полезны при прохождении через эволюционный ландшафт. Но теперь с помощью сознательного дизайна мы можем сделать это сами. Сначала мы можем назначить им сугубо гедонистическую роль, но затем ими можно будет мастерски манипулировать, перестраивать, вплетать в богатые повествования, назначать им новые функциональные роли в мозге, да и просто увлекаться их внутренним разнообразием.

Старые представления о себе и реальности могут распасться непредсказуемым образом. Стоит упомянуть, что в настоящее время проявления нашей ментальности принято условно раскладывать на когнитивные, аффективные и волевые аспекты, то есть на «мысли», «чувства» и «желания». Но может оказаться, что эта таинственная троица представляет лишь некоторые вариации из гораздо более широкого феноменологического семейства последовательных потоков сознания. Эти новые режимы ждут своего открытия или биотехнического изобретения. Некоторые из них могут в конечном счёте работать вычислительно в качестве квазиреальных общего церебрального сознания; но остальным им вообще не нужно играть какую-то особую функциональную роль. Впрочем, не считая фантазий о том, на что эти режимы могут быть похожи, об их свойствах пока не стоит даже пытаться рассуждать разумно, иначе это будет лишь наивной демонстрацией могущества нашего языкового механизма, а также искушением понадевать простительно ложных выводов. Наш синтаксис действительно позволяет нам думать и говорить о невообразимом разнообразии вещей. И тем не менее, не считая мелких семантических парадоксов, у нас нет возможности сколь-нибудь адекватно представлять себе эмпирически скрытые области, для доступа к которым у нас пока нет необходимых нейрохимических путей. Их инопланетная экзотика еще долго останется для нас когнитивно неприступной. А если говорить о неизвестных адских состояниях, то можно надеяться, что они останутся непостижимыми навсегда.

Такие гипотетические новые категории опыта будут эмпирически определяться, воспроизводиться и эмоционально энцефализироваться только посредством изучения их внутренних свойств с позиции первого лица. Наблюдений без экспериментов будет недостаточно. Систематическое экспериментальное манипулирование сознанием с помощью психоактивных средств будет дополнять перспективы физической науки от третьего лица. Будет наиболее благоразумно, если эти исследования будут проводиться врожденными экстадиками, а не дарвиновскими умами. Потому что генетически не исправленные варвары вроде нас рискуют испытать гораздо худшие последствия от таких трипов. В любом случае, бесполезно *a priori* философствовать о возможной психоделической природе, используя наше устаревшее нейрохимическое аппаратное обеспечение, работающее на привычных концептуальных рельсах. Наши нынешние виды опыта и лингвистические возможности лишены необходимых семантических примитивов для выполнения этой задачи. Только семантические примитивы, выведенные из новых способов переживания — а не просто перетасовка суждений с использованием нынешнего репертуара понятий — возможно позволят последующее теоретическое осмысление психоделического микрокосмоса. Новые семантические примитивы также потребуются для выражения истинно новых эмоций, ощущений, способов интроспекции и рефлексивного самопознания.

Однако это еще не окончательная мудрость. В академических кругах любое изучение сознания остаётся лишь предметом схоластических споров, и почти невозможно в качестве экспериментальной дисциплины. Отчёты о систематическом манипулировании сознанием, написанные от первого лица, по большей части считаются негодными для публикации в научных журналах или даже дискредитирующими. Зато, по иронии судьбы, мы сейчас высмеиваем глупость клерикальных противников Галилея то, что они отказывались смотреть в его телескоп. И мы так же, как они, оберегаем своё душевное спокойствие. И своими репрессивными законами о психоактивных веществах мы так же препятствуем получению знания, которое может нарушить привычный порядок. Психоделики вызывают изменения сознания, которые радикально подрывают существующую социальную, политическую и академическую структуру власти и её определения реальности. Строгие наказания за публичную защиту и распространение таких опасных знаний не намного более милосердны, чем методы инквизиции — ведь в наших тюрьмах довольно суровые условия, хотя публичное отречение и покаяние иногда могут смягчить строгость наказания.

Психоделия пост-человеческого экстаза слишком трудна для обдумывания. А прогнозирование более отдаленного будущего аффективных состояний могут казаться еще более безумными. Ведь мы не просто не осведомлены о новых эмоциях, которые будут открыты и синтезированы биотехнологией — мы не знаем, какие неокортикальные «когнитивные» процессы они будут насыщать и обогащать. Примет ли сознание в своём нынешнем феноменологическом и квази-вычислительном виде новые пост-клеточные и искусственно обогащенные формы? Или же следует серьезно относиться к углеродно-шовинистскому и микро-функционалистскому аргументу, что только уникальная структура атома углерода и его валентные

свойства позволяют развиваться эмоциональным формам жизни во Вселенной? Придет ли, в конце концов, пост-личностная эра, в которой дискретные, порожденные генами суперразумы постепенно решают слиться воедино? Или же фрагментированные островки жизни, сохранившиеся со времён глубокого дарвиновского прошлого, будут бесконечно долго оставаться в полуавтономной изоляции? Если сознание является фундаментальным свойством Вселенной, а не просто подвешенной «номологической побрякушкой», то действительно ли суперструны (или браны), вибрирующие при энергии на порядки выше, чем у нас, ответственны за поддержание интенсивности опыта? Или они лишены какой-бы то ни было субъективности?

Нет необходимости говорить, что у нас нет ответов на эти вопросы. С какой-либо долей уверенности здесь будет предсказано лишь то, что один древний, неприятный и отравляющий душу тип опыта вскоре сгинет, словно вымерший вирус.

Часть 2: Почему?

*«Какое мы имеем право быть счастливыми?»
(Ибсен)*

2.0 Психология диванного гедонизма.

Так что, в принципе, это технически выполнимо. Рай может быть биологически реализован. Всеобщее благоденствие нейрохимически осуществимо. И всё же, стоит ли его достигать? Вообще, почему страдание нужно исключить? И почему счастье столь хорошо? Какая связь между моральной ценностью и максимизацией личного благополучия, если она существует? Действительно ли защищаемые здесь трансцендентально счастливые состояния более ценны, чем дарвиновский статус-кво? Или ценностные суждения по своей сути субъективны и не могут быть истинными?

У нас есть как практические, так и этические причины планировать глобальный проект по отмене негативных переживаний. Практические причины будут рассматриваться в первую очередь, а затем обсудим этический вопрос. После него могла бы последовать защита онтологии объективных ценностей, призванных избавить принятую здесь этическую позицию от обвинения в пустом субъективизме, но этот пункт можно пропустить, чтобы не терять времени зря.

Источником инструментальной ценности биологической программы служит скупулёзный анализ целей и средств, и ничего более сложного. Этот анализ лучше всего представить путем рассмотрения биологизированного варианта теории психологического гедонизма. Мы все танцуем свои жизни вокруг всевластной оси удовольствия и боли. Здесь будет отстаиваться утверждение, что при всех сложностях и парадоксальностях, которые следуют из этой теории, психологический гедонизм содержит крепкое зерно истины. В процессе нашего продвижения и подготовки следует постоянно держать в уме один момент – даже к прерывистым и изменчивым путям достижения целей следует относиться рационально. В настоящее время мы алчно стремимся к различным обликам счастья, но с пугающе иррациональным и нередко убийственным уровнем неумелости. К счастью, все локальные минимумы привычного нам скверного состояния, которые устанавливаются генами для их же выгоды, могут быть заменены глобальным максимумом счастья и благополучия.

Так что же это за встроенный двигатель, который мы наконец сможем завести с помощью новой биологической схемы?

Психологический гедонизм многими воспринимается как простой трюизм, ложность и бесполезность которого не вызывает сомнений. Но *здесь* предполагается, что эта гипотеза по своей сути верна, правильно сформулирована и имеет важные последствия. И если она в целом верна, и мы все действительно мотивированны стремлением к общему состоянию мезолимбического ядра, которое лишь маскируется разнообразием интенциональных желаний в нашем конкурентном мире, то ответ на вопрос «Почему?» в сущности прост. Должны ли мы генетически перепрограммировать свою гедонистическую беговую дорожку, — ответ сводится к простой проблеме рациональности средств и целей. Какой самый эффективный или, более уместно сказать, единственный способ достичь того, к чему мы *уже давно* стремимся во множестве обликов? Как достичь этих эмоционально совершенных типов мезолимбических состояний разума и, главное, каким образом мы сможем удерживать их?

Конечно, даже если какой-то вариант психологического гедонизма является по сути правильным, скептик всегда может спросить: «Но зачем тогда быть рациональным?» Желая подкрепить свою якобы последовательную позицию, он мог бы даже выдвигать претендующие на рациональность аргументы. Тем не менее, саморазрушительная природа иррационального поведения и всячески замаскированная некогерентность иррационального мышления означают, что этот вариант не будет рассматриваться здесь сколь-нибудь углубленно.

Более тонкий критик биологической программы открыт для признания того, что психологический гедонизм может быть по сути верным, однако он также может настаивать, что существуют моральные соображения, согласно которым нам было бы лучше не начинать эту программу, а остаться в своём нынешнем состоянии. Следовательно, с этой точки зрения, было бы морально предпочтительнее, чтобы мы продолжали на выборочной основе действовать нерационально и неэффективно. Иначе говоря, нынешнее допереходное состояние оставляет всем людям выбор – быть рациональным или нет – а значит, как бы парадоксально это ни звучало, данное состояние морально правильнее, чем предлагаемое будущее, в котором рациональными будут все от рождения.

Однако всё вышеизложенное скорее *предполагает*, а не выдвигает аргумент в пользу общей правильности гипотезы психологического гедонизма. Цепочка защищающих её аргументов, которая должна быть здесь представлена, по крайней мере на первый взгляд, кажется довольно слабой. Причина этой слабости в том, что одно из её звеньев полагается на обращение к интроспекции. Поскольку само слово «интроспекция» или «самоанализ» вызывает приступ отвращения у многих привередливых и научно мыслящих умов, сначала следует привести несколько очень кратких размышлений о природе и эпистемологическом статусе этой подозрительной способности.

2.1 Как созерцать интроспективную пустоту?

Достоверно ли говорит нам интроспекция, что мы ищем удовольствий и избегаем боли? Если да, то существует ли наилучший способ достичь того, что к чему стремится наш мозг?

Экстероцептивные, то есть, так называемые «воспринимаемые» данные имеют решающее значение для эмпирических методов, которые характеризуют и, возможно, определяют естественные науки. А *интроспективные* свидетельства научным сообществом, как правило, осуждаются и игнорируются как несостоящие внимания. В науке доминирует так любопытно называемая перспектива «от третьего лица». Тем не менее, в ходе эволюции развилась одна особенная и адаптивно выгодная особенность, которая так важна для умственной деятельности людей; и, вероятно, развилась она *для* чего-то, а не по счастливой случайности. Это интроспекция. Даже ненадежная и подверженная ошибкам система нейropsychологического самонаблюдения могла представлять для организма адаптивную ценность. Любое, пусть даже далекое от полноты понимание причин, лежащих в основе своего поведения, также, посредством аналогии, симуляции или логического вывода, помогает частично понять и предвидеть поведение внутривидовых или генетических конкурентов.

Считается, что с точки зрения методологии неизвестно, каким образом интроспекция может быть исследована или даже определена научно. Более того, хотя субъективность является неотъемлемой частью естественного мира, неудачное смешение двух смыслов слова «субъективный» часто приводит к тому, что его онтологически принижают и методологически обесценивают. Конечно, нельзя отрицать, что в отчетах о своём субъективном опыте люди нередко фантазируют. Они могут вводить в заблуждение как окружающих, так и самих себя. Хотя различные функциональные модули мозга крепко связаны, они не полностью проникают друг в друга. Следовательно, локально распределенные нейронные ансамбли одного конкретного модуля не всегда могут знать о том, что происходит в других, и не сообщают об этом. А это значит, что словесная искренность не является гарантией правдивости. Но еще хуже то, что инициация некоторых поступков человека может вообще не иметь никаких пересечений с его (даже иллюзорным) интроспективным самопознанием. Мы имеем сознательный доступ к этой информации, но мы слабо связаны с ней процессуально. Более того, многие из наших номинальных действий кажутся по большей части автоматическими – им не предшествуют сколь-нибудь существенные интроспективные рассуждения или гедонистическое взвешивание вариантов и возможных последствий. Так как же мы можем утверждать, что мы «действительно» ищем счастья?

2.2 Важность банальности.

Несмотря на вышесказанное, всё же стоит сделать одно банальное, но кардинально важное замечание. Оно касается неявных критериев, которые использует человек, принимая решение действовать определённым образом при выборе из нескольких вариантов. В повседневной жизни человек совершает множество определенных действий по той причине, что, по крайней мере, при поверхностном взгляде, именно эти действия или их последствия кажутся ему предпочтительнее альтернативных вариантов; и избегает других действий потому, что они кажутся ему менее предпочтительными, эмоционально негативными или нейтральными. Возможно, эту простую мысль можно выразить более удачными способами, но суть её не изменится.

Банально это или нет, но знание о существовании и природе этой разницы в аффективном тоне, когда кто-то обдумывает варианты и принимает решение действовать, может быть получено только из интроспекции; и тем не менее оно важно. С точки зрения третьего лица биологическая наука может объяснить физический аналог этого субъективного мотивационного суждения. Экспериментально усиливая или ослабляя мезо-лимбическую дофаминовую функцию, нейрофармакологи посредством стимуляторов или нейрорептиков могут демонстрировать ключевую роль этой системы в определении поведения высших позвоночных. Нейронаука может даже назвать определенные области мозга «центрами удовольствия», соединить их с электродами, а затем продемонстрировать их непреодолимую силу. Однако только путем соотнесения, а затем и идентификации отдельных типов физиологических функций и структур с особыми формами субъективного опыта биология может попытаться выяснить, как человек принимает *решения*, а не просто *ведет* себя физически.

Одобрять психологический гедонизм как теорию действия и считать его нуждающимся в биотехнологической рационализации — это не то же самое, что сказать, что человек всегда действует эгоистично в смысле служения только своим собственным условным интересам за счет других людей. Эгоистичные гены иногда могут процветать, порождая неосознанно бескорыстные фенотипы. Например, представление о счастье друзей и семьи может служить мощным источником мотивации. Кроме того, человек может испытывать моральное удовлетворение от осознания своей добротности. Приводя более радикальный пример, есть смысл, в котором даже пожертвование своей жизнью ради семьи или страны, также не является аномальным в контексте данной гипотезы. В определенных обстоятельствах, обычная эгоистичная жизнь может приносить меньше удовольствия, чем жизнь, наполненная заботой о других. Иногда эта разница настолько велика, что человек даже предпочитает лишиться жизни. На что гипотеза психологического гедонизма ещё даже не начала отвечать, так это то, почему мезо(кортико)лимбическая дофаминовая система обладает столь необычайной и вызывающей привязанность феноменологией, которая в некотором смысле вдохновила нас на развитие цивилизации. Почему она столь неотразимо хороша? Этот вопрос слишком глубок, чтобы отвечать на него здесь.

2.3 Пустые желания?

Даже если бы бессодержательность психологического гедонизма по большей части была правдой, могло бы это сделать его устойчивым? Ведь бессодержательность защищена от низвержения. Каким тестом эту гипотезу можно фальсифицировать? С каким положением дел она когда-либо может стать несовместимой?

Мне не кажется, что нечто бессмысленное может быть прочным. Действительно, существует тесная концептуальная связь между теорией и нашим пониманием самого действия, однако она скорее отражает эмпирическую адекватность теории, а не бессмысленность. Здесь можно отметить два примера и потенциальных способа фальсификации. Во-первых, психологический гедонизм помогает объяснить, почему чувствующее существо может никогда не уставать от стимуляции своих центров удовольствия естественным или иным способом, и почему даже самые педантичные моральные стандарты могут разрушаться под действием таких наркотиков как героин. Какими бы разными ни казались наркоман и абсолютный трезвенник, они не занимают двух онтологически отдельных сфер бытия или химической мотивации. В плане хорошего физического и эмоционального самочувствия мы все зависим от опиоидов. Опиоиды связываются с рецепторами в вентральной области покрышки мезолимбической дофаминовой системы, что является последним общим путем мозга для удовольствия. Именно здесь находятся клетки, которые создают это ощущение. Если они не счастливы, весь организм также будет несчастен, пока эта психохимическая ситуация не исправится; поскольку их клеточные процессы проникают в остальные части мозга или психики. Наркоман получает свою дозу опиоидов *экзогенно*, тогда как у остальных он высвобождается *эндогенно* и не всегда полноценно под действием таких стимулов как еда, секс, физическая активность, общение и так далее. Мы с наркозависимыми стремимся к одному и тому же состоянию психохимического благополучия, хотя под разными описаниями.

Следовательно, даже средства, вызывающие «психологическую» зависимость, при дефиците могут приводить к компульсивному поиску новой дозы и преступному поведению; и этому подвержены даже благородные и праведные души. Это связано с тем, что чрезмерно опьяненный мозг перерегулирует свои клеточные рецепторы и снижает выработку соответствующих химикатов удовольствия; а это, в свою очередь, усугубляет его зависимость от экзогенных источников. Даже умные и волевые люди, которые уверены в своей способности безопасно употреблять средства в так называемых «рекреационных целях», могут неправильно понять психохимические корни своего поведения. Результаты такого заблуждения могут быть катастрофическими. Быстродействующие эйфоретики вроде крэка-кокаина потенциально могут развратить даже самого ярого моралистического противника гедонистической гипотезы. Попадание в зависимость от героина или крэка действительно может дать самое яркое эмпирическое озарение о природе человеческой мотивации; хотя есть веские причины считать, что экспериментальный метод зашёл слишком далеко.

В качестве второго ответа на бессодержательность стоит рассмотреть следующий мысленный эксперимент. С учетом постоянства физических законов, чисто эпистемологически можно допустить, что в причинно замкнутом мире наши тела просто ведут себя тем или иным образом, однако в такое представление не вписываются волевые акты, которые сопровождают существенную часть наших действий. Если бы это было так, тогда многие варианты поведения, выполняемые телом человека, по своим прогнозируемым последствиям показались бы ему более неприятными, чем некоторые из их условных альтернатив. Происходящее в этом сценарии никого не удивит: поведение тела по-прежнему можно рассматривать лишь как конечный продукт разыгрывания закономерных физических взаимодействий. В таких условиях любая случайная феноменология будет просто сопутствующим явлением.

Однако, учитывая, что мы действительно испытываем особую феноменологию волевого действия, похоже, это не согласуется с нашим нынешним пониманием концепции, что можно сознательно, феноменологически выбирать одно действие вместо другого просто потому, что это действие и его последствия кажутся *менее* удовлетворительными, чем альтернативы. Логически еще более сомнительным было бы представление о существе, спектр удовольствия и боли которого был бы перевернут и которое действовало бы в сознательном стремлении к самому нежелательному результату. Это не означает, что практические последствия поведения некоторых людей не могут вредить их намерениям. Кроме того, человек также может действовать менее удовлетворительным образом, если он преследует более удовлетворяющую *долгосрочную* цель; однако это и есть применение принципа отсроченного удовольствия, хотя такое поведение и может обманчиво показаться пуританским. И этот принцип только укрепляет, а не подрывает гипотезу психологического гедонизма.

Дело в том, что психологический гедонизм предполагает, что мы действуем в том смысле, который отличается от простого поведения. Он фокусируется прежде всего на том, как мы принимаем решения, исходя из приятного или неприятного образа ожидаемых последствий нашего выбора. Тем не менее, похоже, что изначально существует тесная, хотя часто неявная, концептуальная связь между чем-то удивительно похожим на психологический гедонизм и нашим представлением о самих действиях, и, в частности, о том, что мы действуем в соответствии с одним воспринимаемым выбором в пользу другого. Хотя это не правдоподобно, но даже если бы считалось аналитически верным, что все действия так или иначе мотивированы желанием ожидаемого счастья, это не доказывало бы, что психологический гедонизм правилен. Аргументы в стиле «парадигмального случая» в духе старой плохой философии обыденного языка, безусловно, не могут решить этот вопрос. Наши термины, независимо от их «аналитичности» могут просто потерпеть неудачу в своём смысловом предназначении. Нельзя просто определить что-либо в существовании. То, что несомненно считается аналитически верным в одну эпоху, может рассматриваться как эмпирически или даже аналитически ложным в другие времена. Поэтому эмпирическое исследование связей между механиз-

мами вознаграждения мозга и дофаминергически иннервируемыми префронтальными моторными корковыми областями, ответственными за добровольные действия, является, как минимум, не менее полезным занятием, чем кабинетная психология. И все же, если бы не спасение интроспекции, не было бы никакого представления о том, что хотя бы одно существо в мире когда-либо действовало сознательно. Бихевиоризм интеллектуально мертв, и можно плясать на его могиле.

2.4 Грязное окно души.

Держа это в уме, к своему большому разочарованию я могу сказать, что мне никогда не удавалось интроспективно поймать себя на том, что я действую определенным образом, когда представление об альтернативном варианте было более или менее привлекательным, чем выбранный вариант. Если эта неспособность действительно универсальна, тогда биологическая программа была бы рациональной в инструментальном плане.

Может ли какой-нибудь вариант принципа чистого удовольствия быть верным для некоторых, не говоря уже о всех? Сейчас можно легко оказаться во власти ложной теории, которая приукрашивает искренние интроспективные отчеты. Поэтому не стоит сердиться, если эти отчеты сомнительны, ведь человек может искренне ошибаться. Однако если это так, то он ошибается в очень уважаемой и многочисленной компании. Более того, нет никаких поведенческих доказательств, позволяющих предположить, что люди, чьи интроспективные признания подкрепляют гедонистическую гипотезу, больше других склонны к поведению, которое в их культуре считается эгоистичным. Глубокая и тонкая концептуальная связь между концепцией действия и принципом удовольствия может отражать важную особенность мира.

Ибо если скептическое беспокойство насчёт Проблемы Других Умов может быть проигнорировано здесь как праздное, то естественно предположить, что в своих основных психических качествах человеческий вид является типичным представительным животного мира. На основании не поддающегося проверке, но когнитивно необходимого принципа единства Природы может показаться, что нечто столь фундаментальное, как аффективная окраска волевого действия, скорее всего является не спорадическим, а биологически врожденным феноменом. Принимая во внимание не редуцируемо личностную природу субъективного опыта, естественные науки не способны доказать, что некоторые каузально эффективные состояния принятия решений на самом деле имеют дифференциальный гедонистический тон, о котором свидетельствует интроспекция. Но есть весьма веские причины считать, что это действительно так, и что наши гены смещают нашу гедонистическую энцефализацию соответствующим образом. Действительно, именно существенное совпадение между техническим определением эгоизма в социобиологии и менее определенным поведен-

ческим использованием этого термина свидетельствует о том, что определяющие атрибуты человека являются отражением его статуса как одноразового генетического механизма, а не автономного морального субъекта.

2.5 Давайте станем рациональными.

Однако в контексте биологической программы, намеченной в этой работе, важно не упускать из виду центральное и относительно неоспоримое предположение о человеческой мотивации. Мы проводим много времени, пытаясь осчастливить себя либо «опосредованно», то есть с помощью наших эмоционально энцефализированных представлений о других людях, либо из более прямых побуждений, относящихся к нам самим. На самом деле, зачастую мы говорим о своей мотивации совершенно откровенно. «Я стремлюсь быть счастливым, никому не причиняя вреда» — удивительно распространённое светское высказывание. Инструментальный анализ средств и целей чрезвычайно полезен в целом как способ помочь нам более рационально и разумно преследовать все виды основных целей, к которым мы стремимся хотя бы некоторую часть времени. Таким образом, возможные контрпримеры людей со странными приступами саморазрушения, слабостью воли и расстройством целостности личности, в лучшем случае являются отклонением от практического обоснования биологической стратегии. Такие аномальные явления, безусловно, являются интеллектуально интересными сложностями для гипотезы психологического гедонизма, если она претендует на строго универсальное обобщение человеческой мотивации. Но они не оспаривают масштабную инструментальную рациональность биологической стратегии как единственного способа сделать всех счастливыми.

Таким образом, практическое обоснование для некоторого варианта биологической программы, который сводится к её основам, заключается в следующем. Согласно данным из таких разных областей, как интроспекция и нейробиология, показывают, что мы все тратим бóльшую часть своего времени на стремление удовлетворить ненасытные гедонические требования мезо-лимбической дофаминовой системы; хотя мы говорим об этих стремлениях под множеством условных описаний, берущих свое начало в разных способах, которыми наши эмоции становятся энцефализованными. Нам всем нравится субъективное *переживание*, которое сопровождает электрохимические возбуждения в мезолимбической дофаминовой системе, несмотря на то, что сама мысль об этих электрохимических возбуждениях не вызывает сколь-нибудь существенного удовольствия (смотрите также «парадокс гедонизма»). Я надеюсь, что более ранние аргументы в этой книге успешно обосновали утверждение о том, что так называемый «периферизм» гораздо менее эффективен, чем прямой биологический путь к нашей цели. Реформизм окружающей среды любого мыслимого типа не способен и никогда не сможет помочь нам сойти с гедонистической беговой дорожки. Мы веками пытались повернуть этот трюк, и он не сработал. Учитывая наши словесно замаскированные цели, и учитывая, что иррационализм не является жизнеспособным вариантом,

единственными причинами, препятствующими осуществлению рационального курса биологической программы, остаются *моральные* соображения. Так есть ли какие-то негативные моральные причины, из-за которых нам не следует делать то, что предписывает инструментальная рациональность? Или же наоборот, есть убедительные моральные, а также практические причины для принятия всеобщей биологической панацеи? Всеобщее, универсальное счастье — это плохо?

2.6 Мораль счастья

Нелегко вообразить Вселенную, которая могла бы быть морально худшим местом для жизни чувствующих и стремящихся к счастью существ, чем тот мир, в котором мы сейчас находимся. Если бы мы открыли для себя инопланетную цивилизацию экстатиков, попытались бы мы внести в их жизнь немного страданий, чтобы укрепить их моральные устои? Боюсь, критик может счесть, что это ремарка имеет лишь автобиографическое значение. Предположительно, он ответил бы на вопрос «куда мы движемся отсюда?», а не «по какому пути мы пойдём отсюда?» И кажется, в этот момент возникает опасность, что данная работа утонет во всепоглощающей трясине субъективизма. Какие бы функции ни выполняли субъективные суждения, упрямый научный рационалист будет утверждать, что они лишены пропозиционального содержания, а потому их истинность невозможно оценить. Вселенная может содержать странные вещи, но объективных ценностей среди них нет. В конце концов, что в мире могло бы наделить их объективностью и истинностью?

В оставшейся части этого раздела ход рассуждения будет выглядеть следующим образом. Сначала я определю и изложу этический негативно-утилитарный случай отмены всех форм неприятного опыта. Будет доказано, что реально осуществить эту отмену можно только посредством полномасштабной реализации программы биологического гедонизма. Следовательно, практические последствия негативно-утилитарной этики здесь не будут существенно отличаться от стандартного утилитаризма, в котором максимизация удовольствия по моральной ценности приравнивается к минимизации страданий: как только пропагандируемая здесь программа станет биотехнологически осуществимой, в качестве ориентира подойдут оба варианта доктрины. Стоит заметить, что существуют тесные связи между ценностью и счастьем и отсутствием ценности и несчастьем. Будет утверждаться, что массовое обеспечение счастьем будет коррелировать с эффективностью действий и опыта, которые также эмпирически признаны ценными. Так что биологическая программа даст результаты, которые ее бенефициары найдут прагматически гораздо более выгодными, чем нейрохимический статус-кво. Действительно ли они будут правы или, в конечном счете, это просто мнение? В ложной поддержке последнего будет изложен ортодоксальный физикалистский и неодарвинистский довод против объективности ценностных суждений. Этой ценностной фикции будет противостоять форма ценностного натурализма. Утверждается, что

ценность является частью нашего мира не в меньшей мере, чем, например, ощущение красного цвета. Это так благодаря уникальному качеству опыта, который сам по себе является пространственно-временным и каузально эффективным свойством нашей природы. Будет предполагаться, что оценочные суждения на самом деле могут оцениваться с точки зрения истинности, поскольку они правдиво или ложно сообщают нам о наличии или отсутствии этого свойства опыта — независимо от возможных объектов, на которые они ссылаются. Против этой точки зрения было высказано несколько сокрушительных возражений, в частности, её обвиняют в игнорировании того факта, что моральные ценности могут конфликтовать друг с другом, а также в двусмысленности. Эти возражения далее будут опровергаться.

2.7 Зачем быть негативным?

Так почему же утилитаризм *негативный*?

Этический негативный утилитаризм — это система ценностей, которая бросает вызов моральной симметрии удовольствия и боли. Такой утилитаризм не отрицает ценность увеличения счастья тех, кто уже счастлив. Тем не менее, он придаёт моральную важность только тем действиям, которые стремятся минимизировать или устранить страдания. Данная доктрина кажется контринтуитивной, и не в последнюю очередь потому, что она влечет за собой то, что с чисто этической точки зрения не имело бы значения, если бы в мире ничего не существовало или перестало существовать. Удовольствию или приятным состояниям не приписывается никакая внутренняя моральная ценность. В самом деле, если бы этот вариант был доступен для реализации, логика данной позиции морально обязывает положить конец миру, если бы это был единственный способ ликвидировать столь распространённые в нем страдания. Согласие с логическими последствиями этой, казалось бы, странной и извращенной перспективы — вариант явно не для слабонервных. Однако негативный утилитаризм проистекает не из сублимированной ненависти к себе или нигилистического желания смерти, а из глубокого сочувствия страданиям, которое в нашем мире присутствует в невообразимом масштабе и интенсивности. Неописуемые ужасы Освенцима невозможно оправдать никаким количеством счастья других людей. Веселье и развлечения не могут перевесить всю боль и отчаяние, которые вспыхивают каждую секунду в разных точках земного шара. Ибо в отсутствии чувств или небытии нет ничего изначально неправильного; тогда как в страдании есть что-то несомненно плохое, что делает его почти синонимом ужаса. Этот манифест был написан и, как правило, читается в относительно «эвтимическом» состоянии. Человек, взявшийся за чтение, вряд ли чувствует себя слишком плохо. Читая мои слова о глобальном ужасе, агонии и суицидальном отчаянии, легко убедить себя, что вы действительно осознаете в полной мере, о чем идет речь. Но реальность гораздо хуже, чем мы можем себе представить. Непостижимость её худших проявлений не является преувеличением. Размытые образы отчаяния в оруэлловской «Комнате 101» не могут служить даже намеком на

то, что я имею в виду. Даже если когда-то в прошлом вы (а точнее, личность, которая была вами) испытали сильную боль, вы не сможете когнитивно и эмоционально воспроизвести её сейчас полной мере, поскольку воспоминания сильно зависят от текущего состояния. Невероятные радости, описанию которых в данном манифесте уделено много места, могут создать у читателя ложное впечатление несерьёзности нашей цели. Но цель избавления от невообразимых страданий наделяет изложенную здесь биологическую стратегию смертельной моральной серьёзностью. В любом случае, негативный утилитаризм — это только одна тропинка весьма широкого направления, которая читателю может не прийтись по вкусу. К счастью, программу можно защищать на том основании, что с её предназначением могут согласиться утилитаристы всех мастей. Поэтому защищать её нужно от критиков утилитарной этики как таковой. На практике наиболее действенным и эффективным средством избавления от неприятных ощущений является гарантия того, чтобы определяющим фактором будущих состояний сознания была его подверженность химии экстаза: как предварительно закодированной генетически, так и настроенной фармакологическими средствами. Ортодоксальные утилитаристы, несомненно, сочтут это изобилие блаженства дополнительным источником моральной ценности нашей стратегии. Будущие поколения прирожденных экстатиков вряд ли не согласятся с ними.

Конечно, мораль нужна только в том случае, если с миром что-то не так. Если же с миром всё в порядке и страдание биологически невозможно, то и мораль, как мы её понимаем, тоже становится излишней.

2.8 Моральная панацея.

Встроенная биологическая гарантия счастья подрывает три стандартных критических аргумента против утилитаризма. Во-первых, утилитаристская этика часто противопоставляется агенто-центрированной морали и обвиняется в том, что предъявляет непосильно обременительные требования к людям. Согласно объективным подсчётам, чтобы накормить голодающих жителей стран третьего мира, нам пришлось бы отдать около 95% своего состояния. Большинство людей в силу эгоистичности своих генов просто не способны на такую щедрость ради незнакомцев. Таким образом, утилитаризм может быть полезным высшим принципом лишь для законодателей, но, как утверждается, он мало используется в качестве личного морального кодекса.

Один из эффектов биологической программы заключается в преодолении таких практических трудностей. Наступят времена, когда идейный альтруизм окажется по большей части избыточным, хотя и сможет сохраниться в качестве забавы. Вероятно, достичь этого путем изменения генов будет очень трудно, но необходимо.

Во-вторых, утилитаризм теоретически может оправдывать некоторые плохие с точки зрения агенто-центрированной морали типы поведения,

например, ложь, убийства или даже пытки, если в итоге они приведут к повышению всеобщего благосостояния. Многие критики утверждают, что такая моральная гибкость в конечном итоге приведет к ухудшению общества. В следствии чего они продолжили развивать критику утилитаристского принципа, используя завуалированно утилитарные основания различной тонкости и изощренности.

Однако биологическая программа ликвидирует и эти проблемы. Она покажет свою эффективность в полном устранении таких гнусных эволюционных пережитков как убийства и пытки. Ложь тоже станет бессмысленной.

В-третьих, утилитаризм, видимо, потребует, непрерывного использования портативных суперкомпьютеров удачи, которые будут просчитывать последствия каждого действия своего владельца. Это может оказаться довольно утомительным. Но что еще хуже, отдаленные долгосрочные последствия наших действий могут оказаться невычислимым; а если учесть теорию хаоса, то они могут оказаться невычислимыми в принципе. Вот почему у нас может никогда не появиться способа узнать, правильный ли курс действий мы выбрали в определённый момент в соответствии со строгой консеквенциалистской этикой. Когда Мао Цзэдуна спросили, была ли Великая французская революция благом, он ответил, что пока слишком рано об этом говорить.

Но биологическая программа рассеивает и подобные опасения. Если она будет осуществляться систематически, люди должны навсегда перестать причинять друг другу страдания. Долгосрочные последствия развития генной инженерии, как ожидается, приведут к отмене такой категории опыта.

2.9 О важности эмпирической корреляции.

Новые состояния сознания, которые мы получим с помощью генной коррекции и фармакотерапии, в подавляющем большинстве будут не просто приятнее всего, о чём мы могли помыслить ранее. В эмпирическом смысле, субъекты будут воспринимать такие состояния как самоочевидно более ценные, причем с огромным отрывом. На нынешней стадии развития человечества бесчисленные действия, состояния ума, а нередко сама жизнь, оцениваются как истинно существующие, иначе они бы считались бесполезными и бессмысленными. После пост-дарвиновского перехода каждое отдельное состояние сознания в мире сможет стать самоценным по своей природе. Футуристические биотехнологии, о которых мы сегодня можем лишь рассуждать, позволят массово производить состояния сознания, ценность которых будет всеми восприниматься столь же реалистично, как лучи яркого полуденного солнца. Таким образом, как минимум с феноменологической точки зрения, количество и качество ценного опыта увеличится вместе с его биологическими субстратами. Каждый момент дня будет

лучше, чем лучший секс, который когда-либо у кого-то был, и намного продуктивнее.

И опять же, по крайней мере в эмпирическом смысле, существует очень большое совпадение между действиями и опытом, которые считаются ценными, и теми, которые просто приятны; а из приятных, но не ценных действий, многие считаются не ценными потому, что они ставят под угрозу или уменьшают вероятность будущих приятных событий, даже если эти опасения ошибочны или основаны на предрассудках. При таком заявлении на ум приходят всевозможные предостережения, уточнения и исключения. И все же в светский век это обобщение имеет необычайно широкие рамки. Эти рамки были бы еще шире, если включить туда различные преднамеренные обличия, в которых такие суждения могут быть скрыты. Как известно, некоторые утилитаристы отождествляют ценность с счастьем. Это недопустимое упрощение, и для защиты этой недопустимости можно привести много негодных контр-примеров. Для всех наших целей требуется гораздо более умеренная позиция. Если опыт вызывает счастье и удовлетворение или уменьшает страдание и неудовлетворенность, то он будет считаться ценным, но только при условии отсутствия дальнейшей расплаты или негативной компенсации. Проще говоря, счастье ценно как состояние по-умолчанию.

Данное замечание может служить ключом к более серьезному восприятию взаимосвязи между ценностью и удовольствием. Однако в качестве аргумента необходимо лишь отметить, что биологическая программа будет количественно и качественно генерировать гораздо больше приятного и одновременно ценного опыта, чем это может обеспечить нейрохимический статус-кво. Терапевтическая стратегия программы устранил целый ряд состояний, которые даже сегодня считаются бесполезными или досаждающими. Со временем соотношение между состояниями, которые считаются ценными и которые признаны приятными, должно стать еще ближе к единице. Так что, если ценностные суждения действительно могут оцениваться как истинные и субъекты смогут надежно постигать их истинность, то биологическая программа окажется этически обязательной.

2.10 Ответ трезвомыслящего учёного.

Так что же? Современный критик не будет впечатлен. Они возразит: как не всё более желанное является более желательным, так и не всё более ценное является более ценным. А биологическая программа будет этически оправдана только в том случае, если ценное будет совпадать ценными. Но это, скажет он, не так, поскольку в своей защите программы мы пытаемся каким-то образом вывести «должное» из «сущего», что логически невозможно. Утверждать иначе — значит совершать натуралистическую ошибку. Разве ценность должна быть неким свойством природного мира сверх онтологии, утвержденной физикой?

Физическая наука, которую научные рационалисты склонны охотно принимать, еще не окончательно определилась с онтологической обстановкой Вселенной. Предстоит проделать много теоретической и экспериментальной работы, прежде чем выяснить, являются ли её онтологические примитивы частицами, полями, волнами вероятности, петлями, суперструнами или чем-то еще. Отношения между этими примитивами все еще мучительно ожидают полного и единого математического описания. Но макроскопические объекты, существование которых для нас очевидно, сами по себе супервентны на независимых от разума конфигурациях этих онтологически базовых примитивных сущностей, событий или свойств. А ценности, с другой стороны, являются просто зависимыми от разума субъективными фикциями. Мы не считываем их с окружающего нас мира, а проецируем их на него.

Сциентистские нападки на статус объективных ценностей часто дополняется неодарвинистским изложением их происхождения. Если кто-то утверждает, что нечто является иллюзией, ему хочется объяснить, как и почему эта иллюзия возникла. На это обречены и ярые про-дарвиновские полемисты. То, что может казаться вечными моральными истинами, ритуально разоблачается ими и объявляется лишь инструментами генов. От них мы узнаем, что искренние убеждения людей – это всего лишь средства, с помощью которых альянсы наших генов-репликаторов манипулируют нами, чтобы размножаться как можно успешнее. Стоит отметить, что генетическая предрасположенность не равна генетическому детерминизму. Социобиологи, эволюционные этики и их коллеги не утверждают, что наши гены напрямую, кодируют развитие каждого уникального набора культурных ценностей. Тем не менее, независимо возникающие кросс-культурные универсалии, например, религиозные и светские табу на инцест, всё-таки хорошо объясняются с помощью давления отбора, которое воздействует на многие поколения, формируя наши моральные фетиши и фобии. Нам бы очень хотелось верить, что субъективные ценности каким-то образом объективно заложены в фундамент мироустройства, — заключает научный рационалист, своим тоном как бы демонстрируя, что он переносит их отсутствие с замечательной силой духа и считает их эпистемическим пустословием. С его точки зрения, верить в обратное – значит принимать желаемое за действительное или быть приверженцем отравляющей разум мистики вроде Нью Эйдж.

2.11 Отбор таинственных Красных.

Теперь, чтобы защититься от выше изложенного обвинения, я буду отстаивать версию ценностного натурализма и, следовательно, приведу объективное этическое обоснование биологической программы. Разве обсуждение объективных ценностей – это вздор? Ирония заключается в том, что в то время, когда научно-информированное течение аналитической философии становится свидетелем жестокой схватки за «натурализацию» всего от эпистемологии до сознания, любая подобная попытка легитимизировать ценности по-прежнему считается обречённой на логическую

ошибку. Итак, теперь будет показано, каким образом и в каком смысле моральные суждения могут и не могут быть истинными; и как существование объективных ценностей может быть совместимо с очевидно строгой онтологией физической науки. Проведём аналогию с феноменальным светом. Обычно утверждается, что моральные суждения верно или ошибочно сообщают нам некое отличительное качество, которое сходно для всех, кто его признаёт. То, что такие суждения выражают, зависит от разума, а значит – согласно теории идентичности – и от мозга. И, следовательно, ценность является такой же естественной, внутренней и неоспоримой чертой мира, как феноменальное ощущение красного цвета. Утверждение обратного является наследием противоестественной дуалистической перспективы, которая рассматривает разум и его чувственные атрибуты как нечто отличное от физического мира, а не как его объективно существующие особенности. Мы не просто «проецируем» наши ценности на мир. Ведь мы сами со своими ценностями буквально являемся кусочками мира как такового. Четыре возражения, каждое из которых, по-видимому, является решающим, направлено против такого рода ценностно-натуралистической позиции.

Итак, чтобы начать защиту ценностного натурализма, как уже говорилось, стоит провести аналогию с чувством красного цвета. В теории идентичности мозга и разума краснота является феноменологическим свойством, присущим определенным паттернам возбуждения нейронов. Попадание на сетчатку лучей света определенной частоты не является ни необходимым, ни достаточным условием для получения у субъекта опыта красного цвета. Красные объекты можно увидеть, например, во сне. Так же краткосрочный точечный феномен красноты можно вызвать у бодрствующего человека в полной темноте, если электрически простимулировать соответствующие области коры.

Если исходить из того, что человек всецело является частью мира природы, то феноменальное восприятие красного тоже является одним из свойств мира. И всё-таки этот феномен порождается не просто взаимодействием излучения по сути бесцветных объектов с нашим столь же бесцветным мозгом, а является именно внутренним свойством разума. Присутствие или отсутствие феноменального опыта красного может быть истинно или ложно сообщено субъектом, независимо от того, считает ли он, что это свойство присуще независимым от разума физическим объектам.

Учитывая вышесказанное, стоит отметить тот смысл, в котором феномен красного может и, что более важно, не может быть объяснён в современных концептуальных рамках естественных наук. Естественный отбор вслепую набрёл на психофизические феноменальные состояния цвета. Эти состояния не репрезентативны по своей природе. Но естественный отбор начал эксплуатировать их таким образом, что с их помощью бодрствующий организм теперь может отслеживать определенные причинно-следственные паттерны в окружающей среде. Способность распознавать эти паттерны (или, проще говоря, различные электромагнитные отражения макроскопических объектов) влияет на репродуктивный успех гене-

тических носителей, в уме которых периодически возникают образцы феноменальных цветов. Вот почему естественный отбор не объясняет в сколь-нибудь глубоком смысле такие состояния, как чувство красного или, как будет доказано далее, ценность. Он объясняет лишь то, почему были выбраны одни состояния и отсеяны другие. Но не объясняет причины феноменальных свойств и то, почему они вообще существуют. К примеру, если бы существовала телепатия, эволюционные психологи, несомненно, предложили бы отличные объяснения и математические модели того, почему отбор предпочёл телепатов вместо не-телепатов. И это, с их точки зрения, могло бы считаться достаточным натуралистическим объяснением, не требующим ничего экстраординарного. Однако такое отношение не делает феномен менее загадочным.

2.12 Формальные успехи научного триумфализма.

Физика и остальные основанные на ней науки могут в принципе дать полное описание естественной Вселенной. Она (потенциально) совершенна только в том смысле, что математический формализм квантовой механики является правильным и изоморфным миру. Её уравнения в этом данном контексте нейтральны. Внутренняя природа материи, которая описывается этими уравнениями и наделяет их смыслом, как признавал даже Хокинг, неизвестна, и, возможно, не познаваема в принципе. Однако покуда мы сами являемся крошечными фрагментами того, что наполняет уравнения смыслом, мы можем знать, что феноменальное ощущение красного цвета существует как объективный факт материального мира. Это так несмотря на то, что математически завершённая физика сама по себе ничего об этом не говорит.

Этот важный момент следует подчеркнуть, поскольку при концептуализации содержания мира существует соблазн полагаться не только на неоправданную эффективность уравнений, но и на недостаточно полноценные представления об основных физических вещах, которые этими уравнениями описываются. Эти физически описываемые представления не включают в себя, например, красный цвет, щекотку, счастье или моральные ценности. Но особенно важно здесь то, что потенциальные научные кандидаты на статус грубых онтологических примитивов, (например, суперструны, поля и т. д.) в конечном счете определяются в чисто математических терминах. Поэтому, если, например, конкретные феноменальные цвета отождествлять с числовыми значениями набора затылочно-темпоральных корковых полей, это никоим образом не будет противоречить физическому формализму. Ведь чувство красного в таком случае было бы просто одной искоркой из целого пламени, которое наполняет уравнения. Аналогично, если отождествлять конкретные феноменологически ценные состояния с конечным набором числовых значений областей мозга, это также будет согласоваться с математическим формализмом. Ведь подобно красному цвету, они тоже являются искорками огня, который придает уравнениям смысл и описывается ими.

К сожалению, в этой онтологической проблеме легко запутаться, если смешивать два значения слова «субъективный». Дело в том, что мир действительно *объективно* содержит уникальные субъективные состояния вроде того, которое мы называем красным цветом, только вот мы неспособны передать словами, каково это – испытывать эти состояния самому. Эта непередаваемость может быть связана со сложностью паттернов активности в затылочно-темпоральных областях коры. Восприятие красного — это отличительное свойство психики. Отдельно от разума краснота не может существовать потому, что ни электромагнитное излучение, ни молекулы, ни их макроскопические объекты не окрашены в красный цвет. Но это не отменяет его объективного существования. Когда кто-то испытывает или воображает красный цвет, он может определить его название и сообщить об этом. Такое суждение, если оно искреннее, может претендовать на статус истинности. Поскольку красный цвет зависит от разума, то согласно теории тождества, он также зависит от мозга. Он является объективным свойством физического мира. Поэтому якобы субъективное суждение о красном цвете на самом деле выражает одно из состояний мозга, и оно объективно верно. Если, конечно, человек не лжет и не ошибается.

2.13 Натурализация ценности.

Теперь исследуем саму моральную ценность. Здесь мы отстаиваем позицию, что положительная и отрицательная ценности являются отличительными чертами, которые буквально *присущи* миру, причём присущи ему не в меньшей степени, чем феноменальный опыт красного цвета; и, следовательно, могут существовать объективные, истинностные суждения о ценностях. Это свойство зависит от разума, следовательно, оно зависит и от мозга, а потому является естественным и объективным свойством мира. Это значит, что душевное состояние наших экстатических потомков по своей природе будет более ценным, чем относительно бесполезные психиатрические труды нашей нынешней эры.

Из потенциальных 10-ти в миллионной степени типов состояний сознания человеческого мозга, некоторые субъективно воспринимаются как ценные, а другие нет. Одни состояния кажутся нейтральными; другие просто приятны, но не оцениваются высоко; некоторые кажутся сложными и амбивалентными; а какие-то являются просто полученной мудростью, которая вовсе не осознается, как и попугай не осознаёт заученные фразы. И размытые границы того, что влечет за собой концепция поиска действительно ценных типов опыта, являются дополнительной сложностью. Некоторые ценные качества кажутся присущими самому окружающему миру, независимо от разума и его эмоциональных состояний. Другие кажутся привязанными к образу собственного тела. Тем не менее, наличие какого-либо независимого от мозга состояния в принципе не является ни необходимым, ни достаточным условием для возникновения ценных состояний

сознания; а действительно необходимым и достаточным условием для таких переживаний является наличие соответствующего паттерна возбуждений нейронов.

Как только нейробиология сможет идентифицировать биомолекулярные субстраты сознательных типов ценности, чувства цвета, удовольствия и так далее, станет возможным массовое производство всех этих состояний. Ценности можно будет биологически синтезировать в разумах или мозгах существующих организмов. Ценностями и ощущениями можно будет даже наполнять искусственно выращенные мозги. Это звучит странно, но здесь нет никакой категориальной ошибки.

Таким образом, аналогично красному цвету, ценность можно будет интерпретировать как свойство определённого класса состояний сознания и мозга. В будущем её можно будет вычислить и синтезировать. Некоторые формы сознательного опыта действительно часто называют не поддающимися количественной оценке: в качестве такого примера обычно приводят счастье. Но если конкретные типы химических веществ (или, может быть, релятивистских квантовых полей или режимов вибраций десятимерных гетеротических суперструн) встроенных в соответствующее нейронное состояние, либо тождественны, либо имеют инвариантно положительную корреляцию с феноменологически ценными состояниями, то увеличение или уменьшение величины соответствующих параметров на соответствующее число и расположение молекул приведет к возрастанию или снижению уровня счастья, ценности, интенсивности восприятия цветов и так далее. Использование расплывчатых понятий и не совсем ясных критериев только усложняет дело, но не меняет суть проблемы. В идеальной таксономии разума или мозга состояния сознания были бы такими же количественными, и их структура определялась бы математически столь же точно, как любая другая характеристика естественной Вселенной. Представление о том, что так называемый субъективный опыт можно описать набором уравнений, бесспорно, является контринтуитивным; но это то, что влечет за собой любая теория идентичности разума и мозга. И, учитывая такую теорию, посредством биологической программы мы можем значительно увеличить количество счастья и натурализованной ценности в мире.

2.14 Четыре смертельных возражения?

Теперь о четырех потенциально разрушительных возражениях, которые могут нивелировать описанную выше позицию.

Во-первых, когда люди выражают ценностные суждения, они часто ссылаются на состояния внешнего мира. Они не ссылаются на все отличительные качества своего собственного опыта. Вместо этого они зачастую проецируют аспекты своего опыта на что-то во вне, а не говорят о собственной феноменологии.

Во-вторых, ценности могут конфликтовать и иногда жестоко состязаться друг с другом. Мы даже начинаем войны за них. Если два ценностных суждения, которые претендуют на истинность, взаимно противоречивы, они не могут оба быть объективно верными; или, может быть, они в принципе не могут быть истинными. В-третьих, принимая ценность за внутренний феноменологический атрибут определенных ментальных состояний, ценностно-натуралистическая позиция, похоже, наделяет моральной ценностью некоторые необычайно омерзительные предрассудки. Вспомним, что Гитлер считал преследование евреев морально ценным занятием. Учитывая, что Гитлер, судя по всему, был искренен в описании своих ментальных состояний на этот счёт, с точки зрения ценностного натурализма ценным придётся считать и преследование евреев. Пусть и не настолько ценным, как упоминаемые здесь возвышенные состояния, но всё же морально достойным делом. Это сведение нашей позиции к абсурду кажется весьма убедительным. Но в любом случае, приведенный выше пример раскрывает внутреннюю несогласованность аргумента. Ценностные суждения Гитлера противоречили суждениям его жертв. А правота обеих сторон логически невозможна.

В-четвертых, разве ценностный натурализм не опирается на непозволительную двусмысленность? Ведь не все желанное является желательным, не всё высоко оцененное является ценным; и к тому же фактическое мы пытаемся свести к этическому. Даже если бы ценностные суждения могли объективно сообщать о различных состояниях сознательного опыта или семействах таких состояний, из этого бы не следовало, что какие-то состояния ценны и нужно стремиться к их максимизации.

Ответ на эти якобы разрушительные возражения ценностному натурализму будет чрезвычайно контринтуитивным. Он контринтуитивен потому, что зависит от предпосылки, которая кажется абсолютно не связанной данным вопросом, а точнее от природы того, что мы оптимистично называем восприятием, а также от аргумента о ложности любого рода прямого реализма. Предстоящий ответ, возможно, также согласуется с несколькими теориями непрямого реализма, которые отличаются от изложенной ниже; но этот рассказ и содержащийся в нем эвристический вымысел призваны как можно ярче подчеркнуть ложность предположения, характерного, по крайней мере, для первых трех возражений. Позиция, защищаемая здесь в качестве основы для последующего аргумента, является радикально селекционистским объяснением перцептивного опыта. Эта позиция утверждает, что разница между «сновидением» и «бодрствованием» заключается, по существу, в способе выбора состояний, присущих мозгу или разуму. Максимум, что может сделать экстранейронная среда, — это частично выбрать, какое из доступных состояний сознания или мозга создается в текущий момент. Субъекты вообще не могут делать что-то большее, чем просто постигать состояния своего разума или мозга, то есть виртуального мира своего сознания. Ценности, которые люди, казалось бы, находят в независимом от разума мире, на самом деле являются внутренними характеристиками определенных состояний их собственного мозга. А поскольку будущие экстатики смогут достоверно сообщать об этом качестве своего сознательного опыта, их состояния будут объективно

более ценными, чем что-либо существующее сегодня. Так что мир в самом деле будет становиться все лучше и лучше.

2.15. Один среди зомби.

Эти весьма догматические и туманные заявления для начала можно проиллюстрировать с помощью следующего тематического исследования.

Существует редкое нарушение сна, когда у человека отсутствует мышечная атония, которая в норме функционально разъединяет мускулатуру тела от мозга во время сновидения. Это разъединение имеет важное адаптивное значение, поскольку не позволяет нашему телу невольно повторять те движения, что мы мысленно совершаем во сне. А если это разъединение не срабатывает, тело может начать подчиняться сценарию сновидения, в результате чего поведение сновидящего будет неадекватно обстоятельствам в реальном мире.

Однако в виртуальном мире сновидящего ничто не будет казаться неправильным. Значения и референтность терминов, используемых центральным образом тела, зиждутся исключительно внутри его псевдо-воспринимаемой среды. Сознательный и невольно приватный язык мысли внутри нейронного мира грёз маскируется под публичную речь. А образ тела сновидца использует эту речь для общения с разумно ведущими себя человечками, которые периодически активируются его зрительной корой. Эти эффектно оживленные зомби и другие якобы воспринимаемые макроскопические объекты в макроскопическом мире являются чисто автобиографическими элементами. Весь этот виртуальный мир вспыхивает и исчезает всякий раз, когда его создатель погружается в сновидение или выходит из него, ибо диспозицией обладают не только не сбывшиеся желания и убеждения сновидца, но и сам макроскопический мир грёз. И тем не менее, его эпизоды легко перезапускаются, поскольку их характеристики неявно закодированы в синаптических весах и связях мозга сновидца. Разница между нами и жертвой упомянутого расстройства сна заключается в том, что его экстранейронное тело, очевидно, разыгрывает действия, выполняемые его телесным образом внутри сна; тогда как наше экстранейронное тело во время сна надёжно парализовано.

Теперь, пусть и вопреки фактам, но ради эвристических целей, представьте себе возможный мир, в котором данное расстройство сна является как хроническим, так и всеобщим. Сновидящие никогда не пробуждаются и даже не имеют представления, что может означать это слово. Естественный отбор работает на них уже миллионы лет. Он отдает предпочтения генотипам тех организмов, чья квазиреальность в мире снов наиболее приближённо моделирует некоторые паттерны реального, вненейронного мира. По причине эгоистичности генов каждый отдельный генотип порождает эгоцентрический виртуальный мир. Этот виртуальный мир эмоционально и физически сосредоточен вокруг одного образа тела. Более точный выбор событий в мире снов вступает в игру благодаря бомбардировке

структурированных последовательностей электрохимических импульсов от различных афферентных прото-нервов. Они распространяются на те области, которые будут служить периферическими преобразователями сигналов на поверхности тела организма. В течение нескольких поколений повышающие приспособленность корреляции между поведением, которое невольно разыгрывает внешнее тело, и макро-паттернами в его среде будут становиться все более и более жесткими.

По прошествии достаточно длительного времени многие миры сновидений станут совершенно не похожими на сны в нашем привычном понимании. Нормально развивающиеся сновидящие младенцы за несколько лет выучат псевдообщественные критерии использования языка у своих виртуальных матерей. Взрослеющий сновидец может обнаружить, что окружение его образа тела проявляет очевидную согласованность, закономерность и даже предсказуемость. Он обратит внимание, что может разумно манипулировать своим телом (а точнее образом тела) и в строго ограниченных пределах реорганизовывать аспекты окружающего мира нейронного сна. Как косвенным, так и прямым образом миры сновидений будут в некоторой степени взаимно стремиться выбирать содержимое друг друга. Со временем непреднамеренные побочные продукты целенаправленных действий, присущих миллиардам сонных миров, породят все более сложную материальную культуру. Совокупная и слаженная активность этих побочных продуктов постепенно приведет к тому, что тела вечно спящих хозяев разработают всё — от небоскребов и компьютерных сетей до ускорителей частиц и гигантских реактивных самолетов. Все эти артефакты будут существовать в реальности, независимо от мира сновидений. А их существование, в свою очередь, само будет частично влиять на развитие сна посредством активации соответствующих паттернов нейронной активности.

2.16 Опасности праздного скептицизма.

Если чрезмерно догадливый сновидец когда-нибудь усомнится в онтологической целостности своего личного виртуального мира, последствия могут быть губительными. Миры сновидений могут быть суровыми и негостеприимными местами. Виртуальный образ тела сновидца может быть изувечен нападением виртуальных львов или сбит виртуальным автобусом. Благодаря миллионам лет давления отбора такие агонии стали тесно связанными с параллельными, независимыми от разума событиями, постигающими организм, чей мозг охвачен миром сновидения. Вот почему любые гены, склоняющие к подобному праздному философствованию, как правило, не передаются телесным носителям потенциальных миров младенческого сна. Вместо этого, наоборот, каждый сновидец стремится скорректировать свой эмоционально энцефализированный мир таким образом, чтобы его психические состояния как можно больше соответствовали его желаниям.

Некоторые миры снов хаотичны и шизоидны; другие кажутся хорошо упорядоченными и поддаются квазинаучным исследованиям; некоторые наполнены счастьем, духовностью и магией; а некоторые жестоки и кошмарны. Ни одна из этих грандиозных психохимических фантазмагорий не связана с чем-то внешним с другой стороны черепа. И все же эволюция произвела дифференциальный отбор генов, которые predisполагают к самосборке очень специфического ряда фенотипических сонных миров. Эти эволюционно отобранные фенотипы миров служат эффективными носителями для распространения наибольшего количества копий генов, которые их создали. Одним из свойств успешного носителя является то, что периодически некоторые из его паттернов причинно коварируют с другими паттернами вне самих себя, хотя и на очень избирательной основе.

2.17 Цена внутренних демонов.

Но как всё это относится к ценностно-натуралистической защите объективного обоснования биологической программы? Значимость обсуждаемого вымысла можно проиллюстрировать, если вообразить, например, двойника Гитлера в сценарии сновидения. В его мрачном и зловещем виртуальном мире образ тела борется с ужасными внутренними демонами, вызываемыми возбуждением нейронов. Он проводит всю свою жизнь в борьбе за то, чтобы раз и навсегда избавиться от их злорадного и заговорщического присутствия. Злые затылочно-височные человечки, скрывающиеся за его соматосенсорным образом тела, — это, конечно, бессмысленные призраки. Однако их враждебное намерение хозяину кажется пугающе очевидным. К несчастью, психика Гитлера в мире грёз, которая содержит такие кошмарные нейрохимические паттерны, эффективно связана с телесной мускулатурой организма. У него отсутствует мышечная атония, которая препятствовала бы тому, чтобы микрокосмическая ужасная история разыгрывалась в реальном макрокосме посредством экстра-нейронного тела. Естественный отбор гарантировал, что многие типы событий в его мире сновидений причинно, хотя и в гротескно избирательной манере, коварируют с более широким миром, с его организмами, а также мирами сновидений, которые они содержат. В результате, более 50 миллионов человек погибают в жестокой войне.

Теперь можно сказать, что этот вымысел очень хорош в качестве мысленного эксперимента. Даже в нашем обычном мире изредка бывают трагические случаи, когда люди в минуты ночных кошмаров невольно и непоколебимо убивают своего близкого. Но настоящий Гитлер не спал. Он бодрствовал и действовал совершенно осознанно, отдавая себе отчет о своих поступках. Он видел настоящих чувствующих людей из плоти и крови. Они были совершенно невиновны в чудовищных преступлениях, которые он им вменял.

И в этом самая суть. Если бы реальный Гитлер *непосредственно* воспринимал своих жертв или, как вариант, если бы определенные нейрохимические события в его мозге и виртуальном мире каким-то образом по своей

сути были связаны с еврейским народом в *реальном* мире, тогда готовящийся к представлению аргумент оказался бы ложным. Если же, с другой стороны, Гитлер сражался с ужасными эмоционально энцефализированными внутренними демонами, которых произвольно сотворил сам и которые своим поведением осквернили его ранний виртуальный мир, тогда его попытки избавиться от таких источников отрицательной ценности потерпели бы эпистемическую, а не оценочную неудачу. Сейчас точно так же в миллиардах других эгоцентрических виртуальных миров центральным образом тела каждого генетического хозяина предпринимаются отчаянные и зачастую неэффективные попытки изгнать все виды неприятных феноменов. К сожалению, из-за отсутствия биологической программы и власти наивного реализма конечные результаты часто бывают трагичными. В случае с Гитлером глубокие источники «отрицательной ценности» действительно нейрохимически передавали и представляли себя функциональным модулям, которые опосредовали его чувство самости и нейронного образа тела. В своём случае он ни коим образом не «проецировал» такой опыт на свой виртуальный мир; наоборот, качество опыта было внутренним по отношению к нему. Естественный отбор гарантировал, что Гитлер, как и все, кроме разве что нескольких философски и научно мыслящих людей, в плане восприятия мира был наивным реалистом. Поэтому, когда он постиг «великое зло» – то есть качество опыта, присутствующее лишь в его эмоционально искаженном виртуальном мире – он пытался уничтожить его единственным доступным ему способом. Своей войной он пытался сделать свой мир более приятным местом. Будь он лишь мозгом в банке, его борьба могла бы закончиться благополучно. К сожалению, он имел реальное тело – и простая эпистемологическая ошибка обернулась моральной катастрофой.

2.18 Можем ли мы все быть действительно хорошими?

Если (очень большое «если») наше с вами положение аналогично положению обитателей сновидений, то далее можно предоставить ответы на четыре возражения ценностному натурализму.

Во-первых, безусловно, люди верят, что многие из их оценочных суждений относятся к миру и его свойствам, а не к каким-то отличительным качествам их собственного опыта. Однако и философия восприятия, и квантовая механика предполагают, что всё, что человек рассматривает как независимый от разума мир и к свойствам которого он обращается лингвистически — является игрушкой и управляемой данными имитацией внутри его мозга и разума. Ценностные суждения человека по-прежнему являются выражением объективных свойств природы мира, но они зависят от разума. Виды опыта, которые определены как ценные, имеют характерную и именуемую, но невыразимую сущность, о которой физическим наукам нечего сказать.

Во-вторых, ценностные суждения людей могут противоречить друг другу только в том случае, если им удастся сослаться на одно и то же. Вынесенные Гитлером оценочные суждения на самом деле не могли противоречить неумышленным жертвам его экстранейронного тела. Эти суждения лишь отражали характер эмоционально энцефализированных монстров, населявших его разум; и он боролся против махинаций этих монстров... боролся ужасной ценой.

В-третьих, морально неправильным с позиции консеквенциалистской этики был лишь побочный эффект невольных попыток Гитлера уничтожить его внутренних врагов. Он не ошибался *в том*, что некоторые неприятные явления были источниками отрицательной ценности. Книга «Моя борьба» служит свидетельством, что их феноменология действительно была для Гитлера ужасной. Он просто ошибочно определил их отличительные свойства и происхождение как нечто внешнее по отношению к своему сознанию. И эффект этой ошибки, конечно, был катастрофическим.

Теперь та степень, до которой изложенная выше сказка о мире сновидений отражает наше реальное положение, кажется, как минимум, неоднозначной. В добавок к некоторым проясняющим деталям, я бы сказал, что эти два типа восприятия, по крайней мере с эмпирической точки зрения, представляются неразличимыми. Однако углубление в перцептивные и семантические минные поля, не говоря уж о парадоксах само-референции, на которые нас может привести данный вопрос, оставим в стороне, чтобы не зайти слишком далеко. И тем не менее, такое объяснение предлагает один программный способ натурализации ценностей; хотя и цена за удобство этого способа может показаться слишком высокой.

2.19 Ненадёжные ценности.

Четвертое обвинение оставило неопределенность. В нем говорилось о смешивании ценимого с ценным. Даже если принять этот момент как должное, наступление продолжается – ведь ценностные суждения, независимо от их искренности или обманчивости, сообщают о различных типах нейрофеноменологических состояний, которые сами по себе неопределимы с точки зрения истинности. Определение опыта как хорошего или плохого не даст никакой логической подсказки насчёт того, что объективно нужно с этим делать. Следовательно, какими бы ни были инструментальные достоинства пропагандируемой здесь биологической программы, утверждение о её логической несостоятельности с точки зрения объективной истины является несостоятельным. Конечно, осуществление биологического проекта значительно увеличило бы число и интенсивность состояний, признанных феноменологически ценными; и отменило бы состояния с отрицательной ценностью. Но ценностные суждения и качества опыта, которые они описывают, подобны переменчивым капризам. Они существуют, и они могут побуждать нас что-то делать с ними. И все же они не

ссылаются ни на что, кроме самих себя, и логически не предписывают никаких действий.

Но я бы сказал, что при правильном отношении здесь нет никакой ненадёжности. Мы живем во Вселенной, онтология которой буквально включает в себя ценные переживания точно так же, как она содержит ощущения боли, зрительные и слуховые переживания, чувства раздражения, обязательства, негодования, а также изобилие других форм опыта, большинство из которых до сих пор остаются безымянными. Таким образом, Вселенная действительно содержит феномены, которые в буквальном смысле являются ценными. Отстаиваемая здесь утилитарная этика и инструментально диктуемая ею биологическая программа в конечном счёте приводят к максимизации внутренней ценности и счастья во Вселенной; а все источники отрицательной ценности будут погашены.

Тогда, несомненно, последует нетерпеливый и скептический вопрос: *но действительно ли положительный ценный опыт является ценным?* Разве он не может просто казаться таковым? И в то же время никто не стал бы спрашивать на полном серьёзе: действительно ли болезненный опыт является болезненным? Очевидно, что можно представить себе Вселенную без ценностей; точно так же, как её можно представить без боли, удовольствий или ощущения красного цвета. Но по причинам, которые считаются неизвестными, мы не живем в такой Вселенной. Мы живём во Вселенной, в которой некоторые вещи по своей сути важны и обладают положительной или отрицательной ценностью. Если наше представление о респектабельной физикалистской онтологии не может вместить в себя объективный факт существования опыта вроде «каково это быть кем-то», значит, мы неправильно интерпретируем то, что формальное математическое описание сообщает нам о мире.

Ценностный нигилист сейчас может начать отрицать существование подобного качества опыта. Нигилист может спросить: почему он (или она) вообще должен ценить ценность, чем бы она ни была. Но даже этот скептицизм не оспаривает само существование ценности; если, конечно, скептик не страдает редким синдромом нечувствительности к боли. Отнесение какого-либо вида опыта к онтологическому «полусвету» крайне нежелательно и должно быть отклонено.

Эта объективность не означает, что ценный опыт, в отличие от симуляции, может обладать каким-то типом истинно-оцениваемого пропозиционального контента поверх своей феноменологии, которой каким-то образом удаётся окрашивать или освещать свойства независимого от разума мира. Но в контексте этой натуралистической картины мира есть отчаянно сложная проблема, касающаяся объяснения того, каким образом пространственно-временное электрохимическое событие или эпизод опыта буквально содержит в себе абстрактный пропозициональный контент. Миры, в которых этот контент невозможен, по-видимому, эмпирически неотличимы от нашего, а онтологически они намного менее сомнительны. Размышляя над этой головоломкой, пока остаётся лишь скрещивать пальцы

и жонглировать метафорами; или же притворяться, будто её не существует.

2.20 Приятные вибрации: ценность струны.

Бертран Рассел однажды заметил, что «Этическая метафизика является пусть и замаскированной, но фундаментальной попыткой придать законодательную силу нашим собственным желаниям.» Он прав. Смешивание предсказания с предписанием обычно сулит путаницу. Попытки обосновать пост-дарвиновский проект (или любое другое моральное предприятие) чем-то более возвышенным, чем принцип удовольствия и боли, могут просто затянуть нас в фантастический мир самообмана. Возможно, разговор о моральной добродетели устранения страданий – лишь пустое мнение, просто напыщенная болтовня в цифровом Вавилоне киберпространства.

С одной стороны, традиционно мыслящий научный рационалист, несомненно, будет непоколебим. Он будет утверждать, что положительно и отрицательно ценные переживания, о которых говорится в этой главе, на «самом деле» являются «лишь» какими-то проявлениями физического мира: например, паттернами возбуждения нейронов, различными способами вибрации суперструн и так далее. И всё же это софистика. Редукционистский аргумент можно перевернуть с ног на голову и сказать, что способы вибрации суперструн или паттерны нейронной активности – это «всего лишь» проявления ценного переживания. Поэтому такие аргументы не проясняют ситуацию. Почему, как и в какой мере различно оцениваемые состояния опыта идентифицируются разными числовыми значениями решения физических уравнений – это более глубокие вопросы, рассмотрение которых здесь неуместно. Может быть, их важность преувеличена, мы пока не можем этого знать.

Лучше завершим этот раздел краткой переформулировкой его содержания. Биологическая программа даёт обещание, что в ближайшие несколько тысячелетий состояния сознания всех чувствующих существ будут более приятными, чем кто-то либо из нас сейчас может вообразить. Наш наследственный нейробиологический дефицит способности испытывать удовольствия не позволяет нам осознать, что мы можем получить посредством генной инженерии и биотехнологии в целом. Реализация пост-дарвиновской программы сможет наполнить весь живой мир ценным опытом, как минимум, в эмпирическом смысле. Им будут наслаждаться люди, пост-люди и нечеловеческие существа. Пост-дарвиновские разновидности опыта, вероятно, будут иметь такое разнообразие, интенсивность и глубину, что многократно превзойдут всё, на что способно бедное воображение охотников-собирателей, которыми мы с вами сейчас являемся по своей природе. Все моральные недуги, выявленные светскими системами ценностей, могут быть искоренены навсегда. Однажды страдание станет физически невозможным. Всё это звучит довольно напыщенно, но данная

стратегия биологически осуществима, и мы как вид способны взять эту ответственность на себя.

Можно ли практическую или теоретическую максимизацию ценных для нас состояний приравнять к максимизации ценности как таковой – это другой и более трудный вопрос. Я считаю, что по крайней мере на первый взгляд их совпадение очевидно. Возможно, мы когда-нибудь поймём, что некоторые уравнения в нашей Вселенной описывают то, что является ценностью по самой своей сути.

Часть 3: Когда?

*«Большинство людей проводят свою жизнь в тихом отчаянье»
(Генри Торо)*

3.0 Наше эмоциональное будущее.

Давайте пока отвлечёмся от практических достоинств и этической срочности аболиционистского проекта. На каких основаниях можно предсказать, что страдание и недомогание будут заменены градиентами генетически запрограммированного благополучия? Если этому суждено сбыться, когда именно парадайз-инжиниринг станет политической практикой?

Если такому пост-дарвиновскому переходу суждено произойти, то революция совершится лишь единожды. И она будет необратимой. Возвращения к старым дарвиновским временам не случится даже в том случае, если новый мир окажется не таким уж прекрасным, как рекламировался. Ведь для людей он всё равно будет лучше.

В нашем мрачном биологическом средневековье перспектива такого непобедимого блаженства может показаться фантастически далёкой. Но зря. Ведь уже в наши дни многие люди пытаются манипулировать над своим разумом с помощью химических средств. Просто мы пока не преуспели в этом. На протяжении всей истории люди пытались изменить свое сознание с помощью различных веществ природного происхождения. Произвольные и очень избирательные запреты и преследования со стороны правящей элиты не смогли помешать людям экспериментировать с психоделиками и усилителями настроения. К началу XXI века, возможно, около 400 миллиардов долларов или 8% мировой торговли приходилось на запрещённые наркотики.

Легальные и одобренные уважаемым обществом рекреационные средства, конечно, вообще не имеют репутации наркотиков. Люди, зависимые от никотина и алкоголя, не считают себя практикующими психофармакологами; и, к сожалению, их некомпетентность в этой области часто оборачивается летальным исходом.

Исправима ли эта некомпетентность? Если да, и если аболиционистский проект в преддверии настоящей генетической медицины может быть инициирован с помощью фармакотерапии, то сначала должен быть создан ряд

предварительных условий. Необходимый и достаточный перечень невозможно привести здесь, однако стоит выделить и рассмотреть несколько различных, но взаимодополняющих социальных тенденций, которые имеют огромный потенциал.

1 — Во-первых, разумно предположить, что мы будем продолжать поиски и применение химических усилителей настроения в общеизвестном масштабе.

2 — Во-вторых, новаторская и фармакологически (полу)компетентная элита будет постепенно учиться использовать выборочные средства гораздо более эффективным, безопасным и рациональным образом. Вся фармакопея лицензированных и нелицензированных препаратов будет доступна для приобретения через Интернет по всему миру. Функционирование наших тридцати с лишним тысяч генов ещё не раскрыто, но новая дисциплина фармакогеномика позволит индивидуально подбирать лекарства к генетической структуре каждого человека. Более того, желательные состояния сознания, которые могут быть индуцированы фармакологически, впоследствии можно будет предварительно кодировать с помощью генной инженерии.

3 — В-третьих, общество будет продолжать финансировать и поддерживать исследования в области генной инженерии, репродуктивной медицины и всех форм биотехнологии. В третьем тысячелетии это позволит захватывающему разнообразию образов сконструированного Рая стать реальным ассортиментом для выбора стиля жизни.

4 — В-четвёртых, злосчастная война правительств с некоторыми веществами, наконец, рухнет под тяжестью собственных противоречий. Конечно, в наши дни родители совершенно правы в своём беспокойстве по поводу распространённости запрещённых наркотиков. Но как жертвы ранней медицины не заставили человечество отказаться от современных средств лечения в пользу гомеопатии, так же и токсичность многих современных психоактивных веществ не заставит нас отказаться от мечты об улучшении жизни с помощью химии.

5 — В-пятых, медикализация повседневной жизни и самого человеческого положения будет продолжаться быстрыми темпами. Все типы недугов, которые в наше время плохо определены, будут медицински диагностированы и классифицированы. Наши бесчисленные печали получат респектабельные клинические наименования. Массовая медикализация позволит крупным фармацевтическим компаниям активно расширять свои прибыльные рынки одобренных медициной психотропных средств для растущей клиентуры. Будут запатентованы новые аллели генов, модулирующие настроение, а также другие инновационные техники генной терапии для улучшения самочувствия и интеллекта. Всё это будет выведено на рынок биотехнологическими компаниями, которые стремятся излечить психопатологии больных и максимизировать свою прибыль.

6 — В-шестых, за следующие несколько столетий взрывное распространение все более совершенных программных продуктов виртуальной реальности позволит миллионам, а затем и миллиардам людей воплотить в жизнь свои недостижимые фантазии. Как ни парадоксально, триумф чувственного удовлетворения желаний в виртуальной реальности с эффектом полного погружения также продемонстрирует интеллектуальное банкротство наших старых социальных реформ. Но виртуальная реальность не устранил несчастье, поскольку гедоническая беговая дорожка не может уступить компьютерному программному обеспечению.

7 — В-седьмых, секуляризм и индивидуализм одержат победу над возрождающимся исламским и христианским фундаментализмом. Право на пожизненное благополучие в этом мире, а не в следующем, обретёт статус основного права человека.

Здесь довольно много неопределённостей. Футурология не является точной наукой и вряд ли стоит ожидать, что она станет таковой. Допустим, кто-то может предположить глобальный триумф антинаучной теократии. Это может быть американское религиозное право или даже какой-то исламский фундаментализм. Менее мыслимо, что наивный гуманизм, настаивающий на неизменности человеческой природы, сможет остановить надвигающийся марш биотехнологического детерминизма. Так же возможно, что употребление не одобренных медициной препаратов может быть уменьшено или прекращено с помощью технологий надзора и сурового наказания. Например, под воздействием последней волны антинаркотической паники репрессивное тоталитарное супергосударство может установить режим обязательных универсальных анализов крови на запрещенные вещества; а затем последует принудительная «детоксикация» в реабилитационных лагерях для правонарушителей.

Подобные сценарии и их вариации с большой уверенностью можно считать слишком алармистскими. Учитывая распространяющийся дух индивидуализма и гедонистического потребительского капитализма, человечество скоро обнаружит, что не существует биофизических причин не быть бесконечно счастливым по собственному желанию, поэтому вряд ли что-то сможет остановить исследование и воплощение такого будущего. Пожизненный экстаз не так плох, как кажется.

3.1 Гедонизм после войны.

Поэтому в качестве иллюстрации хотя бы одного правдоподобного события, приводящего к принятию биологической стратегии, стоит рассмотреть последствия, которые могут наступить, когда правительства западных государств окончательно откажутся от своей злополучной и интеллектуально бессмысленной войны против психоактивных веществ. Такой отказ нельзя считать неизбежным. Однако здесь предполагается, что правительство, по крайней мере, не может *полностью* узурпировать свободу

людей контролировать собственные состояния сознания. Меры государственного контроля над разумом могут ослабеть, во-первых, перед лицом восходящей либертарианской и свободно-рыночной идеологии; во-вторых, из-за молодого поколения опытных нелегальных потребителей препаратов, не склонных к криминалу и презирующих лицемерие старшего поколения; и, в-третьих, хотя не в последнюю очередь, благодаря беспрецедентному взрыву детальной информации о том, как синтезировать психотропные средства любого описания.

Декриминализация, сначала *де-факто*, а затем *де-юре*, и последующая легализация не повлекут за собой прямой отмены государственного контроля. Наоборот, государство будет вмешиваться из соображений финансовой заинтересованности и патерналистской ответственности в процессе распределения. Производство и поставка, а также качество и чистота психотропных средств будут лицензироваться, гарантироваться и регулироваться. Это освободит многомиллиардный сектор экономики от организованной и неорганизованной преступности. Кроме того, это позволит резко и политически целесообразно сократить прямое налогообложение. Также будут устранены некоторые токсичные примеси, распространенные в уличных наркотиках. Тысячи вновь декриминализованных потребителей препаратов будут приняты в цивилизованное общество. Более интеллектуальные способы просвещения и социальная институционализация ранее незаконных форм употребления веществ будут способствовать процессу снижения вреда.

И всё же, несмотря на эти преимущества, воображение рисует опасно радужную картину последствий легализации. Какой бы благотворной и желательной ни казалась декриминализация, она не сможет предотвратить долгосрочные медицинские и социальные проблемы употребления препаратов, и причина тому – плохая или неправильная информированность. Во-первых, в настоящее время огромное, возможно неопределимое количество легальных и нелегальных потребителей препаратов, по сути, занимается самолечением. Таким способом люди пытаются сбросить стресс или избавиться от депрессии и тревоги; иначе говоря, используют то, что кажется им единственным реалистичным средством из предложенных. Их выбор вовсе не удивителен. Другие перспективы улучшить настроение кажутся им удручающими. А одобренные государством «антидепрессанты» доступны только по рецепту, который едва ли удастся выпросить у хладнокровных медиков в белых халатах. В любом случае, официально подобные средства имеют потенциальную терапевтическую ценность только для тех, кого медицинские авторитеты считают психически больными. Однако люди не слишком-то хотят навешивать на себя такие ярлыки. Столь щепетильное отношение к имиджу означает, что миллионы людей, которые в противном случае бы выиграли, упускают некоторые из наиболее значимых достижений медицинской науки.

И вместо этого они прибегают к помощи химикатов, имеющих совсем другую репутацию. Широко распространённые нелегальные эйфоретики вроде кокаина и амфетаминов наносят меньший физический урон и в совокупности ежегодно убивают лишь около 1% от числа людей, которые

гибнут от легальных химических убийц — табака и алкоголя; однако вызванная нелегальными эйфоретиками перерегуляция рецепторов гарантирует, что их долгосрочные эффекты почти противоположны тому, ради чего их принимают потребители — это в этом их главный изъян. Между тем, медицинские органы придерживаются удобной фикции относительно всех существующих или потенциально одобренных стимуляторов настроения. Официальная линия гласит, что «антидепрессанты» замедленного действия оказывают эффект только на людей с настоящей депрессией, а «здоровые» люди почти ничего не почувствуют; и что «патологическую» эйфорию тоже следует устранять медикаментозно. Более того, в остальном оправданная осторожность медиков относительно полипрагмазии, в то же время без необходимости ограничивается в составлении красивых психоактивных коктейлей потенциальных обогатителей самочувствия.

Как только произойдет легализация запрещенных и контролируемых групп препаратов, на государство будет оказано огромное давление с целью проспонсировать исследования, разработку и маркетинг средств улучшения настроения для широких слоев населения. Это, безусловно, будет безопаснее и эффективнее, чем грязные уличные наркотики, которые сейчас так популярны. Несомненно, поначалу многие традиционалисты будут продолжать практиковать и пропагандировать «тотальное воздержание» в духе старого лозунга «Просто скажи нет!» А с противоположного края маленькая группа искателей острых ощущений, вероятно, будет стремиться к предельному максимуму ощущений с предсказуемо катастрофическими последствиями для себя. Человеческий мозг не способен слишком долго выдерживать интенсивное удовольствие без существенных улучшений дизайна, которые пока еще не предлагаются. Однако для миллионов более ответственных и психофармакологически образованных людей возможность улучшить жизнь с помощью химии окажется неотвратимой. Они будут благоразумно подходить к выбору и смешивать средства из разных категорий, например, для прояснения настроения, улучшения интеллекта, эмпатии, сексуальной притягательности, анти-старения и так далее, в том числе из тех категорий, о которых пока ничего неизвестно. Уже есть, по крайней мере, несколько предварительных показателей того, что психофармакологический каменный век человечества подходит к концу.

Одним классом прояснителей настроения, которые привлекут осторожных по темпераменту людей, будут психоактивные вещества с терапевтическим окном: более безопасные, мощные и гораздо более полезные варианты веществ вроде никотина. Никотин весьма эффективно модулирует эффекты в работе мозга, но действует в очень узком диапазоне. Польза новых дизайнерских препаратов будет сильнее зависеть от дозы, но благодаря перерегуляции рецепторов они будут действовать по принципу отсроченного удовольствия. Осторожная полипрагмазия, в том числе в форме комбинирования агонистов дофамина/серотонина и ингибиторов обратного захвата, выглядит особенно многообещающей. Вместо того, чтобы тратить месяцы на непомерно дорогую разговорную терапию с плохо определенными целями и выгодами, люди смогут получить профессиональную консультацию специалиста по тонкой настройке психики.

Дисфункциональные черты личности затем могут быть психохимически перепрошиты. Разрыв между идеализированной самооценкой и некомфортной реальностью сократится. Максимум в течение нескольких поколений роль национальной службы здравоохранения может свестись к тому чтобы сохранять людей счастливыми и здоровыми: иначе говоря, привычное разделение здоровья и самочувствия может стать изжившим себя анахронизмом.

3.2 Почему нам нужны крупные производители психофармакологии?

В наши дни незаконное употребление наркотиков можно назвать «давлением снизу». В будущем давление «сверху» будет исходить от гигантских фармацевтических компаний с оборотом в миллиарды долларов. Покуда официальная догма о строгом терапевтическом минимализме гласит, что не должно быть никакого клинически санкционированного употребления психоактивных препаратов у «здоровых» людей, многие очень интересные лекарства действительно не попадут на рынок. Следовательно, пока как медико-политическая ортодоксальность сохраняется, производители будут получать всё большее коммерческое преимущество по мере того как будет патологизироваться всё большая часть повседневной человеческой жизни. Ибо только люди с официально установленными диагнозами получают возможность подвергаться медикаментозному лечению с помощью патентованных лекарств, предпочтительно на долгосрочной основе. Близкие отношения фарминдустрии с медициной и её прессой поможет фармакологам сообщать свои взгляды более эффективно. Если плохо определяемым и повсеместным расстройствам вроде возрастной потери памяти может быть придана формальная диагностическая респектабельность, то с ними можно будет бороться посредством холинергических усилителей и других форм когнитивного улучшения. Впоследствии использование таких лекарств может распространиться на более широкое население. Например, их смогут применять студенты для сдачи экзаменов или амбициозные руководители, стремящиеся получить преимущество перед своими конкурентами, отказывающимися от подобных средств. К тому же, уже сейчас на стадии разработки существуют препараты, которые обещают быть намного более эффективными, чем их нынешние не слишком умные аналоги.

Подавляющее большинство молодых людей в наше время весьма здорово в поверхностном, физическом плане. Поэтому, возможно, значительная часть потенциально прибыльного рынка останется неиспользованной. С другой стороны, если с медицинской точки зрения будет корректно признано, что статистически нормальные периоды юношеской тревоги, апатии, субклинической депрессии и страха являются колоссальной проблемой для здоровья, то фармацевтическая промышленность и новые потребители ее продуктов от этого только выиграют. Хотя циник может выразить сомнения относительно мотивов фармацевтических компаний и их методов маркетинга, следует подчеркнуть, что фактические последствия

осторожной медикаментозной терапии человека часто бывают благоприятными. Такие комментаторы в будущем сами могут оказаться носителями нововведённых диагнозов вроде «дистимии», к которым будут относиться уныние и тревожность. Такие состояния заслуживают лечения даже по сегодняшним угнетающе низким критериям нормального эмоционального здоровья. Проблема вовсе не в том, что современное общество слишком медикализировано, а наоборот – в том, что недостаточно сильно и качественно.

Следующим в очереди за медикализацией может находиться ныне малоизвестный синдром, который будет называться, скажем, «гипогедоническим расстройством» или термином с аналогичной степенью тяжести. Этот ярлык может расширить степень официально медикализированного населения еще на 30-40%. Создание новых и всё более совершенных лекарств для новых диагнозов фармацевтическим компаниям будет коммерчески выгодно. Постепенно характерная для нашего вида базовая эмоциональная линия будет устремляться вверх, пока не достигнет самоподдерживающегося счастливого триумфа.

3.3 Хороший код становится лучше.

Есть одна важна территория, которую ещё плохо освоила медицина, — это человеческий геном. В настоящее время классифицированы несколько тысяч достаточно чётко определенных генетических расстройств. Однако, за исключением нескольких предполагаемых разгадок, генетическая основа признанных нарушений настроения не была определена должным образом. Но как бы то ни было, у нас нет специальных генов счастья, тревоги, депрессии и так далее; разве что в единственном, следующем смысле. Наличие или отсутствие определенных генов и их сочетаний делает статистически более или менее вероятным, что организм будет счастлив, тревожен или подавлен в конкретном типе окружающей среды и диапазоне обстоятельств. Статистическая граница преимущества необязательно должна быть большой, чтобы естественный отбор приступил к работе.

Однако естественный отбор не продлится слишком долго. Геном человека будет картирован в течение следующих нескольких лет. И потребуется еще несколько десятилетий, чтобы выяснить, какие комбинации генов кодируют структуры и белки, которые, при прочих равных условиях, ухудшают настроение и благополучие в детстве и дальнейшей жизни. Их можно будет устранить или подавить. А гены, которыми нельзя пренебречь из-за их участия в комплексных эффектах, можно будет заменить более благоприятными или мягкодействующими аллелями. И наоборот, редкие гены, связанные с гипертимией, то есть постоянным состоянием относительного счастья без изнурительной (гипо-)мании, смогут вводиться, удваиваться и энергично экспрессироваться у всё большего числа людей и их зародышевых линий. Распространение наследственной гипер-

тимии должно предвещать комплексную переработку генома. Всеобъемлющее определение генетических основ интеллекта, тела и состояний сознания, вероятно, займет сотни поколений. Многое будет зависеть от того, сколько времени потребуется, для ликвидации процесса старения. Массовое избавление от неизбежной смертности приведет к остановке традиционного размножения людей. Редизайн генома, несомненно, станет еще более амбициозным предприятием. Хотя старомодные электроды в центрах удовольствия намного проще, со временем подобные методы могут стать эстетически неприемлемыми и ненужными.

Опять же, психогенетическую революцию на этот раз будут продвигать именно крупные компании, на этот раз в сфере биотехнологий. Для их продуктов существует огромный потенциальный рынок. И по крайней мере в краткосрочной перспективе придется столкнуться с моральной дилеммой, которая мало чем будет отличаться от сегодняшней дилеммы родителей-фундаменталистов, которые отказываются делать своим детям переливание крови, когда это необходимо для их спасения. Родители, которые из-за почтения к Богу или Природе откажутся делать своим детям генную терапию и таким образом обрекут их на депрессию, наверняка будут обвиняться в жестоком обращении с детьми. Ответственные родители, наоборот, предпочтут дать своим детям лучшее здоровье и счастье, которое можно купить за деньги.

Конечно, подобные рассуждения звучат холодно и технократично, в стиле «Дивного нового мира»; но без такого впечатления едва ли получится обойтись. Чтобы сгладить его, остаётся лишь напомнить, что события, которые они описывают, должны предотвратить страдания в таких масштабах, которые непостижимы для нашего разума.

3.4 Предсмертные судороги периферализма.

Ещё одна причина для прогнозирования отмены негативного опыта на первый взгляд кажется совсем иной. Она следует из предположения об одном косвенном эффекте вездесущего, мультимодального и иммерсивного программного обеспечения виртуальной реальности. После первых двух столетий следующего тысячелетия эта потенциальная индустрия стоимостью в несколько триллионов долларов может начать доминировать в социальной, личной, художественной и экономической сферах жизни.

В данной работе выдвигается предположение, что пост-человечество в конце концов освободится от тирании традиционных и генетически заданных интенциональных объектов. Наши гены так сильно убедили нас во всепроникающей энцефализованности наших эмоций, что мы не склонны даже сомневаться, что достичь счастья и избежать разочарований можно только гонясь за пёстрой мозаикой интенциональных побрякушек, даже если они сами по себе не имеют никакой ценности. В результате этой погони люди провели тысячи жесточайших войн против себе подоб-

ных. В некотором смысле вся наша культура является трагическим памятником перифералистской стратегии, и заодно её сомнительной рекламой. Чтобы человечество как вид убедилось в том, что периферализм не способен дать нам прочное счастье, можно вообразить, что произойдёт, если окружающая среда будет полностью соответствовать людским прихотям и реализуются все наши изощрённые фантазии. Конечно, всегда считалось, что подобные допущения сродни несбыточным мечтам. Даже римский император мог получить далеко не всё, что ему хотелось.

Однако всепроникающая сеть виртуальных реальностей позволит каждому человеку удовлетворить свои потребности в интенциональных объектах при минимальных затратах. Постоянно растущая библиотека программного обеспечения виртуальных миров позволит всем осуществить свои мечты, будь они интерактивные или солипсические, художественные или эротические.

3.5 И всё-таки это наскучит.

Как ни странно, всё вышеописанное не сделает нас счастливыми на слишком долгое время. Гедонистическая беговая дорожка не остановится. Революция растущих потребностей в конечном итоге приведет к тому, что люди по праву будут ожидать и применять любой набор восприятий и повествовательных структур, которые они выберут. Они будут делать это, находясь прямо в виртуальных мирах с выбранными ими образами тела и законами. При отсутствии мощных восстановительных процессов мезолимбической системы ими снова периодически будет овладевать скука, тоска и другие ранее дремавшие негативные переживания, которые осквернят, казалось бы, совершенную идиллию. По иронии судьбы, именно массовая миграция в виртуальные миры может оказаться последним рывком периферализма. Если в цели людей входит достижения постоянного и стабильного счастья, то только неограниченная возможность манипулировать окружающей средой сможет убедить их, что такой путь обречён на провал.

Однако симбиотический союз биологически запрограммированной эйфории и зрелого инжиниринга виртуальной реальности является удивительно хорошей перспективой. Кроме того, возможность такого гибрида может служить хотя и маловероятным, но одним из объяснений отсутствия каких-либо признаков другой разумной жизни в нашей галактике (см. так называемый «парадокс Ферми» — *прим. пер.*) Ведь если биологический вид становится достаточно изощренным, чтобы генерировать любой возможный опыт и образ существования, то логично предположить, что он лишится мотивирующих стимулов выбирать какие-то некомфортные виды опыта, к которым можно отнести и исследование реального космоса. Действительно, если в виртуальную реальность создать легче, чем совершить опасный межзвёздный перелёт, то вряд ли этому перелёту суждено случиться.

3.6 Технология витринных утопий.

Стоит кратко обсудить две проблемы в сценарии, связанном с виртуальной реальностью в целом. Первая проблема – техническая. Можно утверждать, что, вопреки выше сказанному, глубокую виртуальную реальность создать не получится, поскольку это слишком трудно. Серьёзная интерактивная генерация миров потребует вычислительной мощности на несколько порядков быстрее, чем всё доступное в наши дни. Ссылаясь на мощность человеческой зрительной системы, было отмечено, что настоящая реальность составляет 130 миллионов полигонов в секунду. С помощью искусственных средств достичь такой мощности практически невозможно, если исключить революционное появление портативных квантовых суперкомпьютеров.

В ответ на данный контраргумент можно процитировать закон Мура: мощность процессора удваивается примерно раз в два года, и этот темп пока не показывает признаков снижения. Это приводит к некоторым головокружительным прогнозам. Более того, 130 миллионов полигонов в секунду, вероятно, будут излишни для большинства людей. Виды фантазийных сценариев, которые пробуждают наши глубочайшие эмоции и которые якобы обещают сделать нас необычайно счастливыми, в основном довольно простые. Они склонны обращаться к относительно примитивным потребностям в ситуациях, когда тонкие визуальные нюансы менее чем критичны. Ведь даже в своих фантазиях мы разыгрываем пародии на поведение с максимальной генетической адаптивностью.

Не стоит отрицать, что прогнозируемые здесь временные рамки для развития более совершенных видов виртуального мира неясны. Может быть, они вообще не имеют строгих границ. Как бы то ни было, все сроки и хронологические прогнозы, предложенные в этом манифесте, являются лишь мерцанием в контексте вечности; и они жизненно важны лишь для отдельных представителей нескольких поколений переходного периода, но не имеют значения для истории жизни в целом.

3.7 Жизнь в реальном мире.

Вторая причина сомневаться в том, что вездесущие виртуальные реальности когда-либо приведут к гибели периферализма, заключается в том, что, как следует из названия, они нереальны. Чувство подлинности или убеждённости в том, что поступки действительно имеют значение, будет отсутствовать даже в самых поразительно реалистичных творениях. Скорее всего, они нередко будут интересными, но даже величайшие шедевры программного обеспечения виртуальной реальности никогда не вытеснят реальную жизнь. Взаимодействие с настоящими чувствующими людьми из плоти и крови всегда будет приоритетнее общения с бессознательными машинными фантомами. Наслаждение может снизиться от осознания того

факта, что все персонажи, встречающиеся в виртуальном раю – будь то Космический Казанова или Принц Галактики – всего лишь самозванцы, обладающие псевдоличностями. Однако следует признать, что обладатели удачных по современным стандартам генов и психохимии могут не испытывать с этим особых проблем. Ведь при просмотре фильмов или чтении хорошего триллера зрителя обычно не смущает факт вымышленности главных героев. Многим геймерам даже сегодняшние нереалистичные электронные игры кажутся захватывающими; и когда появилась игра «Соник» для Сеги, я помню вспышки ревности из-за того, что не мог перетянуть внимание своих знакомых с электронного ежа на себя. Более того, даже люди, которые не верят в прямой реализм и считают восприятие окружающего мира лишь моделью в собственном мозге, редко выглядят одинокими и безучастными.

В любом случае, даже самое реалистичное негативное переживание в виртуальной жизни будет ограничено возможностью манипулировать нашим физиологическим восприятием. Когда мы сможем искусственно генерировать действительно любой перцептивный опыт или сценарий из конечного числа теоретически доступных состояний – тогда, я полагаю, может остановиться то, что мы привыкли невинно называть прогрессом. В таком случае, по прошествии следующего тысячелетия человечество будет полностью состоять из индивидов, перемешивающих одни и те же старые типы перцептивного и псевдо-перцептивного опыта. И всё-таки, не имея надёжных доказательств, я склонен полагать, что мы захотим получить доступ и исследовать состояния сознания, которые станут доступными только при более радикальных реконфигурациях нейрхимии, а не ограничимся возможностями простых и поверхностных преобразователей ощущений. Первой мишенью таких вмешательств, очевидно, станет лимбическая система. И когда обусловленная генами биохимия всего отвратительного будет раскрыта и вычищена из нашей психики, трудно представить, что мы заходим вернуть её обратно.

Часть 4: Возражения

Возражение 1: Счастливые переживания и представление о счастье возможны только потому, что их можно противопоставлять душевному упадку. Само понятие непрерывного счастья бессмысленно.

Ответ: Некоторые люди страдают от депрессии или испытывают физическую боль на протяжении всей жизни. Они в буквальном смысле никогда не счастливы. Понятно, что они могут винить в своих страданиях саму природу мира, а не только личное состояние здоровья. И всё-таки если бы существовала доктрина, которая склоняла бы нас к убеждению, что такие люди на самом деле не страдают, а просто не способны противопоставить свое несчастье радостным воспоминаниям, то это была бы очень жестокая доктрина. Находясь в тисках отчаянья, они могут обнаружить, что само понятие счастья когнитивно бессмысленно. И наоборот, для поддержания эйфории, вызванной стабильной (гипо)манией, необязательны воспоминания *о страдании*. Учитывая зависимость памяти от текущего состояния, негативные эмоции могут быть просто недоступны для сознания в таком возвышенном состоянии. Точно так же возможно, что вечно эйфорические пост-люди сочтут наше контрастное представление о несчастье буквально непостижимым. Ведь необычайно здоровому человеку трудно представить, каково это - быть хронически больным; в том числе в психическом плане.

Вот актуальная параллель. Из-за множества причин возможно полное двустороннее поражение первичной, вторичной и «ассоциативной» зрительной коры. Люди с синдромом Антона – Бабинского не просто слепнут, но еще и не осознают своего сенсорного недостатка. Более того, они теряют всякое представление о значении зрения. Они больше не обладают теми неврологическими субстратами зрительных представлений, с помощью которых их прошлое и нынешнее состояния можно было бы сравнивать и противопоставить. Наши генетически счастливые потомки могут претерпеть аналогичную потерю когнитивного доступа к природе и различным текстурам страдания. Вполне вероятно, что у них сохранятся градиенты возвышенности, чтобы оживлять жизнь и раскрашивать мысли. Так что, как минимум, они смогут проводить аналогии и параллели. Но к счастью, благодаря своему трезвомыслию и благополучию, они не смогут постичь истинный ужас, лежащий за какими-то лингвистическими пережитками прошлого, сохранившимися с дарвиновских времён. Такое отсутствие кон-

траста или даже немыслимость неприятных переживаний не сделает будущего врожденного экстастика сколь-нибудь менее счастливым, совсем наоборот. Мир, представители которого движимы градиентами удовольствия, действительно будет иметь функциональный эквивалент неприятности. Однако даже такие состояния будут гораздо восхитительнее, чем любая эйфория, которая физиологически доступна нам сегодня.

Возражение 2: Сценарии, намеченные в этой работе, неосуществимы. Ни один из них в реальности не сработает. Человеческий мозг слишком сложен, чтобы его можно было запрограммировать на пожизненное удовольствие. Мудрость природы гарантирует, что в конечном счете начнется какой-то сложный цикл обратного подавления. Этот процесс восстановит равновесие, поэтому угнетающие состояния сознания вернутся.

Ответ: Любые попытки внедрить в кору головного мозга функциональное понимание, скажем, общей теории относительности или «вручную» настроить нейронные связи и синаптические веса, способствующие пониманию шекспировской трагедии, могут потерпеть фиаско, за исключением разве что самой утопической нейробиологии. Но столь совершенное мастерство и не понадобится. Физиологические корни аффективных состояний по большей части лежат глубоко в филогенетически примитивной лимбической системе. Но назвать их *просто* лимбическими – значит пренебречь эволюционной важностью их энцефализации. Например, прогностическая ценность различных сенсорных сигналов кодируется орбито-фронтальной корой и миндалевидным телом. И все же нейронная основа нашей *эмоциональной* жизни по-прежнему несравнимо проще, чем множество когнитивных процессов, с которыми она связана. Конечно, функциональные пути наших эмоций усложнились в соответствии с нашим нынешним зрительным восприятием. Но мим всё равно несложно манипулировать. Как мы можем вводить психоактивные коктейли отчаянья – такие жестокие опыты иногда проводятся на животных с целью «моделирования» депрессии – таким же грубым, а иногда и утонченным образом мы можем поляризовать настроение в противоположную сторону.

Следует напомнить, что существенную модулирующую роль здесь играют моноаминергические нейроны, пептиды и эндорфины, которые лежат в основе эмоционального тонуса. Индивидуально они не направлены на условные сайт-специфические репрезентации, предварительно кодируемые генами. Если рецепторы, ферменты, цитоплазматические белки и генетические переключатели в вентральной области покрышки и прилежащем ядре перенастроены соответствующим образом, и если эти чудесные клетки продолжают энергично работать, то человек будет безмерно счастлив неопределенно долгое время. Естественный отбор не обладает способностью предвидеть или ожидать, поэтому не сможет воспрепятствовать нам в достижении этой цели. Природа не может затаить месть. Учитывая

более богатую дофаминергическую и мю-опиоидергическую иннервацию неокортекса, в центре будущего экстатического счастья будет изменчивая и непредсказуемая панорама интенциональных объектов. Потенциальная сложность и разнообразие этих объектов – то есть, всего того, чем «в норме» будет счастлив человек – действительно ошеломляет. Когда каждая мимолетная неокортикальная коалиция счастливо иннервируется «снизу», каждый из них может быть центром или фокусом восхищения. Жизнь всегда будет удивительной, а веселье не остановится. Ведь в таком случае гедоническая беговая дорожка будет навсегда разобрана генетически.

Возражение 3: Если бы мы надолго остались в приподнятом настроении, нас бы постигла та же участь, что и лабораторных животных, подверженных внутричерепной самостимуляции. Мы бы умерли от голода или пренебрежения другими своими нуждами. Физическая и психическая боль не просто способствуют нашей генетической приспособленности в эволюционном смысле. По большей части они защищают от вреда каждый отдельный организм. Если мы перейдем в режим всеобщего счастья, мы больше не захотим заниматься сексом и размножаться, поэтому мы вымрем как вид.

Ответ: Биологический проект, всецело направленный на максимизацию удовольствия, может сильно ослабить автономные навыки выживания его участников. Однако в полностью автоматизированной, компьютеризированной и обслуживаемой роботами цивилизации эта предполагаемое ослабление в долгосрочной перспективе не создаст особой проблемы. Более того, несовместимы с эффективным самообеспечением организма только определенные *типы*, а не интенсивности удовольствия. Однако, в прагматическом смысле, беспокойство по поводу ослабляющего воздействия чрезмерного благополучия на его жертв иллюстрирует преимущества сохранения как четко определенных интенциональных объектов, так и целенаправленного поведения, пропагандируемого в этом манифесте. Завтрашние специалисты по парадайс-инжинирингу, вероятно, сочтут благоразумным сохранить эти традиционные стороны жизни. Такие старинные виды интенциональности будут необходимы для целей любой практически реализуемой среднесрочной утопии. Таким образом, не требуется никакой героической жертвы субъективного благополучия.

Роль боли не так проста, как кажется. Её отвратительность имела адаптивное значение в нашем эволюционном прошлом. Тем не менее, любое полноценное объяснение феноменологической отвратительности боли, в отличие от функциональной роли «ноцицепции», все еще полностью ускользает от нас; и, возможно, так будет всегда. Тем не менее, спектр отвратительности - не единственный способ, с помощью которого можно

создать сложную адаптивную систему, позволяющую избегать травм и реагировать на них. К сожалению, в соответствии с принципами естественного отбора, похоже, это был единственный адаптивный ответ, доступный древним углеродным формам жизни. К счастью, теперь для нас осуществимы другие стратегии. Хотя эволюция не может перепрыгивать через низины в ландшафте приспособленности, дизайнеры рая в эпоху пост-геномной медицины, безусловно, смогут. Люди уже сейчас могут создавать роботов, наделённых искусственными самообучающимися нейросетями. Эти игрушечные роботы могут научиться ориентироваться в простых условиях. Они способны избегать вредных раздражителей благодаря своим реакциям на функциональные изоморфы наших болевых состояний. В кремниевой схеме робота, по-видимому, отсутствует органическая «ёмкость», которая могла бы наполняться сырым феноменологическим чувством болезненности. А это свидетельствует о том, что может быть искусственно разработано менее варварское средство избегания травм и опасностей в том числе в отношении органической жизни. (Это выражение углеродного шовинизма спорно. Однако оно является не праздным предрассудком, а выводом из структурно и микрофункционально уникальных валентных свойств атома углерода и сложных органических молекул.)

Одним из способов разработки безболезненной ноцицепции было бы использование неорганических протезов, дизайн которых будет заимствован у наших же будущих роботов. Несколько более элегантное решение использовало бы нашу врожденную (и часто неумелую) тягу к максимизации удовольствия. Периферические нервы, сигнализирующие о вредных стимулах, в настоящее время синапсируются болевыми нервными клетками. Вместо этого они могут быть перенаправлены на нейроны, которые просто менее гедонистичны в своей биохимии, чем их клеточные соседи. После того, как сенсорные сигналы будут переназначены, младенцы смогут учиться самосохранению и максимизации удовольствия, оставаясь в гармонии. Как минимум в качестве временной меры использование градиентов удовольствия - намного более цивилизованный способ жить. Это гораздо гуманнее, чем реагировать на проявления их мучительных, а иногда невыносимых функциональных эквивалентов.

Дальнейшее предположение касательно данного вопроса требует изучения. Следует с осторожностью относиться к мнению, будто мы, нынешние люди, способны должным образом заботиться о себе, а наши потомки, став врожденными экстатиками, окажутся заложниками роботизированных состояний инфантильной зависимости. Ибо не стоит забывать, что чрезмерно счастливые люди также имеют сильную волю к выживанию. Они страстно любят жизнь и принимают грандиозные вызовы, которые кажутся невозможными. С другой стороны, одним из признаков многих эндогенных депрессивных состояний является так называемое поведенческое отчаяние. Если человек узнаёт, что никакое усилие не может спасти его от неприятного раздражителя, он склонен впасть в летаргический ступор. Этот синдром «выученной беспомощности» может сохраняться

даже в тех случаях, когда, наконец, появляется возможность избежать неприятного раздражителя.

Современный фатализм в отношении «неизбежности» страдания аналогичен этой дисфункциональной пассивности (см. поведенческий синдром, связанный с религиозными традициями индийского субконтинента). И все же пассивное принятие темной стороны жизни больше не полезно для современных людей, ведь теперь мы раскрыли генетический код. Общечеловеческий гедонистический инжиниринг предлагает перспективу устранения всех неприятных и ненавистных нам видов опыта; но даже несмотря на техническую возможность освободиться от их щупалец, многие из нас по-прежнему сопротивляются данной перспективе. В отличие от замученных лабораторных крыс и обезьян, мы можем словесно обосновать нашу чувственную беспомощность перед лицом психологической травмы или недомогания. Мы говорим, что страдания «естественны» и «неизбежны», что это часть «нашего мира», «самое жизни» и так далее. Но это не так; нашим вечно молодым и психологически сверх-адаптированным потомкам не понадобятся подобные механизмы выживания. Они, вероятно, будут вооружены неукротимой силой воли. Их находчивость и любознательность наверняка сделают их гораздо лучше подготовленными к практическим жизненным неудобствам. Потенциальные проблемы будут рассматриваться как чрезвычайно интригующие вызовы, которые необходимо преодолеть. Как бы то ни было, будущим поколениям пост-людей суждено наслаждаться божественными способностями, которым позавидовали бы мифические олимпийские боги – причём это будет относиться как к виртуальной, так и к настоящей реальности. Они и впрямь могут быть экстатически счастливыми. Нам явно не стоит мнить себя их самоуверенными покровителями, потому что в помощи нуждаются не они, а мы.

Аргумент о том, что наши потомки могут стать подобиями крыс с электродами, которые слишком счастливы для воспроизведения, также не является убедительным. Счастливые люди сексуально более активны, чем несчастные. К тому же, не все пост-люди выберут эротический режим удовольствия, которые заменил бы им реальную страсть. Хотя даже среди эротоманов, которые выберут этот режим, генетически обусловленное гипер-дофаминергическое благополучие, скорее всего, будет способствовать не безбрачию, а повышению сексуальности. И это не просто рецепт вульгарных оргий. Обогащенная серотонинергическая, фенилэтиламинная, окситоциновая и опиатная функции позволят нам гораздо больше заботиться друг о друге, чем обычно позволяет эгоистичная ДНК. С другой стороны, неясно, сколько юных экстатиков сможет вместить мир в экологическом смысле. Устранение функциональных патологий вроде процесса старения, скорее всего, приведет к сдерживанию безудержного размножения, а не возведёт его в приоритет.

Возражение 4: Этот манифест изначально порочен грубым редукционистским подходом к людям. Наши самые глубокие духовные переживания и сама суть человеческого существа не могут быть сведены к танцу бездушных молекул.

Ответ: В суровом редукционистском лагере резвый ученый-атеист может отказываться видеть, как красиво танцующие нейроны чьей-то височной коры сводятся к духовному шуму религиозности. Это тоже не очень плодотворная позиция.

В своём стремлении не допустить обнищания концепции человека, мы легко можем поспособствовать обнищанию своего представления о химии и тем самым навредить себе. Представители естественных наук, равно как и гуманитарии, могут легко попасть в ту же ловушку. Если предположить, что весь сознательный опыт идентичен некоторым физическим событиям или свойствам, то наш классический материалистический образ онтологии физического мира и наша концепция того, что значит быть «физическим», должен быть просто отброшен как ошибочный. Нам позволяют всё больше контролировать и манипулировать основными вещами мира не наши причудливые ментальные образы материи и энергии, а наше углубленное понимание формальных математических инструментов, необходимых для описания квантово-механических событий. Теперь это глубокое понимание позволяет нам манипулировать и опытом, с которым, по крайней мере, некоторые распределения «материи» идентичны. Да, фразеология звучит как-то по-оруэлловски зловеще. Тем не менее, если суверенный этический принцип влечет за собой глобальное стремление к максимально возможному личному благополучию, то принятие пост-дарвиновской стратегии является единственным рациональным вариантом.

Возражение 5: Все упомянутые здесь лекарственные препараты и терапевтические вмешательства могут иметь долгосрочные побочные эффекты, которые мы не сможем предвидеть. Риск ещё одной талидомидовой трагедии слишком велик, чтобы оправдывать лечение людей, которые, по крайней мере, по меркам нынешней психиатрии, не страдают никакими признанными психическими расстройствами.

Ответ: Талидомидовая трагедия произошла несколько десятилетий назад. Скандал развернулся до того, как медицинское значение различных оптических изомеров одного и того же соединения в организме было оценено. Такая ошибка больше не повторится. Конечно, нельзя исключать, что вместо этого будут допущены другие серьезные ошибки. Вероятно, будут. На ранних стадиях любого инновационного лечения соотношение риска и пользы всегда должно быть точно проанализировано. И это еще одна причина для проведения предварительных экспериментов в клиниках и лабораториях, а не на улице.

Например, в настоящее время миллионы молодых людей обречены на случайное и неосторожное употребление потенциально нейротоксического соединения МДМА. Пока действие не иссякло, «экстази» обычно производит чарующий эффект на сознание. Тем не менее, этот короткий путь достичь психического благосостояния опасен. Если вскоре после не будет принята доза флуоксетина или другого селективного ингибитора обратного захвата серотонина, препарат повредит серотонинергические терминали аксонов. Серотонин играет жизненно важную роль в регуляции настроения, контроля над импульсами, тревожности и сна. Поэтому в долгосрочной перспективе МДМА и метоксилированные амфетамины являются негодным вариантом самолечения. Было бы намного лучше, если бы правительство взяло на себя обязанность просвещать и обучать людей более рациональным способам стать счастливыми. Эта роль должна включать спонсирование исследований, разработку и как можно более широкого внедрение наиболее безопасных, стабильных и красивых эмпатических эйфоретиков, которые медицинская наука способна создать. Будет ещё лучше, если исследования сосредоточатся на генетической основе способности испытывать наслаждение. В новую репродуктивную эру «дизайнерских младенцев» будущие родители начнут выбирать гедонистический сет-поинт для своего ребенка. Генетическое лечение наших наследственных патологий настроения полностью устранил потребность в психоактивных препаратах.

Возражение 6: Радикальные терапевтические вмешательства, которые повлечёт за собой биологическая программа, видимо, требуют широкомасштабного тестирования на других животных. А это, несомненно, противоречит позиции заботы о благосостоянии животных, которая выдвигалась в данном тексте ранее.

Ответ: Учитывая возможность вживления электродов в центры удовольствия, с точки зрения утилитаризма не может быть принципиального возражения против того, чтобы и люди, и другие животные получали огромное удовольствие в ходе медицинских исследований. Многие практические трудности, с которыми столкнется аболиционистский проект и которые требуют максимально глубокого понимания, проистекают именно из необходимости избегания грубой максимизации удовольствия в отсутствие надлежащим образом продуманной энцефализации эмоций в неокортексе. Если животные в какой-либо экспериментальной процедуре остаются счастливыми в течение всей продолжительности, тогда утилитарный этик не должен испытывать никаких угрызений совести. Конечно, в настоящее время, с точки зрения жертв, лабораторные опыты над животными не слишком отличаются от пыток.

Возражение 7: Отмена страдания противоестественно: мы утратим свою человеческую сущность.

Ответ: Войны, насилие, голод, мор и детоубийства существуют с незапамятных времен. Они вполне «естественны», хоть с исторической, хоть с кросс-культурной или социобиологической точки зрения. Неявное и, как правило, очень избирательное приравнение «естественного» положения вещей с моральным благом является вульгарно упрощенным и опасно поверхностным представлением. Популярная склонность приписывать некую добрую мудрость антропоморфизированной Матери-Природе на практике зачастую служит для оправдания всевозможных жестокостей. При сохранении нейрогенетического статуса-кво невыносимые страдания неизбежны.

Если персонифицированная природа в каком-то смысле заботилась о своих детях, то вмешательство в ее добрые намерения и впрямь могло бы представлять дурную самонадеянность. Такого рода архаичный романтизм о мире природы невозможно примирить с неодарвиновским синтезом в эволюционной биологии. Как точно подметили теоретики «одноразовой сомы», наши гены просто используют нас, а затем выбрасывают. Слово «неестественный» в данном контексте – не более чем пейоратив, то есть уничижительный ярлык. Мы используем его, чтобы рефлексивно клеймить неприятные нам идеи, а не рационально оспаривать их. Само мнение, будто наша интеллектуальная игра в пределах физических законов может когда-либо привести к чему-то противоречащему природе, является глубоко подозрительным. Оно ложно в любой интерпретации. Ничто из происходящего в природе не противоестественно, и не может быть таковым. Мы сами и изменённый нами мир ближайшего и далёкого будущего естественны в равной степени. С другой стороны, обвинения в неестественном вмешательстве метафоричны и слишком неясно сформулированы, чтобы их можно было рационально опровергнуть.

Да, мы утратим некоторые примитивные, (в кавычках) «сущностные» человеческие атрибуты. Но с какой стати это плохо? Например, до разработки мощных анальгетиков и современной хирургической анестезиологии ужасные физические страдания были неотъемлемой частью человеческой жизни. Нестерпимую боль нужно было просто пережить. К счастью, в нынешнюю эпоху наш доступ к сильнодействующим типам наркоза означает, что нам больше нет нужды рационализировать физические муки с помощью отчаянных софизмов, как это делалось раньше. Любой, кто сегодня на религиозно-мистических основаниях утверждает, что избавление от телесной агонии оскорбляет Бога или отнимает у нас важную часть нашей видовой сущности, вероятно, как минимум, заслуживает всеобщего порицания. Тем не менее, якобы облагораживающие свойства душевной агонии всё еще широко уважаются. Возможно, это отношение изменится, когда сохранение способности чувствовать психологическую боль станет

порочной генетической аберрацией, а не условием существования; и когда причинение такой боли другим будет считаться немыслимым преступлением.

Возражение 8: Мне надоест быть счастливым постоянно. Для хорошего самочувствия необходимо разнообразие.

Ответ: Как пустой вербализм, словосочетание «вечное блаженство» звучит довольно скучно. Бернард Шоу однажды заметил: «Небеса, как принято считать, - это место, настолько пустое, скучное, бестолковое и жалкое, что никто так и не захотел описать свой день на небесах, хотя многие люди рассказывали о своём дне на побережье».

Однако успешный парадайс-инжиниринг по своей сути должен быть противоположностью скуке. Если перспектива создания рая кажется неинтересной, значит, мы упускаем суть того, что влечет за собой устранение нейрохимических субстратов скуки. В другие века религиозные иконописцы вызывали большее удовлетворение, изображая муки грешников в аду, чем прелести рая. Конечно, такой уклон можно понять, ведь вечное райское блаженство спасенных в существенной мере зависело от осведомленности о дальнейшей судьбе нечестивцев. В наше время распространён светский эквивалент этого синдрома. Многими людьми всерьез считают, что для обретения счастья необходимо страдание, и игнорируют множество других потенциальных путей стать счастливыми. Убежденность в том, будто вечное счастье будет чем-то нудным и монотонным, является мрачным отражением нашей поздней дарвиновской эры. Даже будь это правдой, мы легко смогли бы создать бесконечную череду искусственных неприятностей, которая не позволила бы притупиться нашему вкусу к удовольствию.

Какими бы ни были нынешние недостатки человеческого воображения, через несколько поколений переживание скуки станет нейрофизиологически невозможным. «Против скуки даже боги бессильны», - сказал Ницше; но он не мог предвидеть биотехнологии. С натуралистической точки зрения скука представляет собой лишь комплекс психофизических состояний, молекулярный субстрат которых сформирован естественным отбором, как и любой другой. Способность к скуке – а точнее, к переходу в это состояние – сохранилась из-за своего адаптивного значения. Её более непосредственная физиологическая функция основана на механизмах отрицательной обратной связи, лежащих в основе развития толерантности в мозге. Они могут быть выражены в форме кратковременного привыкания или чуть более отложенного процесса перерегуляции генного рецептора. Такие механизмы можно отключить или заменить.

Как экспериментально продемонстрировано в лаборатории, непрерывная внутричерепная стимуляция центров удовольствия в мозге подтверждает, что счастье как таковое никогда не приедается. В более широком смысле,

положительные эмоции просто (пере)направлены на то, чтобы сосредотачиваться на различных интенциональных объектах и овладевать ими. В отсутствие своей характерной особенности лимбической иннервации, ни один из наших неокортикальных паттернов по своей природе не является приятным или отвратительным. Некоторые из этих паттернов со временем могут утратить свой удовлетворяющий эффект; любовные отношения каменного века суровы. Однако, учитывая теорию тождества разума и мозга, которой мы придерживаемся в данном манифесте, нет биологической причины, по которой каждый момент существования не мог бы производить эффект захватывающего откровения. Как поразительно свидетельствует феномен дежавю и его более редкий кузен жамевю, чувство известности или новизны не требует присутствия или отсутствия реального интенционального объекта, с которым такие чувства в норме могли бы быть связаны. Таким образом, тот вид острых ощущений, который можно сначала испытать посредством реально внешнего стимула, в принципе может стать свойством каждой секунды жизни. И это круто.

Возражение 9: На фоне происходящих катастроф, войн и личных трагедий мерзко даже представить себе, что кто-то будет пребывать в постоянном блаженстве в своей голове, не говоря уж о том, чтобы радоваться этому. Счастье – и вообще любое эмоциональное состояние – должно быть рационально оправдано. Их следует переживать только тогда, когда они уместны. Учитывая постоянно происходящие вокруг нас ужасы, чистое блаженство рационально необоснованно.

Ответ: Если чье-то личное счастье не вредит состоянию других, разве оно нуждается в большем оправдании, чем, например, опыт красного цвета? Пока существуют риски, что трагические уроки нашего эволюционного прошлого смогут повториться из-за нашей праздной забывчивости, есть сильные утилитарно-этические причины сохранять даже самые жуткие воспоминания. Также может быть важно помнить более недавнюю историю ради уважения и поддержки тех, кто пострадал в ней и продолжает страдать из-за травмирующих воспоминаний и принесённых жертв. Однако предписывать мрачное размышление о нашей былой природе ради собственной безопасности – значит приводить в движение бесконечно нарастающий цикл страданий. Пришло время остановить его. Иногда лучше просто забыть травмирующий опыт, чем бесконечно переживать его в памяти. Если данное утверждение звучит как легкомысленный гедонизм, то стоит вспомнить, что Гедонистический Императив опирается на негативный утилитаризм, против которого обвинение в легкомысленности едва ли уместно.

Возражение 10: Я не хочу быть обречённым на пожизненный экстаз. Я хочу иметь свободу иногда погрузиться и не быть рабом фальшивого химического счастья.

Ответ: Самое неясное в этом возражении – смысл понятия «фальшивое счастье». Видимо, в нём подразумевается, что человеческое самовосприятие по своей сути духовно, и загрязнение души посторонними химикатами оскорбляет данную Богом чистоту. Ответ таков: если состояния сознания имеют физическую природу или опосредованы физикой, то вряд ли имеет смысл какие-то нейрохимические паттерны считать фальшивыми, поддельными или недействительными. Длительные эйфорические состояния до настоящего времени действительно были по большей части недоступны и генетически неадаптивны. Но это не отменяет того факта, что они являются естественными свойствами правильно структурированных метаболических путей вещества и энергии. Так что в этом смысле все они «истинны», хотя это самое неудачное слово, что их охарактеризовать.

Но в любом случае, здесь не стоит говорить о каком-то вынужденном счастье, на которое люди будут обречены против своей воли. Само состояние «быть счастливым против желания» вообще не выглядит правдоподобным. Как многие рабы исторически не оспаривали институциональную законность рабства, а самопризнанные грешники верили, что заслуживают вечных мучений в аду, также и многие современные люди убедили себя в облагораживающем эффекте страдания. Но этим людям не стоит опасаться, что когда-нибудь их насильно накачают наркотиками или эйфорантами. Более уместен другой вопрос: какие инструменты будет иметь право применять государственный аппарат от лица фанатичных приверженцев старого дарвиновского порядка, чтобы сдерживать тех, кто решил жить долго и счастливо? В какой мере и как долго авторитетные реакционеры должны иметь право принуждать других к страданию, когда эмоциональный примитивизм станет просто одним из множества вариантов образа жизни?

Возражение 11: Фармакологический гедонизм превратит нас всех в наркоманов. Таким же будет и генетически обусловленный гедонизм. Мы будем столь зависимы от химических заплаток, что станем беспомощными и утратим личную свободу.

Ответ: Когда человек испытывает эйфорический экстаз, у него действительно нет надёжного способа добровольно отказаться от возвращения в тот волшебный мир. В нашем нынешнем положении мы понимаем реальную великолепие возвышенных состояний не больше, чем пятилетний ребенок понимает устройство окружающего мира. Но разве отсутствие гипер-экстатического опыта запрещает нам стремиться к его познанию так же, как одарённый, но наивный ребёнок стремится познать неизвестное?

Можно ли проверить оправданность этого стремления? В действительности, природа того, что лежит за пределами этого сухого текста, при своей реализации окажется прекраснее, чем может позволить вообразить наша нынешняя физиология. Испытавший это перейдёт к совершенно новым способам существования. Эта переоткрытая реальность будет чувствоваться так хорошо, что любая капитуляция станет невыносимо травмирующей.

Такое состояние может показаться почти гарантией зависимости. Однако с позиции стандартного утилитаризма, если изумительные состояния надёжно и универсально доступны, то стремление к их максимизации – абсолютно правильный путь. Зависимость может быть вредной только в двух случаях: если человек принимает что-то вредное для себя или окружающих, и если присутствует вероятность прерывания поставки препарата или генной терапии. В настоящее время мы все зависим от химикатов, которые считаются необходимыми для обеспечения нынешних стандартов здоровья; сюда можно отнести незаменимые аминокислоты, жиры, минералы, витамины и так далее, включая всё, что требуется мозгу для синтеза скудного набора психоактивных веществ. При их длительном дефиците мы страдаем от грубых психофизических расстройств. Однако никому не придёт в голову считать эту зависимость губительной – её даже считают здоровой; а такие вещества даже называют питательными. Но как следует из данного манифеста, для достижения оптимального психического здоровья, нам просто нужно перейти на более богатую диету терапевтических средств. Принципиально ничего не изменится.

Полная завершенность пост-дарвиновского перехода действительно может напугать метафизического либертарианца, ибо пути назад не будет. Однако любой противник аболиционистского проекта должен учесть, что преданность традиционной позиции «Природа мудрее» вообще приводит к отказу от рассмотрения одной из двух альтернатив по данному вопросу. Невежество – не есть счастье. Любой, кто исследует данный вопрос эмпирически, а не просто высказывает априорное мнение, неуклонно выберет более здоровый способ существования. Что ещё более показательно, сама возможность выбора дальнейшей судьбы человечества должна вызвать одобрение либертарианца, поскольку в выборе всегда больше свободы, чем в отсутствии альтернатив. Этой свободы нам как раз сейчас не хватает. Любая исследовательская программа, которая открывает именно такую возможность для всего вида, неизмеримо обогащает наш выбор.

В современном мире наши собственные возможности «выбора» в любом случае распроданы. В нынешнюю эпоху мы кажемся относительно непринужденными в биологическом смысле по сравнению с нашими первобытными предками. Бытует мнение, что современные люди могут быть, кем хотят, и делать, что хочется. Но на самом деле, мы можем существовать только в пределах практически незаметных границ чрезвычайно ограниченного пространства психохимических состояний. Мы не можем прыгнуть

за пределы этих метаболических путей, чтобы проверить, что нам не хватает. Если бы мы постигли эту новизну, то контраст показался бы нам слишком резким, чтобы выразить его словами. Однако в скором будущем мы сможем сознательно освободиться от томительного рабства генов и выращенных ими одноразовых биологических машин. Нынешние наркоманы стремятся избавиться от своих непреднамеренно вызванных зависимостей. Но в их случае это стоит сделать только потому, что минусы нелегального, опасного и часто губительного употребления веществ перевешивают эфемерные максимумы неизбирательной химической эйфории. С другой стороны, когда человек раз и навсегда выбирает нейрохимическую архитектуру душевной и телесной возвышенности, он также выбирает пожизненную свободу от сомнений насчет своего выбора.

Возражение 12: Иногда мне нравится быть грустным. Это опыт, который я не хотел бы потерять.

Ответ: Приятная, задумчивая меланхолия, ностальгические воспоминания о раннем детстве или горько-сладкие мысли о давно прошедшей любви – всё это, безусловно, предпочтительнее адской непрекращающейся депрессии. И всё-таки подавляющее большинство отрицательных типов опыта однозначно ужасны. Кроме того, они бесполезны и лишены каких-бы то ни было восстанавливающих или искупительных функций. Они не выливаются в великие произведения искусства или научные открытия. Поэтому они не стоят существования. А что касается более сложных и амбивалентных состояний, то в будущем их можно будет усиливать или ослаблять; кроме того, «подводные камни» этих мутных течений можно будет химически вычистить, оставив лишь приятные проявления.

Возражение 13: Без страданий не может быть личностного развития; незаслуженное счастье приведёт к стагнации.

Ответ: Страдания зачастую лишь делают людей чёрствыми или закостенелыми. Если человек погружён в безнадёжное отчаянье или хотя бы испытывает неявное душевное недомогание, ему трудно заботиться как о собственном внутреннем развитии, так и об окружающих людях. Личностный рост скорее начинается тогда, когда вкус к жизни становится всё острее. Это произойдет, если ваш опыт будет становиться всё более богатым и продуктивным. Исследовательская Одиссея своего гедонистического ландшафта сможет предложить возможности для постоянно углубляющегося самопознания и идеализированного самосовершенствования. А прохождение через боль и отчаянье с большей вероятностью подавит силу духа и десенсибилизирует человека.

При ужасном генетическом статусе-кво культивирование чувства личностного развития является утешительной формой рационализации; например, человек может убеждать себя, что если бы он не потерял ноги в результате несчастного случая 20 лет назад, то никогда не стал бы художником. Так что несчастье в итоге оказалось скрытым благословением! Однако если человеку заранее предложить пожертвовать ногами, чтобы потом страдать и благодаря этому стать великим художником, то он откажется, и будет совершенно прав. Пока страдание биологически неизбежно, его (по крайней мере частичная) рационализация является важным утешением для жертв. Поэтому, если вы в числе таких рационализаторов, то чтение данного абзаца может расстроить вас сильнее, чем обрадовать; я лишь надеюсь, что это расстройство будет слабым и кратковременным. И тем не менее, когда биохимия страдания становится лишь не обязательным нейронным дополнением, утешение, которое предоставляет рационализация, может существенно замедлить переход.

Возражение 14: Зачем вообще беспокоиться об этом интенциональном хламе, если счастье само по себе есть высшая цель? Разве в контексте биологической программы интенциональные объекты не являются лишь плавающим барахлом, который можно будет отбрасывать или менять по своему усмотрению? Разве призывы к усилению так называемой «возвышенности», «любви» и «красоты» не являются интеллектуально нечестными? Может быть, они служат лишь риторическим камуфляжем, чтобы завербовать тех, кто склонен к умственному и утончённому удовольствию, а не оргиастическому экстазу?

Ответ: Эволюция тщательно энцефализировала наши эмоции. Поэтому проще и разумнее указать на то, что рай можно достигнуть путём непосредственного пробуждения чувств, которые у подавляющего большинства людей связаны с самыми сокровенными фантазиями и объектами желаний. С другой стороны, пропаганда счастья, лишённого какой-либо номинальной направленности, подразумевает работу с безжизненной и неубедительной абстракцией. Защита «гедонизма» в таком контексте лишь добавляет сомнительности. Этот термин ассоциируется с чем-то поверхностным, плоским и аморальным. К сожалению, такая некорректная интерпретация нашей моральной цели – это цена за лаконичное название манифеста.

Естественно, наши мысли и слова о направленности нашего счастья должны будут меняться по мере продвижения парадаиз-инжиниринга. Многие высоко ценимые интенциональные объекты нынешних желаний будут казаться историческими курьезами уже через несколько десятилетий. Наряду с определёнными временными и культурными представлениями о Рае и счастливой жизни, скажем, в разные эпохи христианских и

исламских традиций, сегодняшние излюбленные интенциональные объекты действительно могут иметь лишь производную ценность. Большую часть реальной каузальной работы выполняет мезолимбическая дофаминовая система. Но если притягательная сила таких идолов может побудить нас действовать согласно обещанию биологической программы, то они будут более чем полезны для своей цели.

Однако существуют важные причины, по которым непроизвольные интенциональные объекты и даже прогрессирующее научное понимание мира должны оставаться доступными в неопределенном будущем. Здесь уже упоминались прагматические преимущества интенционалистской стратегии по сравнению с электродно-проводным счастьем. Иногда полезно иметь возможность позаботиться о себе. Также, для сохранения интенциональности есть веские этические причины. С этической точки зрения крайне важно, чтобы неопишуемые страдания, характерные для последних нескольких сотен миллионов лет на Земле, больше никогда не повторялись. И если такой ужас может существовать где-то ещё в космосе, и его жертвы интеллектуально недостаточно развиты, чтобы устранить его корни, то эти страдания также должны нами систематически обнаруживаться и искореняться. Такие межзвездные спасательные миссии не будут возможны, если все пост-люди окажутся привязанными к функциональному эквиваленту безумных удовольствий с стиле крыс с электродами. Это связано с тем, что планирование, реализация, а затем и сохранение этически ориентированных экосистем первобытной внеземной жизни потребуют сверхвысоких технологий, широкомасштабных исследований и очень длительного времени. Учитывая предположения о происхождении разносящих информацию самореplikаторов, любые первобытные формы жизни – в отличие от их возможных искусственных преемников – будут основанными на углероде. Если такие формы жизни эволюционируют по пути многоклеточности, они с большой вероятностью будут двигаться по той же оси удовольствия и боли, что и мы. Конечно, это все крайне умозрительно. И если попытка спасти наш земной мир кажется очень амбициозной, то разговор о спасении Вселенной слишком высокомерен, поэтому не будем развивать здесь эту тему.

Негативный утилитарист по-прежнему будет считать, что стремление к еще более экстремальным и разнообразным наслаждениям слишком легкомысленно и отвлекает нас от действительно серьезной моральной проблемы существования страданий в мире. Он может быть прав. Однако, если оставить в стороне некоторые надуманные сценарии, прямые генетические и внутричерепные пути достижения рая могут одинаково хорошо служить различным субнаправлениям утилитаризма.

Возражение 15: Многие величайшие научные и художественные достижения человечества родились в результате тяжёлой борьбы

с бедствиями. Отмена биологических субстратов страдания подразумевает, что больше не будет никакой плодотворной внутренней борьбы или творческих мук, а следовательно, не будет новых Ньютонов, Пикассо или Бетховенов. Гениям науки и искусства для успеха необходима жесткая критика и самокритика. Даже состояния вечной эйфории совместимы с выживанием организма, отсутствие критического самопознания, которое влекут за собой такие состояния, навсегда остановит интеллектуальный прогресс.

Ответ: После того, как рай будет биологически воплощён, судьбы гуманитарных и естественных наук следует начать рассматривать по-отдельности. Для начала стоит отметить, что изысканные эстетические переживания наших генетически обогащённых потомков могут вдохновить беспрецедентный расцвет, а не увядание искусства. В сравнении с этим наше нынешнее восхищение, скажем, «Подсолнухами» Ван Гога покажется лишь чем-то вроде отвлекающей щекотки.

Те, кто не согласен с мнением, что красота в глазах смотрящего, могут быть или не быть впечатлены расположением краски на холстах будущих творений, однако любые оговорки будут длиться только до тех пор, люди они остаются в ловушке нейрохимической ортодоксальности прошлого. В настоящее время культивирование привередливой невосприимчивости к определенным формам искусства считается признаком утонченности и проницательности; хотя эта тенденция - скорее наша утрата.

Одно из чудес ожидающей своего открытия трансцендентной красоты состоит в том, что её создание не будет зависеть от капризов художественного гения. У мозга и сознания нет «центров красоты» со столь же относительно чёткой архитектурой, как у мезо-лимбической системы удовольствий. Тем не менее, как только нейрохимическая сигнатура эстетического оценивания будет собрана воедино, ее разновидности могут быть выборочно усилены и расширены. Также следует напомнить, что продолжительное счастье может легко привести к увеличению, а не уменьшению количества повседневных дел. Эпизоды интенсивной творческой энергии в наше время часто неотличимы от легкой эйфорической гипомании. В грядущую же эпоху некоторые спокойные по темпераменту мечтатели в итоге смогут выбрать медитативное блаженство и безмятежность. С другой стороны, пост-переходное общество, вероятно, будет сформировано "выдающимися" деятелями с гипоманией, огромным динамизмом и производительностью. Сегодняшние настойчивые энтузиасты по сравнению с ними покажутся апатичными и заторможенными мечтателями.

Режимы благополучия, оптимальные для занятий передовой наукой и математикой, очевидно, отличаются от тех, что лучше всего подходят для занятий искусством, поэзией и другими видами приятного времяпрепровождения. Потому нет причин считать, что эти состояния сосредоточенности будут менее интенсивными и вознаграждающими. Что касается отсутствия критической проницательности, то существуют интеллектуальные

преимущества, которые можно извлечь из состояний нерушимого благополучия. Например, критика идей в современной научной среде часто воспринимается автором как прямой удар по своему эго. В будущем же авторы смогут восторгаться тщательной критикой и активно запрашивать её. Это может способствовать повышению качества науки.

Возражение 16: Идеи Гедонистического Императива слишком причудливы, чтобы завоевать доверие; вряд ли они даже достойны серьёзной критики. Они беспардонно осмеивают все наши текущие ценности, мечты и жизненные планы. Эта программа отвратительна с точки зрения здравого смысла и моральной интуиции, её лучше отнести к сфере вульгарной научной фантастики, а не к серьёзной прикладной науке и этическим дебатам.

Ответ: Наука полностью ниспровергла понятие «здравого смысла» во всех эмпирических вопросах. А наши этические интуиции менее подвержены экспериментальным испытаниям. Если бы наименее проверяемые аспекты народного здравого смысла оказались теми, на которые больше всего можно положиться, такая удача была бы невероятной. Как минимум, интеллектуальная честность требует, чтобы радикально контринтуитивные вызовы полученным системам ценностей были тщательно оценены. «Ценности, мечты и жизненные планы», типичные, скажем, для населения классической древности или индийского субконтинента, могут показаться смехотворными современному алчному глазу. Аналогичным образом, разрозненные интенциональные объекты, с которыми, кажется, неразрывно связано наше нынешнее благополучие, в конечном счёте будут вызывать никакого благоговения. Они объективно имеют значение, но только потому, что они объективно важны для нас. Таким образом, если этика представляет собой нечто большее, чем бесполезный хоровод слов, то стоит хотя бы рассмотреть достоинства тех этических позиций, которые с позиции здравого смысла не менее одиозны, чем, скажем, теории современной физики.

Но каким бы причудливым ни казался данный императив, на самом деле он не требует никакого революционного пересмотра основных ценностей нашей светской культуры. Сила этого императива как раз в том, что он берет за основу общепризнанный принцип и рассматривает его со всей заслуженной серьёзностью. Среди современных философов и обывателей явных утилитаристов меньшинство. Однако рассеянный и бессистемный утилитаризм распространён в обществе чрезвычайно широко. Им проникнуто мировоззрение многих людей, которые никогда не используют этот термин. Что еще интереснее, немалая доля не-утилитарных или даже заведомо анти-утилитарных позиций аргументируется или подкрепляется основаниями, которые при пристальном рассмотрении оказываются скрыто утилитарными.

Парадоксально, что некоторые не-утилитарные ценности всё еще сохраняются по утилитарным соображениям. Это связано с тем, что традиционными моральными установками люди сглаживают острый дискомфорт, который вызывает у них чистая утилитарная этика.

Конечно, необязательно быть явным утилитаристом, чтобы поддержать предложения этого манифеста. Однако для тех, кто в целом симпатизирует утилитарно-этическому подходу, биологическая программа, по крайней мере метафорически, представляет собой дар богов.

Возражение 17: Попадание в ловушку химического рая делает человека беззащитным перед произволом правящей элиты. Власти смогут относиться к людям как к марионеткам, которыми можно легко манипулировать в своих интересах.

Ответ: Видимо, эта тревога спровоцирована образом класса илотов, усмиренных наркотиками. Возможно, химически поработанный низший класс будет в потогонном режиме работать на своих хозяев, чтобы просто получить новую дозу. Но в таком причудливом сценарии на самом деле неясно, кто кого будет эксплуатировать. Кроме того, определенные санкции эффективны только в том случае, если ими угрожают, а не применяют. Ни одна социальная группа не может иметь более бунтарский настрой в отношении власти и закона, чем зависимые люди, которых лишили предмета зависимости. Более того, популярное сейчас мнение, что власти умышленно держат народ счастливым, чтобы им было легче управлять, является лишь игрой воображения; по сути, это очередная теория заговора.

Как бы то ни было, распространённое представление о тесной связи между счастьем и покорностью берёт свое начало из художественных произведений вроде «Дивного Нового Мира» Хаксли, а не из сколь-нибудь глубоких размышлений в биологической и социальной научной литературе. Например, введение серотониновых усилителей настроения вроде «Прозака» значительно повышает социальный статус животного в иерархии. Такие лекарства иногда даже приводят к тому, что животные вообще освобождаются от роли подчинённого. Если говорить о людях, показательно то, что носителям высоких статусов часто свойственна эйфорическая гипомания, а люди с низким статусом часто страдают депрессией и апатией. В отличие от большинства психических расстройств, мания сильнее всего распространена в высших социальных и экономических классах. Обычно это связано с усилением поведенческих качеств, способствующих достижению доминирующей позиции. А депрессия, напротив, широко распространена среди бедных. Даже в современном обществе сохранение подавленных состояний способствует устойчивой иерархии социального доминирования. С точки зрения эволюционной психологии типичный депрессивный синдром является частью адаптивного процесса преодоления

трудностей. «Эндогенная» же депрессия предполагает пассивное подчинение длительному или неконтролируемому стрессу. Повышенные уровни кортизола и смягчающего боль бета-эндорфина, характерные для официальной клинической депрессии, также способствуют физиологической адаптации к длительным факторам стресса. В среде обитания наших предков депрессивное поведение снижало риск физических повреждений благодаря своей тенденции уменьшать частоту враждебных действий внутри группы. В пост-дарвинском мире, напротив, депрессии просто не будет.

Таким образом, аргумент к «Дивному Новому Миру» следует перевернуть с ног на голову. Учитывая корреляцию между подавленностью и низким социальным статусом, проект радикального обогащения настроения и мотивации населения, вероятно, сделает людей гораздо менее, а не более уязвимыми для эксплуатации со стороны правящей элиты. В «Дивном новом мире» представители народа были фактически одурманенными и усмирёнными жертвами властей. Сoma была умиротворяющим средством социального контроля. Однако последствия генетического программирования счастья будут совсем другими. Так будет потому, что повседневное психическое супер-здоровье подорвёт биологические основы отношений доминирования и подчинения, которые характерны для нашего эволюционного прошлого. Если вдаваться в детали, то, например, повышение эффективности тирозин-гидроксилазы не просто улучшит настроение. Последующее усиление норадреналиновой функции в голубом пятне способствует избавлению от подчинённого поведения. Конечно, подобные толкования в стиле «одно вещество – один поведенческий признак» являются сильным упрощением настоящей картины, и они могут быть оправданы только объяснительным удобством. Но в данном случае упрощение не меняет сути.

А суть здесь в том, что счастье и улучшенная способность реагировать на более широкий спектр вознаграждений потенциально могут расширить наши возможности. Мы навечно останемся рабами оси удовольствия-боли; но биологически обогащенный аппарат удовольствия и создания ценностей поможет людям обрести большее чувство контроля над своей жизнью. Как уже отмечалось, образ жизни, подкрепляющийся дофаминозависимым благосостоянием, контрастирует с «выученной беспомощностью» и «поведенческим отчаянием», которые характерны для фаталистов, убежденных в том, что страдание – это неотъемлемая сторона человеческой жизни. В любом случае, мы не должны простодушно проецировать отношения власти и подчинения, типичные для ранних людей в африканской саванне, на неопределенное будущее. Ибо генетический фундамент основного репертуара нашего социального поведения сначала будет изменен, а затем радикально перекодирован. Слишком много научно-фантастических романов полагаются на экстраполяцию ритуалов доминирования приматов на неопределенное будущее. Этот компонент и делает научно-фантастические мыльные оперы столь привлекательными и понят-

ными в псевдоинтеллектуальном смысле. В течение следующих тысячелетий эти бесконечные ритуальные игры во власть мы сможем навсегда оставить позади.

Возражение 18: Я предпочел бы оставаться на связи с реальностью, чем жить в эскапистском мире фантазий.

Ответ: Некоторые люди наслаждаются счастливым убеждением, что они имеют более близкие отношения с реальностью, чем остальные. Это чувство близости особенно сильно у тех, кто придерживается прямо-реалистического взгляда на восприятие и здравый смысл. К сожалению, здравый смысл носит неподходящее название и расходится с фактами из нейробиологии и квантовой механики. Однако даже обитатель виртуального мира, чей бодрствующий разум осознаёт лишь формируемую данными симуляцию, может обидеться или рассердиться, если его начнут упрекать в якобы глупом желании сбежать в райский мир фантазий. Ведь считается, что лучше быть грустным мудрым Сократом, чем счастливой свиньёй.

Счастливых свиней не следует презирать, но стоит учитывать, что интеллектуальные гиганты вроде Сократа тоже могут быть счастливыми. В среде, которая будет преображена волшебными технологиями, делающими своих обитателей счастливыми, совершенно непонятно, почему сохранение аффективно нейтральных или грустных состояний должно способствовать большей реалистичности и репрезентационной точности. Возможно, единственный способ понять истинную природу неисследованной райской химии состоит в самой попытке обрести даруемое ею счастье.

Возражение 19: Любое разумное существо, которое начнёт испытывать вечное блаженство, перестанет самим собой. Мои печали определяют меня так же, как и мои радости.

Ответ: Выигрыш в национальной лотерее, скажем, в 20 миллионов фунтов стерлингов внес бы радикальные изменения в сознание и самоопределение большинства людей. И тем не менее миллионы потворствующих своему азарту игроков не беспокоятся мыслью, что их возможной удачей будет наслаждаться какая-то другая, подменившаяся личность.

С философской точки зрения, понятия постоянного метафизического эго или так называемой «относительной» идентичности действительно проблематичны, если не бессвязны. Поэтому упомянутое выше беспокойство в таком смысле является вполне обоснованным. Однако данное беспокойство относительно *пост-переходной* эры имеет не больше оснований, чем в нынешнее психохимическое средневековье. Человек, который прошлой ночью заснул в каком-то месте пространства-времени, не имеет ни знаковой, ни типовой идентичности с той конфигурацией материи и энергии,

которая носит его имя в данный момент. К счастью, даже если допустить изменение личной идентичности, обычного альтруизма может быть достаточно для предоставления счастливой жизни тем личностям, которые будут условно считаться нами и нашими близкими. Если современные представления о тождестве личности когда-либо будут культурно вытеснены другой метафизикой, можно надеяться, что наши преемники также смогут собрать необходимую степень альтруизма.

Возражение 20: Когда огромная часть мира продолжает тонуть в бедности, голоде и болезнях, это, как минимум, легкомысленно и неуместно - придумывать гедонистические утопии. На практике создатели этой утопии в первую очередь сфокусируются на заботе о тех, кому и так хорошо, то есть на привилегированной мировой элите. Вместо этого следует сконцентрироваться на проблемах жителей третьего мира: на обеспечении их едой, чистой водой, образованием, медициной и прочими благами цивилизации.

Ответ: По самым объективным показателям благосостояния вроде уровня преступности, самоубийств, распада семей, клинической депрессии и других психических расстройств, индустриальное западное общество имеет вовсе не оптимистичные показатели по сравнению с материально обездоленным населением стран третьего мира. Так что относительная удача жителей либерально-капиталистических демократий существенно преувеличивается.

Подход к жизни по принципу «мы и они» имеет свои ограничения. В течение следующих нескольких столетий оскорбительное разделение на классы, национальности и расы, которое отравляет современный мир, станет излишним. За исключением самых оптимистичных прогнозов, основная часть населения мира едва ли в обозримом будущем сможет приблизиться к качеству жизни первого мира; но у нас, несомненно, есть ресурсы, чтобы всё население планеты стало счастливым. Для начала, если бы небольшая часть ресурсов, которые в настоящее время переводятся на бесполезные статусные товары и потребительские прихоти, была направлена на исследование и разработку безопасных, дешевых и эффективных эйфоретиков с замедленным действием и генетическое программирование психического здоровья, - тогда нам всем стало бы намного лучше. Это верно и в отношении измученного плутократа, а не только бедного крестьянина третьего мира.

Возражение 21: Идея потратить свою жизнь на всепоглощающий оргазмический экстаз и эйфорию попросту гротескна. Это унижение человеческого достоинства.

Ответ: Необузданное чувственное блаженство будет лишь одним из ароматов удовольствия в психохимическом меню, хотя оно и не должно вызывать у нас никакого смущения. В наше время возвышенная природа таких естественных и недолговечных типов удовольствия, как секс, тоже не всегда очевидна неискушенному глазу. Более заметное стремление к деньгам, власти и статусу, характерное для цивилизации, управляемой эгоистичной ДНК, имеет свойство подрывать человеческое достоинство более тонкими, но гораздо более коварными способами. Однако поборники человеческого достоинства в большинстве не отказываются от выбора такого образа жизни, и это понятно, ведь достоинство (а в данном случае недостойнство) - в глазах смотрящего.

Возражение 22: Независимо от романтического или якобы научного характера, история утопизма свидетельствует о его пагубности. Руководствуясь принципом «цель оправдывает средства», совершались многие опасные преступления. Так что у любой утопии более вероятен дистопический исход.

Ответ: «Дистопия», в которой все предельно счастливы, не может называться дистопией. Конечно, если чье-то представление о вечном счастье всё ещё вызывает образы нудного и стерильного однообразия, то обвинение может показаться разумным. Худшее, что можно себе представить – это государственные санкции за сопротивление гедонистическому режиму; но и этот маловероятный сценарий не кажется жестоким.

Возражение 23: Генетически запрограммированная эйфория подорвала бы основу всех человеческих отношений. Все эти причудливые словесные гирлянды о совмещении вечного экстаза с любовью и эмпатией слишком поверхностны. Экстаз не поможет, если с моим другом произошло какое-то физическое несчастье, от которого в утопии никто не застрахован. Конечно, технологии позволят мне сохранить счастливое состояние, но не быть грустным из-за трагедии близкого человека – это низко.

Ответ: Хотя в такой ситуации тело твоего друга будет повреждено, сам он (или она), предположительно, не будет страдать. Он по-прежнему будет счастлив, хотя менее интенсивно, чем до происшествия. Возможно, часть его клеток удовольствия будет повреждена. Давайте в этом сценарии также предположим, что молекулярные субстраты волевых актов, уже определены и настроены. При этом биохимические субстраты удовольствия объединены скорее с субстратами дофаминергического мотивационного побуждения, чем настроены на удовольствие как таковое. В таком случае каждый с помощью своей огромной силы воли будет стремиться найти средства, чтобы вернуть друга в состояние максимального благополучия. В состоянии дофаминергической перегрузки человек будет гораздо

более целеустремлённым, чем это физиологически возможно в наше время. Таким образом, жизнь в неугасающем счастье не означает, что дружба поверхностна или ненадёжна; напротив, у человека будут мотивационные ресурсы, чтобы своими поступками выразить глубину привязанности к близкому.

Впрочем, это не означает, что в пост-переходную эру человеческие взаимоотношения не изменятся во многих аспектах. Например, в настоящее время понятие дружбы обычно заключается в оказании взаимной поддержки во времена трудностей и невзгод. В будущем она может состоять в совместной радости и развлечениях.

Возражение 24: Один большой риск, который представляет глобальный проект «Гедонистического императива», заключается в том, что пост-человечество «застрянет» в лучшем, но всё ещё крайне неоптимальном состоянии. Если в данном случае уместна эволюционная терминология, то можно сказать, что эволюционный процесс на этом закончится. У этого риска слишком высокая цена.

Ответ: Это действительно серьёзное возражение, от которого нелегко уклониться. Но, возможно, здесь стоит выделить три момента.

Во-первых, естественный отбор привёл к такому обилию ужасных состояний, что даже крайне неоптимальный результат предложенной программы этически был бы гораздо предпочтительнее сегодняшнего статус-кво; и уж точно предпочтительнее любого развития нашего нынешнего адского статуса, для которого потребуется безудержная эксплуатация окружающей среды.

Во-вторых, опасность необратимого застревания сохраняется даже в том случае, если мы откажемся от генной инженерии и психофармакологии в пользу проверенных временем «перифералистических» подходов к улучшению жизни. Фактически, прибегая к терминологии искусственных нейросетей, психоактивные препараты должны будут производить «имитацию отжига», что позволит нам избегать ловушек локальных минимумов; хотя теоретически такие «встряски» иногда могут быть неконтролируемыми и даже опасными, как это бывает при употреблении нынешних вредных психоделиков вроде ЛСД, ДМТ или кетамина. Поэтому таким средствам нельзя становится общедоступными.

В-третьих, опасение, что предложенный здесь райский инжиниринг приведет к так называемому «застреванию», я думаю, вызвано тем, что он напоминает об одном или двух своих непосредственных интеллектуальных предшественниках. Это опиатное спокойствие в стиле «Дивного Нового Мира» и безумное неконтролируемое нажатие на рычаг машины удовольствия в стиле экспериментов с крысами.

Оба стереотипа обманчивы. Как подчеркивается в этом манифесте, одним из следствий повышения дофаминовой функции является то, что увеличивается не только общая мотивация, но и спектр различных видов деятельности, которые человек находит полезными (см. недавнее волнение по поводу обнаружения гена D4, «любящего новизну»). Следовательно, хотя и не исключается вероятность того, что организм или вид застрянут в вышеупомянутом смысле, но она может снизиться благодаря стратегии, которая задействует усиление ключевых подтипов рецепторов дофамин-опосредованного процесса. Стоит отметить, что существует экспериментально подтверждённая тенденция анти-дофаминергических затемнителей настроения и средств сглаживания эмоций снижать стимул-мотивацию и новаторское поведение; особенно это относится D2-блокирующим большим транквилизаторам. Их и можно назвать искусственными индукторами застревания. Аналогичным образом, многие из нас, жителей тёмных веков, застряли на гедонистической беговой дорожке и не осознают бедственности своего положения.

Возражение 25: Искоренение страданий с помощью генной инженерии и нанотехнологий - это замечательная цель. Но почему тут столь непропорциональный и, возможно, безответственный уклон в сторону психоактивных препаратов?

Ответ: Продвинутое генно-инженерное и нанотехнологическое конструирование рая может привести к столь удивительным и божественным состояниям сознания, что с их точки зрения идея химического тюнинга психики покажется абсурдной. Какое сверхчеловеческое существо захочет загрязнить врождённую красоту своего сознания чужеродными химикатами? И все же некоторая скучная рассудительность насчёт предполагаемых временных масштабов вполне уместна. Конечно, человеческий геном, составляющий три с лишним миллиарда пар оснований, теперь расшифрован. Гораздо более серьезная проблема для интеллектуально энцефализованного парадаиз-инжиниринга – это проблема комбинаторного взрыва. Она почти неизбежно возникает из-за дифференциального выражения генотипа в разных средах. Например, простое обращение к «генетическим алгоритмам» или «квантовому вычислению» не является чем-то ошибочным, но оно склонно пренебрегать или даже отвлекать внимание от огромных технических трудностей, которые необходимо преодолеть.

А тем временем, многие люди захотят биологически гарантированного счастья для себя и своих близких *прямо сейчас*, а не в далеком будущем. Этим людям, рожденным незадолго до переходной эры, останется обратиться только к современным достижениям психофармакологии. Конечно, этот «дешёвый и сердитый» доступ к раю посредством химических заплатак покажется лишь кустарным средством на фоне мерцающих огоньков грядущего счастья более далёких поколений. Однако столь невыгодное

сравнение не означает, что фармакотерапию следующего столетия следует осуждать и ассоциировать с дурной славой нынешней наркомании. Например, одним из парадоксальных эффектов стратегии психического оздоровления, в которой используются даже современные селективные ингибиторы обратного захвата серотонина, может быть повышенное ощущение «нормальности» у принимающего. Такому ощущению может сопутствовать биографически нетипичное прояснение настроения. Неисследованные повседневные состояния дереализации, деперсонализации и другие формы депрессивных странностей, которые обычно ассоциируются с «бэд трипами» и «плохими наркотиками», на самом деле достаточно распространены, чтобы вызывать тревогу. Такие нежелательные состояния часто случаются даже в отсутствие какого-либо экзогенного агента. Более того, стоит напомнить, что субъективное чувство рутинного однообразия и обыденности само по себе является химически индуцированной адаптацией. Ни мы, ни наши счастливые потомки субъективно не должны чувствовать себя «одурманенными»; даже если в некотором смысле это правда и было правдой во все времена. Но если мы хотим взглянуть, а не только говорить о натуралистической реализации рая, то нашим поколениям потребуется легально использовать психоактивные средства.

В любом случае, мы почти полностью состоим из химических ингредиентов наших недавних приемов пищи, а из этого следует, что онтологическая целостность человека как сугубо духовного существа не окажется под угрозой от чужеродных «загрязнителей души». В конце концов, разница между лекарством и питательным веществом биологически не принципиальна и является лишь условностью.

Возражение 26: Весь манифест изначально ориентирован на утилитарную этику Бентама. Стоит нам не признать его этических предпосылок – и весь аболиционистский проект обрушится.

Ответ: Аболиционистский проект не является заложником единственного семейства этических теорий, которое вы ставите под сомнение. Ибо не только утилитаристы ненавидят жестокость и страдания. Принято считать, что с утилитаристской точки зрения безразлично, кем решат стать наши экстатические потомки – телами с проводами на головах, блаженными наркоманам или эмоционально обогащенным пост-дарвиновскими сверхорганизмами. В гипотетической высшей математике счастья важна стабильная интенсивность нашего благосостояния (или минимизация недоумогания), а не его специфический привкус. Но этика утилитаризма противоречива. Поэтому данный манифест не делает ставку на конкретную доктрину, а подчеркивает необычайное разнообразие вариантов парадайс-инжиниринга. Эти варианты охватывают широкий спектр интеллектуальных, психоделических, эстетических, эмпатических и даже духовных способов благоденствия, причём гораздо более богатых, чем всё доступное в наше время. Здесь нет жёсткого морального императива, побуждающего

нас к неограниченной максимизации удовольствия, и мы не обязаны его иметь.

И всё-таки многие современные мыслители будут сопротивляться любой форме научного утопизма. Дело не в том, что не-утилитарные мыслители считают текстуру неприятного субъективного опыта ценной по своей природе. А в том, что большинство неутилитарно мыслящих людей убеждены, что способность к психическим недомоганиям и боли играет в важную функциональную роль в самой жизни, и потому останется навсегда. Многочисленные облики страдания использовались естественным отбором (или, для кого-то, Божественным провидением), чтобы поощрять множество ценностей, которые важны для не-утилитаристов. Индивидуальное счастье – лишь одна из этих ценностей. Многое из того, что нас волнует, не сводится к одномерной оси удовольствия-боли.

И все же наука о жизни и нанотехнологии обещают не только избавление от страданий и обогащение нашего эмоционального благополучия. Важно ещё и то, что новые технологии позволяют нам потенциально создавать функциональные аналоги неприятных переживаний – то есть такие состояния, которые могут играть аналогичные или даже расширенные функциональные роли в информационной экономике модернизированного организма, но без «сырых ощущений» знакомого нам страдания. Генетически ограниченные градиенты невообразимого благополучия – или умные нейрочипы с правильной функциональной архитектурой – могут быть использованы для обогащения нашей жизни и обеспечения того, что обычно ценят отрицатели утилитаризма; только всё это будет избавлено от текстуры субъективной отвратительности. Если этот прогноз подтвердится внедрением новых нейротехнологий, то ядро светского анти-аболиционизма разрушится. Ведь только самый мизантропический нигилист будет утверждать, что отчаяние, агония и душевный упадок по своей сути хороши. Страдания, которые больше не служат никакой инструментальной цели, ни даже «интересам» генов, теперь могут быть прекращены без потерь и опасений.

Конечно, функционалистская философия сознания может оказаться ошибочной. Согласно функционализму, разум действительно может в различных субстратах по-разному реализовывать одно и то же вычисление или функцию, однако нельзя однозначно отрицать что, к примеру, эффективная ноцицепция всегда должна иметь неприятную текстурную сущность. Функционализм не способен объяснить «трудную проблему» сознания; и наше невежество насчёт природы субъективного опыта может негативно сказаться на всём остальном, включая планы избавления от страданий. Казалось бы, очень странно утверждать, что текстура опыта функционально не важна или не имеет отношения к той роли, которую играют его биологические субстраты. Ведь именно отвратительность страданий стимулирует и убеждает нас в важности аболиционистского проекта. Тем не

менее, мы знаем, что можем создавать программируемых кремниевых роботов со встроенными искусственными нейросетями и тем самым эмулировать функциональные архитектуры органических форм жизни. Мы уже проектируем сенсорные способности роботов, базовые «желательные» состояния и поведенческие навыки для избегания вредных стимулов, что достигается посредством имитации сознательных человеческих актов, только без чувственного субъективного окраса. С другой стороны, сегодняшние роботы всё ещё примитивны в своих возможностях; и бионические импланты находятся в зачаточном состоянии. Мы не можем просто экстраполировать современные технические успехи на неопределенное будущее. Возможно, в противоположность функционализму, как его понимают сегодня, субъективная текстура неприятного переживания окажется функционально необходимой, например, для определенных критических суждений, проницательности или интроспективного самоанализа. Если такие возможности имеют потенциально большее значение, чем ценность устранения страданий, и если их субъективная отвратительность функционально важна для выполняемой ими роли, тогда аболиционистский может оказаться более ограниченным, чем представляется в данной работе. В таком случае заумные дебаты о функционалистских теориях сознания были бы этически важны независимо от технических достоинств этих теорий.

Насколько бы правдивым ни оказался функционализм, многие не утилитарные этические позиции несовместимы с аболиционистской повесткой – прежде всего это все мировые религии, за исключением разве что буддизма. Любые этические системы, которые предписывают причинение страданий другим чувствующим существам против их воли, вряд ли смогут ужиться с какой-либо формой парадаиз-инжиниринга. Хотя в целом религиозные и светские этики не столько враждебны аболиционизму, сколько просто не замечают его возможности. Иисусу, Мухаммеду и Будде нечего было сказать о молекулярной генетике и нанотехнологиях. На самом деле, только в последние несколько десятилетий у человечества появились разумные причины считать аболиционистский проект технически осуществимым. Теперь, когда его план может быть сформулирован, все утилитаристы должны быть аболиционистами. Однако остальным людям, чтобы поддержать аболиционизм, необязательно становиться утилитаристами – достаточно просто не иметь злых умыслов.

Возражение 27: Пост-дарвиновского перехода никогда не будет. Давление отбора не прекратится.

Ответ: Пока существует старение и смерть, давление действительно не прекратится, и это может продлиться еще тысячелетия. Но с наступлением новой репродуктивной эпохи характер этого давления изменится. В древнюю дарвиновскую эпоху «естественный» отбор основывался на случайных генетических вариациях, то есть на неконтролируемом мутагенезе;

потому этот процесс был слепым. Иначе говоря, природа не может предвидеть. В отличие от дарвиновского, *пост-дарвиновский*, то есть «неестественный» отбор, не будет ни слепым, ни случайным, ни социально нерегулируемым. Ведь репродуктивные решения будут приниматься будущими информированным родителями и специалистами; а реализовываться – посредством заранее отобранных или разработанных наборов аллелей, которые будут оказывать вероятностное нейropsychологическое воздействие на своего носителя. Когда мы начнём выбирать атрибуты нашего потомства самостоятельно и рационально, а не посредством нынешней жестокой генетической лотереи, - тогда гены, предрасполагающие к порочным признакам, которые были адаптивными в нашем дарвиновском прошлом, окажутся в невыгодном положении.

Грядущее появление дизайнерских младенцев и полноценного клонирования ставит перед собой глубокие этические дилеммы - не в последнюю очередь потому, что новые репродуктивные технологии будут *предшествовать* пост-аболиционистской эре зрелого парадаиз-инжиниринга. Будут ли репродуктивные решения оставаться *индивидуальной* прерогативой по мере увеличения продолжительности жизни и победы над старением? Или репродуктивные решения начнут приниматься *социально*? Все либертарианские интуиции будут встревожены такой перспективой. Но экология Земли не позволит вместить более 50-100 миллиардов человек. Как бы то ни было, давление отбора продолжится в том смысле, что некоторые гены и поведенческие признаки будут постепенно выходить из игры - по крайней мере, до той поры, пока мы не станем квази-бессмертными, фактически прекратив размножение.

Конечно, этот провозглашенный пост-дарвиновский переход мог произойти и в другой цивилизации, необязательно руководствующейся созданием рая. Пост-дарвиновское общество может быть основано и на других идеях или тенденциях. Тем не менее, поскольку сама текстура страдания не является адаптивной, независимо от ее текущей роли в нашем устаревшем «программном обеспечении», мы можем спрогнозировать, что неприятные генетические коалиции, которые производят его субстраты, в итоге останутся в эволюционном прошлом.

Возражение 28: Парадаиз-инжиниринг невозможен. Он не имел бы эволюционной стабильности. Моделирование теории игр демонстрирует, что эгоизм всегда является самой выгодной стратегией, возможной для реплицируемых единиц, подверженных вторжению «перебежчиков», будь то гены или «мемы». Неизменно счастливые формы жизни всегда более уязвимы, чем их неудовлетворённые и встревоженные аналоги. Общество генетически запрограммированных экстатиков не смогло бы даже возникнуть, не говоря уж о выживании. Ведь такое общество оказалось бы открытой и привлекательной средой для вторжения подлых

мутантов-перебежчиков, которые легко вытеснили бы беззащитных и бескорыстных мечтателей. Так что неприятные состояния сознания будут длиться вечно.

Ответ: Это возражение объединяет два вопроса. Во-первых, может ли эволюционно устойчивая стратегия наших потомков изначально быть совместимой с их постоянным счастьем? Во-вторых, сможет ли она так же сохранять их врожденное бескорыстие?

Ответ на первый вопрос зависит от сорта врожденной способности быть счастливыми. Говорим ли мы о цивилизации, скажем, квази-бессмертных сверхразумов, движимых градиентами генетически запрограммированного благополучия? Действительно ли эти обсуждаемые экстастики – настоящие церебральные гедонисты или скорее одурманенные блаженные существа? Ясно, что вариант глобальной зависимости от электродов с проводами или пожизненных виртуальных реальностей не является эволюционно стабильной стратегией – по крайней мере, до тех пор, пока процесс старения не будет побежден. Ведь у организмов в таком положении не будет склонности заводить и растить детей. А улучшающие физическую форму градиенты благосостояния, – как и традиционно плохое самочувствие или его функциональные аналоги, – напротив, могут служить нам для мотивации, защиты и сохранения. Такие градиенты адаптивны, когда они «энцефализированы» эволюцией или, в конечном счете, созданы с помощью рационального дизайна.

Монотонная эйфория, хроническая депрессия или их функциональные аналоги в бесчувственных роботах не имеют никакой адаптивной пользы. Такого рода функциональная архитектура не побуждает своих субъектов что-либо делать, обучаться или воспитывать детей. В любом случае, генетическая приспособленность неразрывно связана не с конкретной структурой опыта, а с тем, как мы себя ведем и насколько успешно размножаемся. Спорный ответ на второй вопрос, а именно то, что нынешняя жёсткая квази-социопатия окажется эволюционно нестабильной, звучит глупо, наивно и даже биологически неграмотно. Действительно ли цивилизация блаженных альтруистов не может составить для себя жизнеспособную стратегию? Сценарии вроде «жестко запрограммированного альтруизма» для аболиционистского проекта не имеют решающего значения. К тому же, они по большей части умозрительны. Так почему же именно вариант блаженного альтруизма стоит рассматривать в рамках парадайс-инжиниринга? Разве эгоизм не всегда побеждает?

К счастью, нет. Технический (т.е. генетический), метафорический, поведенческий и психологический смыслы слова «эгоизм» легко перепутать. Это потому, что в наши дни они тесно переплетены и частично взаимозаменяемы. Парадайс-инжиниринг не может быть основан на генетическом бескорыстии. Но генетическая предрасположенность к альтруизму – в метафорическом, поведенческом и психологическом смыслах этого слова – может быть эволюционно устойчивой к так называемым перебежчикам в

том случае, если она также генетически эгоистична, то есть повышает дарвиновскую приспособленность. Так возникла наша способность к доброте и состраданию, какими бы скудными они ни были. Даже нынешняя генетическая предрасположенность «святости» у отдельных личностей не всегда является проигрышной стратегией; вспомните самоотверженного бескорыстного человека, который собирает преданных поклонников и становится легендарным отцом народа. Но в целом способность хитрить, лгать и конкурировать оказалась адаптивной – люди эволюционировали как макиавеллиевские обезьяны. Таким образом, предположение о том, что давление отбора может когда-либо вызывать распространение «святости» в обществе генетически разнообразных (не клональных) экстатиков, на практике выглядит неправдоподобным. Ведь кажется невероятным, что аллели, которые способствуют конкурентоспособности, когда-нибудь смогут быть вытеснены. Не будут ли наши потомки, в лучшем случае, более счастливыми эгоистами?

Конечно, такой исход сейчас нельзя отрицать. И все же расшифровка человеческого генома ставит нас на край серьезного эволюционного перехода в способе отбора самореплицирующейся ДНК – перехода столь глубокого, что он станет одним из важнейших событий в истории жизни на Земле. Долгосрочные последствия нашей способности переписывать собственные гены, чтобы изменять адаптивные и неадаптивные признаки, могут сильно отличаться от того, что мы себе представляем в данный момент. В дарвиновскую эру «естественного» отбора режим слепых случайных генетических вариаций, как правило, способствует безразличию к судьбе большинства наших собратьев по виду. В конкурентной среде эта предрасположенность усиливает общую приспособленность нашей ДНК. У нас есть «теория разума», но наша минимальная способность к эмпатии ограничена в основном родственниками и друзьями. Поэтому чёрствость столь распространена, а «хороших парней» съедают или разводят. Ещё сам Дарвин говорил, что дела природы грубы, низки и ужасно жестоки. Но грядущая пост-дарвиновская эра «неестественного» отбора, напротив, предвещает распространение генотипов, которые будут предварительно отобраны или разработаны для получения желательных эффектов. Таким образом, генетические изменения больше не будут случайными и ненаправленными. Их последствия будут планироваться коллективно. Сначала результат будет несовершенным, но затем он улучшится – возможно, благодаря теоретико-игровому моделированию и симуляции в квантовых суперкомпьютерах.

Поэтому вопросы о том, как и по каким критериям мы принимаем репродуктивные решения, будут иметь решающее значение. Какими чертами мы хотим наделить наше потомство? Моделирование пост-дарвиновских обществ чрезвычайно сложно: пост-люди могут переписать как свои индивидуальные генотипы, так и зародышевую линию, а клонирование будет технически легко осуществимо. Когда репродуктивные решения коллек-

тивизируются, формы «группового отбора», которые были просто нежизнеспособными в дарвиновскую эру, теперь станут эффективными; и «трагедия общих ресурсов» может быть предотвращена. В обществе, победившем старение, размножение может стать редкостью – и оно будет случаться всё реже по мере допустимого экологического максимума Земли (или, в конечном счёте, галактики). Но с точки зрения грубого взгляда на гены, в эпоху дизайнерских младенцев вариант аллеля, который кодирует, скажем, окситоциновую привязанность или подтип серотониновых рецепторов, предрасполагающих к бескорыстию в психологическом или поведенческом смысле, может быть преднастроен по-разному в плане своего взаимодействия с аллелями, которые способствуют, например, сексуальной ревности, агрессии или социопатическому поведению. Даже если бы мутагенез оставался случайным, генетически подверженные влиянию «альтруистические» черты, которые приносят более высокую отдачу в техническом эгоистично-генетическом смысле, были бы не восприимчивы к вторжению со стороны подлых «мутантов». Вот почему для будущих поколений генетический и негенетический смыслы слова «эгоистичный» могут иметь принципиальное различие. Действительно, поскольку отмена страданий станет сначала технически осуществимой, а затем тривиально легкой, язык и институты традиционной морали могут стать архаичными реликтами из прошлых веков. Трудно сказать, какие ценности их заменят. Но поскольку наши потомки переписут геном позвоночных и перестроят глобальную экосистему с помощью нанотехнологий, резкое «неестественное» давление отбора может «наказать» те самые неприятные черты, которые были генетически адаптивными в дарвиновскую эру. Согласно данному анализу, пост-дарвиновские суперразумы будут чрезвычайно доброжелательны; но как это ни парадоксально, наука о парадаиз-инжиниринге берет свое начало в генетическом эгоизме.

Возможно, всё так и будет. Но давайте рассмотрим более пессимистичный сценарий. Предположим, что пост-люди останутся эгоистичными во всех смыслах. В конце концов, наше предполагаемое здесь стремление к счастью не означает, что мы ищем счастья *для всех*. Да, успешные и развитые формы жизни смогут сохранить своё благополучие, но зачем полагать, что они будут заботиться о других? Вопреки вышеизложенным рассуждениям оптимистичного функционалиста, далее предположим, что текстуры непобедимого счастья неизбежно делают любую коалицию аллелей, которая способствует их распространению, потенциально генетически уязвимой. Ведь непобедимое благополучие не было жизнеспособной стратегией в африканской саванне – так почему оно должно победить в эпоху искусственного отбора?

Следует ли из этого пессимистичного набора предположений, что архитектуры страданий и недомоганий сохранятся навсегда? Действительно ли неприятные состояния сознания будут длиться вечно?

Нет, даже в столь неблагоприятном случае этот исход необязателен. Чем [якобы] уязвимее делает нас комфортное существование, тем больше наш личный интерес будет заключаться в том, чтобы счастливы были все остальные; а так же в наших интересах – обеспечить счастье и доброжелательность любым новым формам жизни, которые мы создадим в новую репродуктивную эру. Если недовольство окружающих потенциально угрожает нашему личному благосостоянию, то наделение их генетически обусловленной эмпатией и благополучием будет служить нашим собственным интересам. Если мутанты-психопаты представляют потенциальную опасность (хотя строгая социопатия склонна уменьшать инклюзивную адаптивность даже в нашу дарвиновскую эру), то личный интерес вынуждает нас использовать профилактическую терапию зародышевой линии против генов, способствующих социопатии и ее субсиндромальных вариантов; и это одно из тех пространств состояний генетических вариантов, которые нам нет нужды исследовать полностью. В прошлом естественный отбор гарантировал, что эгоизм (во всех смыслах этого слова) выгоден. И, как следствие, «победители» часто причиняли страдания «проигравшим». Согласно ранговой теории, гораздо большая распространенность коррелята проигрышной поведенческой подпрограммы (депрессии), по сравнению с выигрышной подпрограммой эйфорической (гипо)мании – свидетельствует об ужасной цене, которую социальные животные заплатили за преимущества групповой жизни. Слепая генетическая конкуренция до сих пор обеспечивала открытое индивидуальное соперничество среди репродуктивных механизмов. Нередко это соперничество проявлялось в насильственной физической борьбе за лучших партнёров и скудные ресурсы. При этом, как проигравшие, так и победители оказывались в одной и той же ловушке – на мучительной гедонистической беговой дорожке. Но когда безграничное эмоциональное благополучие возможно для всех и без ущерба для кого-либо – в том числе посредством полного погружения в виртуальную реальность – тогда для возвращения старого жестокого порядка уже не будет достаточно простого эгоизма, а понадобится устойчивое и целенаправленное стремление творить зло.

Однако ничто из этого не доказывает, что наши потомки действительно будут обладать тремя постулируемыми здесь волшебными качествами – умом, добротой и счастьем. Мы только перебираем сценарии, а не проводим теоретико-игровое моделирование. Во всех вышеперечисленных аргументах в пользу парадиз-инжиниринга есть скрытые предпосылки и противоречивые допущения. Еще неизвестно, какие стратегии действительно окажутся стабильными. Природу окончательной выигрышной стратегии только предстоит выяснить. Конечно, трансформация человеческой натуры не произойдет путём всемирного духовного пробуждения, принятия инновационного пакета социально-экономических реформ или внезапного желания стать добрыми друг к другу. Но вполне возможно, что дарвиновская генетическая программа, основанная на страданиях и

квази-социопатии, в конечном счёте потерпит неудачу. Несчастье не является устойчивой стратегией потому, что рациональные агенты по своей природе стремятся избежать его; и вскоре у общества таких разумных существ появится коллективная возможность сделать это.

Возражение 29: В основе аболиционистского проекта лежит противоречие. С одной стороны, утверждается, что страдания будут искоренены биотехнологией. С другой стороны, утверждается, что никто не будет принужден к счастью: якобы наша свобода будет не ущемлена, а расширена путем безграничного блаженства. Но некоторые люди всегда будут хотеть быть несчастными или, по крайней мере, сохранять привычную биологическую способность к такому состоянию. И не важно, называем мы это желание извращением или нет. Значит, аболиционизм не сможет обойтись без принуждения, которое противоречит его же целям.

Ответ: Предписание и прогноз легко путаются. Здесь отстаивается точка зрения, что все произвольные страдания должны быть устранены. А прогнозируется то, что все страдания будут устранены. С такой перспективы, наши потомки не с большей вероятностью захотят подвергать себя эмоциональной боли, чем наши современники желают проводить над собой серьезные хирургические операции без анестезии.

На практике этика абсолютной личной свободы, вероятно, несостоятельна. Даже убеждённый либертарианец одобрит, скажем, попытку вылечить больного ребёнка лекарством с неприятным вкусом против его воли или насильно ввести анестетик сопротивляющемуся больному животному перед ветеринарной операцией. Мы нередко пренебрегаем выбором и желаниями примитивных или незрелых умов, поскольку в противном случае мы поступили бы гораздо более жестоко. Другие животные, умственно отсталые люди и очень маленькие дети не знают своих собственных интересов. Проблема здесь в том, что сверхинтеллектуальные инопланетяне или наши собственные продвинутые потомки могут воспринимать нас, примитивных *Homo sapiens*, сравнительно не менее умственно примитивными, чем наши малыши или домашние животные воспринимаются нами сейчас. Любой продвинутый интеллект может распознать аналогичную ситуацию, когда дарвинистские умы заперты в дисфункциональных циклах самоистязания, не осознавая своих истинных интересов. Если так, то должны ли мы, несмышлёные дети, продолжать причинять себе такую сильную боль?

Либертарианцы предположительно должны ответить: да. Эта позиция кажется трудно совместимой с утилитарной этикой. Разве несколько минут неприятностей имеют значение по сравнению с вечным блаженством? Тем не менее, даже поднятие спорного вопроса о принудительном обращении

с несогласными, не говоря уж о защите такой практики, - это опасное занятие для аболициониста. Ведь ошибочное представление о том, что кто-то собирается *заставить* нас быть счастливыми, является одним из самых больших идеологических препятствий на пути к будущей отмене страданий. К счастью, нет причин считать, что даже специалист по утилитарной этике будет сторонником принудительной терапии в отношении эмоционально больных. Такого не произойдет потому, что даже намек на принуждение причиняет беспокойство большинству людей – и тем самым саботирует аболиционистский проект, подрывая утилитарные цели.

Таким образом, нельзя допустить, чтобы образ сопротивляющихся, которых насильно загоняют камеры удовольствия, ассоциировался с аболиционистской идеологией. Распространённость подобной карикатуры на парадиз-инжиниринг не означает, что утилитарная этика порочна. Наоборот, она должна показывать, что пропаганда принуждения к удовольствию вовсе не является истинно утилитарной политикой. Как и многие аргументы против утилитарной этики, он опирается на неверно понятые политические предписания, которые ошибочно выводятся из принципа максимизации полезности.

На самом деле аболиционисты могут называть себя преданными либертарианцами по твёрдым утилитарным соображениям. Поскольку свобода превзойти дарвиновское прошлое и выбрать свой собственный гомеостатический уровень благосостояния для аболициониста является одним из наиболее убедительных аргументов.

Возражение 30: Зачем призывать нанотехнологию? Разве одной биотехнологии недостаточно для отмены страданий?

Ответ: Чтобы аболиционистский проект завершился, он должен охватить весь живой мир. В наземных экосистемах высшие позвоночные могут быть генетически перестроены с использованием предсказуемых расширений существующих технологий. Но в менее доступных местах обитания, например, в океанах, боль и страдания по-прежнему будут распространены. Но к счастью, в течение нескольких веков наши потомки для проектирования морской экосистемы начнут использовать самовоспроизводящиеся наноботы, снабженные суперкомпьютерной мощностью. Разумеется, сегодня это звучит как дикая околону научная фантазия. Но даже если мы будем полагаться только на экстраполяцию, а не на революционные концептуальные и технические прорывы, то реализация аболиционистской программы по-прежнему будет основываться на относительно понятой науке. Причина, по которой теоретики нанотехнологий еще не исследовали перспективу молекулярной гедонистической инженерии, заключается не в том, что эта технология необычайно сложна. А в том, что практическое мышление технократов ориентировано на другие цели.

В нынешнюю эру, конечно, трудно всерьёз беспокоиться о счастье морских млекопитающих. В нашей жизни и без этого полно забот. Однако помня о чувствительности других существ, становится неприятно поедать их, даже если это маленький моллюск. В раю этого не будет.

Возражение 31. Предположим, что биотехнология действительно создаёт совершенно новую репродуктивную эру. Предположим, что человечеству, как утверждает Гедонистический Императив, действительно суждено вступить в эру дизайнерских младенцев – то есть совершить так называемый пост-дарвиновский переход. Но этот переход необязательно приведет к парадайс-инжинирингу. Биологическая основа страдания может не быть отменена. Ведь если потенциальные родители смогут свободно выбирать характеристики своих детей, их типичным приоритетом не будет создание генетически счастливого потомства. Вместо этого они предпочтут наделять своих детей генотипами, которые способствуют большему уму, лучшей внешности, конкурентоспособности. Такой родительский выбор может быть объяснен эволюционной психологией. Конечно, в настоящее время потенциальные родители не могут выбирать такие аллельные комбинации напрямую. Но в завтрашнем генетическом супермаркете такая возможность будет предоставлена. И когда это случится, искусственное или «неестественное» давление отбора будет отдавать предпочтение усиленным версиям качеств, которые были адаптивными в старой дарвиновской эре. Так что в результате неминуемой репродуктивной революции не получится цивилизация, основанная на генетически запрограммированном счастье.

Ответ: Предположим, в пределах нескольких десятилетий будущие родители смогут выбирать генетические настройки для эмоционального благополучия своих детей; и будет определен средний «сет-поинт» на нашем эмоциональном термостате, вокруг которого благополучию (или недомоганию) свойственно колебаться. Также представим основную предпосылку возражения: многие родители действительно больше заботятся о мирских «успехах» своих детей, чем о личном (не)счастье своих детей. Но из этого не следует, что субстраты страдания будут воссоздаваться бесконечно. Даже родители, для которых эмоциональное благополучие своих детей не более значимо, чем, скажем, выбор цвета глаз, все же, скорее всего, предпочтут более высокие, а не низкие настройки для гедонической беговой дорожки; иначе говоря, они выберут аллели и комбинации аллелей, которые предрасполагают детей к процветанию. Большинство родителей, в конечном счёте, предпочитают, чтобы их дети были темпераментно счастливыми, а не несчастными, даже если счастье является лишь одним желанным атрибутом среди множества – и возможно, далеко не самым важным. «Мне всё равно, чем будут заниматься мои дети, лишь

бы они были счастливы» - банальное высказывание западного либерального общества. Это предпочтение объясняется отчасти тем, что счастье и спектр поведения, связанный с «подпрограммой победителя», положительно коррелирует с социальным доминированием и репродуктивным успехом. Амбициозные родители, конечно, не хотят производить "неудачников". Депрессивные или тревожные дети не могут эффективно конкурировать со своими сверстниками. Склонность к плохому настроению и поведению подчинённого, с которым связана депрессия, возможно, были генетически адаптивными для низкостатусных слабаков в племенах африканской саванны. Для низкостатусных особей в неблагоприятной социальной среде условно активируемая склонность к депрессивному поведению может быть жизнеспособной альтернативной стратегией. Этим может быть объяснена столь большая распространённость депрессивных расстройств. Но генетическая предрасположенность к плохому настроению или чему-то вроде униполярной депрессии, в отличие от биполярной, не является частью оптимальной репродуктивной стратегии для потенциальных «победителей». Если генетическое усиление чувства благополучия спроектировать интеллектуально, оно лишь расширит возможности. Такие поведенческие фенотипы потенциально гораздо более адаптивны, чем предрасположенность к выученной беспомощности и отчаянию, которые характерны для депрессивного спектра. Так что в новую репродуктивную эпоху настойчивые родители скорее всего будут избегать депрессивных генотипов. Каким обликом счастья будут наделены дети – уже другой вопрос. Истинное эмоциональное обогащение пост-людей выйдет далеко за рамки обсуждаемых здесь простых рецептов, заключающихся в модуляции старого дарвиновского репертуара грусти, счастья, отвращения, страха, ревности, гнева и одиночества. Действительно, обогащенная эмоциональная палитра наших потомков сможет принимать текстуры, концептуально невообразимые для исконных дарвиновских форм жизни. Постлюди смогут быть восторгаться тем, о чем мы никогда не мечтали; способами, которые мы не можем себе представить; и в концептуальной схеме, которая еще изобретена. Но в современных условиях родители, которые традиционно амбициозны насчёт своих детей, как правило, могут стремиться только к эгоистическому, а не чувственному благополучию своих детей. Такие родители также склонны предпочитать гипоманиакальное изобилие, а не безмятежное счастье. Ретроградные родители, возможно, предпочтут наделить своих детей функциональными аналогами старых дарвиновских черт, но противопоставить им гораздо более высокий эмоциональный базис. Но даже если комитет по медицинской этике лицензирует аллельные комбинации страданий и неприятных переживаний, ничто из перечисленного не означает, что родители с каким-либо взглядами захотят ими воспользоваться. Помимо всего прочего, дети, которые генетически предрасположены к депрессиям, вспыльчивости или дерзости, менее податливы воспитанию, чем радостные и любящие. Выбор для своего ребёнка одного отвратительных дарвиновских генотипов был бы саморазрушительным. В эпоху искусственного отбора частично наследуемый

набор признаков, который мы называем «привлекательностью», обещает быть очень адаптивным как для самих пост-людей, так и для их домашних питомцев.

Понятно, что вышеизложенное описание не точно в деталях. Эмпирические кросскультурные исследования (частично) наследственных качеств, которые современные родители больше всего ценят в своих детях, могут послужить лучшим руководством к представлению того, какими будут дизайнерские дети. Однако такой критерий предполагает отсутствие государственного контроля над родительским генетическим выбором, а это неправдоподобно. Следовательно, вопрос о будущих настройках интенсивности генетически запрограммированного счастья здесь остается открытым. Если рассматривать счастье упрощённо, грубо и одномерно, будут ли последующие поколения генетически обогащенных пост-людей стремиться быть немного счастливее, намного счастливее или на порядок счастливее, чем их дарвиновские предки? Если бы выбирать пришлось сегодняшним родителям, то большинство из них предпочло бы сделать своих детей очень счастливым, а не просто счастливыми; однако лишь немногие выбрали бы вариант качественно возвышенного сверхсчастья. Поэтому в ближайшем будущем настройки на генетически улучшенных «эмоциональных термостатах» детей, вероятно, будут обеспечивать состояния сознания, оживленные гомеостатическими градиентами скромного благополучия, а не возвышенного блаженства. Аналогичным образом, сегодняшние родители, как правило, больше всего удовлетворены идеей воспитания умных детей, а не гениев. Тем не менее, по мере обогащения нашей концепции психологического здоровья, вероятно, будут установлены и его комфортные социальные нормы. Амбициозные родители обычно стремятся к более высокому качеству жизни своих детей, чем их собственное. Это обобщение справедливо даже при том, что сравнительная скудность амбиций может первоначально побудить многих родителей согласиться на удобную заурядность для своих детей, а не на ментальное сверхздоровье. Возможно, этот дефицит удовольствия в нашей жизни будет компенсирован соматической геной терапией и генетически персонализированными обогатителями настроения; возможно нет. Но, в конечном счёте, наши потомки будут не более склонны выбирать генотипы, кодирующие неприятные состояния сознания, чем генотипы, кодирующие нейропатическую боль. Несмотря на исторические свидетельства, человеческая извращённость имеет свои пределы.

Возражение 32: В Гедонистическом Императиве есть изъян, возможно фатальный. Да, вероятно, репродуктивная революция случится. И правда то, что родители вряд ли будут выбирать для своих детей «неприятные» фенотипы. И этот репродуктивный сдвиг может оказаться важным эволюционным переходом для земной

жизни. Но, что очень важно, большой процент населения, вероятно, продолжит заводить детей «естественными» способами – возможно, из-за биоконсервативной идеологии, религиозных убеждений или обычной молодёжной безответственности. Среди них большой процент пар сами будут плодами естественных методов рождения. Поэтому существенная часть старого дарвиновского генома продолжит сохраняться, а вместе с ней и склонность к страданиям. Возможно, естественно рождённые со временем скрестятся со зрелыми дизайнерскими детьми более дальнего потомства. Но мы ничего не знаем о долгосрочных последствиях такого смешения. И в любом случае, если идеология аболиционизма не будет повсеместно принята как система ценностей – или безжалостно усилена принудительным государственным аппаратом – тогда глобальная отмена страданий будет отложена на неопределенное время. Гедонистический Императив – это прекрасная идея. Но трудно понять, как он будет работать.

Ответ: Основная предпосылка этого возражения верна. Пока любые чистокровные носители дарвиновских геномов продолжают размножаться естественным путем, страдания в той или иной форме будут сохраняться. Постоянство страдания неизбежно, если архаичные люди считают «неестественными» и недопустимыми две другие центральные технологии счастья, то есть генную инженерию и прояснители настроения длительного действия. Так какие же основания полагать, что естественное воспроизводство, практикуемое сегодня, когда-либо прекратится? Этот прогноз слишком радикален. И даже если отмена естественного воспроизводства технически возможна, не окажется ли ее исчезновение слишком высокой ценой за ментальное сверхздоровье и мир без жестокости?

Причина прогнозировать, что в течение нескольких столетий все человеческое воспроизводство будет строго контролироваться, проистекает из перспективы наступления второй важной технологической революции – победы над старением. На избавление от старения может уйти еще 100 или 500 лет, но в любом случае эта генетико-нанотехнологическая революция случится и прекратит вечную чуму человеческой смертности. Первыми на горизонте появятся средства по предотвращению возрастных заболеваний (болезнь Альцгеймера, остеопороз, сердечно-сосудистые заболевания, возрастное ухудшение памяти прочее). Такая примитивная генная терапия будет лишь предвестником масштабной работы по обновлению человеческого генома. Этот мегапроект будет посвящен раскрытию фундаментальной биологии старения как такового. А замена этой биологии будет ещё более амбициозным начинанием. Поскольку рациональный дизайн генома с нуля невозможен, мы можем только «начать» наш путь к тысячелетней жизни – и в целом этот пусть станет огромной генетической задачей. Когда появится возможность выбирать геному предрасполагающие к долгожительству или обычной жизни, естественно предположить,

что родители предпочтут для своих детей первое. А представители старшего поколения не смогут отказаться от омоложения посредством соматической генной терапии. Как следствие, нынешнее замедление роста численности мирового населения обратится вспять. В итоге численность приблизится к экологическому пределу нашей планеты.

Это физическое ограничение нашей способности к размножению отступит, но никогда не исчезнет полностью, даже если вы думаете, что нам суждено колонизировать галактику, каким-то образом "загрузить" себя в компьютеры, или даже если вы думаете, что разумная жизнь ограничена в своем потенциале распространения только пределом Бекенштейна нашего мира. Даже если бы индивидуальная мобильность и потребление ресурсов также не были проблемой (например, при всеобщем погружении в виртуальную реальность или аналог Матрицы), это физическое ограничение остается в силе: ведь если мы постепенно отменим старение и станем квази-бессмертными, то из-за отсутствия репродуктивного контроля мы буквально исчерпаем жизненное пространство. Либертарианец найдет эти слова столь же неудобными для чтения, как и для написания.

Данный императив отводит в сторону вопрос о конкретных социальных и биомедицинских механизмах, регулирующих воспроизводство в обществе пост-старения. Это упущение преднамеренное: контроль над репродукцией человека, хоть половой, хоть клональный, будет характерной чертой любой цивилизации, победившей старение. Необходимость социальных механизмов репродуктивного контроля под страхом мальтузианской катастрофы - не является специфической особенностью аболиционистского проекта. Если после-люди, в отличие от нас сегодняшних, не будут стареть и умирать, то они не смогут продолжать заводить детей по своему желанию бесконечно. Режим, основанный на генетической «русской рулетке», будет заменен этически ответственной политикой планируемого родительства.

Но какой ценой? Можно ожидать, что при прочих равных условиях регулируемый государством контроль рождаемости вызовет глубокое всеобщее недовольство, ведь лишь крошечное меньшинство людей рады остаться бездетными; а бесплодие для многих сродни трагедии, поскольку дети для них – смысл существования. Мы можем бояться смерти и старения; но, как правило, то, что делает нашу жизнь значимой – а смерть терпимой – это жизнь наших детей и внуков. Поэтому нам, нынешним людям, спектр ограничений нашего права на потомство кажется тревожной идеей. Интимной сфере нашей жизни, которой мы привыкли распоряжаться самостоятельно, теперь угрожает вторжение со стороны государства. Даже кампании, склоняющие семьи заводить только одного ребёнка, как в Китае, западным людям кажутся жестоким посягательством на личную свободу.

Так как же решить эту дилемму? В настоящее время мы можем попытаться убедить себя, будто не хотим оставаться вечно молодыми. Но если бы

была возможность вечной молодости или даже ее подобия, было бы наивно полагать, что большинство людей откажется воспользоваться ею. Это смелое утверждение может показаться довольно поверхностным биотехнологическим детерминизмом. Ведь оно без серьезных аргументов предполагает, что раз мы действительно не хотим стареть и у нас технически появится такая возможность, значит, мы обязательно решим стать условно бессмертными; или даже не условно, если мы начнем делать свои резервные копии для восстановления после несчастных случаев. Однако при всех своих подводных камнях некоторый биотехнологический детерминизм здесь вполне обоснован. Страх перед старением, болезнями и смертью слишком глубоко укоренен в нашей дарвиновской психике, чтобы мы предпочли увековечить этот холокост в эпоху зрелой геномной медицины. Отказ от варианта квази-бессмертия теоретически нельзя исключать. Но кто предпочтет жить (и умирать) как одноразовая дарвинистская «рухлядь», если можно жить и выглядеть как греческий бог?

Психологические нарушения, которые, возможно, будут свойственны такой устойчивой к старению и репродуктивно ограниченной молодёжи, будут решаться скорее биологическими, а не социальными средствами. Как биотехнология может позволить нам стать лучше, быть более любящими родителями (например, с помощью агентов, вызывающих сверхэкспрессию гена окситоцинового рецептора), точно так же она сможет укротить нашу тягу к размножению, когда оно не нужно. Эти методы могут быть фармакологическими, генетическими или совмещающими и то, и другое. Продолжительность жизни, достойная богов, не должна оказывать вредного влияния на наше психическое здоровье; совсем наоборот. Генетически усовершенствованные люди могут чувствовать себя совершенно божественно, а не просто выглядеть так со стороны. И пожизненное благополучие потенциально может принимать множество обликов; причем большинство этих форм эмоционального обогащения не будут связаны с эпизодами из прожитого отрезка жизни, как неправдоподобно это ни казалось с точки зрения нынешней дарвиновской психики.

Включение или отключение некоторых глубоких человеческих желаний звучит скорее, как антиутопический кошмар, чем рецепт создания рая. Кому будет позволено организовывать это вмешательство, и каким образом? Сегодня нам не приходится делать такой сложный выбор. Мы просто рождаемся, следуем своим природным потребностям, слабеем и умираем. Тем не менее, перестройка человеческого разума и тела даже с точки зрения прогрессивного светского ума может показаться кощунственной. Мы восхищаемся достижениями в области неорганических технологий, но ненавидим перспективы их применения в нас самих. Но какими бы ни были методы лечения старения, они неизбежно приведут к психологическому стрессу и социальным конфликтам, если при этом не будут регулироваться другие исконные человеческие качества. Если разработка тех-

нологий продления жизни будет сопровождаться исследованиями психического здоровья и созданием терапевтических средств устранения проблем, то все виды нежелательных сценариев будут предотвращены.

Ничто в этом анализе мира пост-старения не доказывает, что контроль размножения также повлечет за собой создание психологически усовершенствованных пост-людей. Преодолевая старение, возможно, хотя и маловероятно с социологической точки зрения, что мы сохраним наш поведенческий репертуар эмоций охотника-собирателя неизменным - точно так же, как мы победим страдание и смерть, не отказываясь от технической возможности их восстановления. Изложенный здесь ответ нацелен скорее на то, чтобы показать, почему случайное половое размножение не является неизбежной составляющей пост-дарвиновского общества; но его восстановление потребует такой же исключительной преднамеренности, как и восстановление способности страдать. Так что, возможно, появление способных к старению людей в будущем действительно прекратится.

Но насколько вероятны на практике, что наши потомки быть вечно молодыми, сверхразумными, супер-сочувствующими и вечно счастливыми долгожителями? Обращение к реальному положению дел может быть уместным. Эпоха пост-старения ещё достаточно далеко, чтобы сделать любые прогнозы рискованными. Те из нас, кто всё ещё находится в плену у своих дарвиновских «внутренних инстинктов», сочтут, что все эти сценарии пахнут праздной фантазией - просто сказками, маскирующимися под науку. Гедонистический Императив, безусловно, обходит вниманием некоторые мрачные события и угрожающие тенденции дарвиновской эры ближайших десятилетий: ядерные войны, биотерроризм, глобальные пандемии и обычные разрушающие душу трагедии в личной жизни людей. Конечно, любая футурология, основанная на радикальной дискретности развития, а не на экстраполяции, редко звучит правдоподобно. Но потенциальная красота генной инженерии, квантовых суперкомпьютеров и утипических нанотехнологий не является обманчивой в плане того, как эти технологии могут быть использованы для преобразования желаний в возвышенную реальность.

Значение слова «реалистичный» вскоре будет пересмотрено. Одна из причин исследования перспектив пост-дарвиновской цивилизации заключается в том, что парадаиз-инжиниринг сможет дать эффективное решение практически всех неполадкам сегодняшнего мира.

Возражение 33: Если Гедонистический Императив верен, и если его следует применить ко всей живности, а не только к людям, тогда мы морально обязаны распространяться по всей Вселенной, чтобы устранить страдания и максимизировать градиенты удовольствия настолько быстро, насколько возможно.

Более того, если во Вселенной существует множество (скажем, миллионы) разумных форм жизни, то хотя бы некоторые из них с большой вероятностью намного разумнее нас, а это значит, что многие из них движимы собственными целями, которые, как и у нас, гипотетически могут быть ориентированы на всю Вселенную.

Формы жизни с такими целями можно разделить на три категории. Категория А – это формы жизни с такими же целями и средствами, которые предполагаются в Гедонистическом Императиве. Это звучит маловероятно, но не исключено. Подумайте: если мораль абсолютна, а не относительна (т.е. существует какой-то правильный способ поведения), и если у морали есть аттракторы (т.е. большинство достаточно разумных форм жизни обнаружат правильный способ поведения, и, по крайней мере, некоторые из них начнут его практиковать), то можно предположить, что, по крайней мере, некоторые из чуждых нам форм жизни сочтут Гедонистический Императив убедительным и будут следовать ему.

Среди таких форм жизни наверняка найдутся те, что продвинуты и оснащены гораздо лучше нас, поэтому, возможно, нам не стоит следовать Гедонистическому Императиву самостоятельно. Однако такая логика не герметична. Ведь если всё формы жизни будут рассуждать подобным образом и надеяться, что их осчастливят другие, то они никогда не возьмутся за дело; разве что за исключением тех, что считают себя самыми продвинутыми. Кроме того, нельзя исключать, что Гедонистический Императив может полноценно и быстро реализоваться только силами нескольких разных цивилизаций, а не единственной. И всё же, если разумных цивилизаций много и часть из них следует Гедонистическому Императиву, то становится очевидно, что человечество находится не в лучшем положении для реализации такой Вселенской инициативы.

К категории В относятся формы жизни, которые имеют общие с нами цели, но выбирают другие средства. Некоторые из выводов насчёт категории А применимы и здесь, но дополнительный вывод, по-видимому, заключается в том, что, в отличие от других разумных форм, нам следует доверять их суждениям, какими бы ни были их планы насчет нас и всех, кто нам подобен

Категория С – это формы жизни с другими целями. И если цивилизаций со вселенскими целями много, то можно не сомневаться, что эта категория не пуста. В таком случае наша попытка потеряет смысл, ведь в итоге будет достигнута другая цель, принадлежащая более продвинутой цивилизации. Конечно, это не означает, что следовать Гедонистическому Императиву на земном уровне совер-

шенно бессмысленно, но, по-видимому, это существенно ограничивает ценность таких усилий, делая их локальными и временными. [Благодарю Тома Мурко за данное возражение].

Ответ: Большинство людей считает, что полная отмена страданий у *Homo sapiens* невозможна. Расширение круга сочувствия к другим животным посредством реорганизации экосистем и генной инженерии кажется им еще более надуманным. Поэтому перспектива какой-то космической спасательной миссии по распространению парадиз-инжиниринга на всю Вселенную представляется научной фантастикой. Не исключено, что так оно и есть. Временные масштабы даже в пределах одной галактики, безусловно, устрашают, ведь в ней около 400 миллиардов звёзд и около 100000 световых лет в диаметре – так что её «освоение» может занять миллионы или десятки миллионов лет. Уровень интеллектуальной, политической и социальной сплоченности, необходимый для организации такого проекта, превосходит всё, на что человеческое общество способно сегодня. Более того, недавние данные, полученные от отдалённых сверхновых типа Ia, позволяют предположить, что расширение Вселенной не замедляется, как считалось ранее, а ускоряется из-за плохо изученной «тёмной энергии». Так что нашим потомкам, вероятно, будут доступны лишь наши локальные сверхскопления галактик.

Тем не менее, использование автономных самовоспроизводящихся роботов – так называемых «зондов фон Неймана» – для исследования и колонизации галактики является неплохо изученной и технически выполнимой задачей. Просто их никогда не рассматривали в качестве средств помощи инопланетным формам жизни. (По иронии судьбы, в научной фантастике уже обсуждались «зонды-берсерки», созданные для уничтожения жизни в космосе, правда, такие идеи не имели отношения к утилитарной этике). Независимо от правдоподобности, утилитаристам в любом случае этически необходимо максимизировать благосостояние всех доступных чувствующих организмов, если это технически выполнимо. Менее очевидно, что обязательство способствовать распространению благосостояния в космосе, возможно, является скрытым следствием различных этических систем, которые осуждают просто "ненужные" страдания. То, что здесь может подразумеваться по «ненужными страданиями», критично, но не вполне ясно.

Возможно, наиболее проблемной частью вышеизложенного возражения является гипотетическое существование миллионов других разумных форм жизни. Это предположение основывается на уравнении Дрейка (или одном из его вариантов), посредством которого оценивается число внеземных цивилизаций, с которыми мы можем вступить в контакт. Поэтому, чтобы возражение обрело силу, для начала нужно решить парадокс Ферми: «Где они?» Никаких видимых признаков внеземной жизни пока нет – ни физического присутствия, ни артефактов, ни сигналов.

Действительно, в Мультивселенной в целом, в других сценариях «мира на бране» или даже в нашей области вне «Пузыря Хаббла» может существовать бесконечно большое количество технологически продвинутых цивилизаций. [Согласно хаотическому сценарию инфляционной Вселенной, предложенному физиком Андре Линде, квантовые флуктуации делят инфляционную Вселенную на огромное множество экспоненциально больших областей или «мини-вселенных», где законы физики низких энергий могут отличаться]. Противоположным образом, как указывает Макс Тегмарк, одна популярная космологическая модель, очевидно, предсказывает, что у каждого из нас есть фактически идентичный близнец в галактике, обычно на расстоянии 10^{10} в степени 10^{28} метров. Масштабы этих расстояний весьма головокружительны.

Смысл в данном контексте заключается в том, что даже если мы уникальны для известной вселенной, нам не нужно быть «особенными» - что повлекло бы за собой отказ от нормального коперниканского предположения. Если недоступные цивилизации существуют за пределами нашего космического горизонта событий, их сверхразумные обитатели вполне могли бы превзойти свое эволюционное происхождение так же, как это собираемся сделать мы. Если такие сверхсущества доброжелательны, то, учитывая «моральные аттракторы», они должны спасти других, кто физически доступен для спасения в их световом конусе («Категория А»). Было бы замечательно считать, что межвидовое избавление от страдания является универсальным законом; но обсуждаемое возражение наводит на тревожную мысль («Категория С»), что это не так. Существование гипотетических продвинутых форм жизни с теми же целями, что и у нас, но другими средствами («Категория В»), действительно может снять груз ответственности с младшей цивилизации. Но насколько распространенным является множественное независимое происхождение технологически продвинутых цивилизаций в космически узких (пространственно)временных рамках?

Всё это чрезвычайно умоизрядно. Обширное сканирование электромагнитного спектра не обнаруживает никаких доказательств того, что в нашей галактике или где-то ещё во Вселенной существует технологически сложная жизнь. Это отсутствие доказательств распространяется на то, что русский астрофизик Николай Кардашев назвал «цивилизациями типа III» - суперцивилизациями, которые будут использовать энергетические ресурсы всей галактики. Их электромагнитная сигнатура в принципе может быть обнаружена исследователями SETI (Поиск Внеземного Разума). Но до сих пор ничего не найдено, хотя искать продолжают.

Обсуждались уже многие версии объяснения «Великого Молчания». Зачем, например, предполагать, что разумные инопланетяне будут проявлять какие-либо аналоги мотивов, ценностей, концепций или колониального экспансионизма современного *Homo sapiens*? Неужели наши представления о разумной жизни и ее сигнатурах настолько бедны, что мы

даже не можем найти соответствующее пространство для расследования? Предварительное консервативное объяснение того, почему огромная экологическая ниша остается незаполненной, заключается в том, что молчание не обманчиво. В радиусе нескольких миллиардов световых лет от Земли нет никаких технологически развитых цивилизаций. Всё зависит только от нас.

Всё же этот вывод не гарантирует, что мы локально одиноки. Возражение верно в том смысле, что к статусу живых существ в других мирах следует относиться серьезно. Если бы мы действительно были уверены, что земные организмы являются единственными развитыми формами жизни в доступной вселенной, то устранение страданий на одной лишь Земле эффективно выполнило бы наши этические обязанности. Как только наш мир стал бы свободен от жестокости, мы смогли бы погрузиться в свои персональные нирваны - или, возможно, построить рай на земле и терраформировать его за пределы. Однако также возможно, что сложная жизнь и ужасные страдания существуют в других экосистемах в пределах нашего космического горизонта событий; и такие формы жизни неспособны исправить собственное положение – иначе говоря, они так же беспомощны, как и все, кроме одного вида на современной Земле. Присутствие таких подверженных страданию форм жизни было бы невозможно обнаружить с помощью современных технологий. Так или иначе, у нас нет эмпирических доказательств их существования.

Насколько вероятен такой сценарий теоретически? Жизнь на нашей планете, возраст которой около 4,6 миллиардов лет, вероятно, произошла рано. Её (возможно) обманчиво быстрое появление предполагает, что этот процесс может быть относительно «легким» - и, таким образом, он может самопроизвольно повторяться в огромных масштабах на землеподобных планетах по всему космосу. Тем не менее, мы до сих пор не можем объяснить, как возник первичный «РНК-мир», предшествовавший возникновению ДНК. (Мир РНК – одна из ведущих гипотез происхождения на Земле. – *Прим. пер.*) Мы также не можем синтезировать жизнь в лабораторных условиях или вычислительно моделировать ее зарождение. Так что не исключено, что она стала результатом не закономерности, а причудливой цепи обстоятельств. И эта цепь невероятных событий сделал возможной эволюции многоклеточных эукариот длительностью в несколько миллиардов лет. В итоге возникли организмы, которые смогли переписать свои исходные гены. Неизвестно, сколько разных путей развития приводят к формированию организмов, способных к науке и технологиям.

Здесь есть и другая неопределённость. Насколько велика вероятность, что какая-либо примитивная инопланетная жизнь начнёт испытывать страдания или даже станет разумной, если её субстрат отличается от нашей привычной органики? Мы знаем, что наши кремниевые роботы могут быть запрограммированы так, чтобы демонстрировать квази-функциональные

аналоги «ментальной» и «физической» боли (и удовольствия), и отображать репертуар «эмоционального» поведения без каких-либо соответствующих «сырых ощущений». Окажутся предполагаемые инопланетяне чем-то вроде «интеллектуальных» зомби-автоматов? Будет ли в таком случае их судьба иметь значение? Или, что более правдоподобно, внеземная жизнь будет такой же разумной и чувствующей, как мы? Может быть, ещё более чувствующей?

Здесь наиболее разумно предположить, что она действительно будет разумной и чувствующей, как мы. Только способы ощущений могут сильно отличаться. Потому что есть веские основания полагать, что все первичные самореплицирующиеся и несущие наследственную информацию сущности должны основываться на углероде благодаря его функционально уникальным валентным свойствам. Точно так же в комплект первичной жизненно необходимой химии, вероятно, должна входить жидкая вода. Когда такая изначальная органическая жизнь достигает многоклеточной стадии, система бинарного кодирования оси удовольствия-боли, встроенная в нервную систему, несмотря на свою жестокость, становится информационно эффективным решением проблемы внутренней и внешней среды. Таким образом, если гипотетическая ранняя инопланетная жизнь наткнётся на молекулярные механизмы, лежащие в основе оси удовольствия-боли, то роль этих градиентов в обработке информации, вероятно, будет использована естественным отбором, чтобы повысить общую приспособленность организма – так же, как это случилось на Земле. Здесь не нужен никакой программист или дизайнер. Более того, учитывая сравнительно узкий диапазон сред обитания в физической Вселенной, которые могут поддерживать первичную многоклеточную жизнь, явление конвергентной эволюции может означать, что любая жизнь, где бы она ни развивалась, не будет столь экзотической, как иногда предполагают астробиологи. [А вот технологически развитые формы жизни и доступные им состояния сознания, напротив, могут быть невообразимо экзотическими.] Если любая не слишком развитая жизнь действительно во многом одинакова, то тот же аболиционистский план для реорганизации экосистем и переписывания геномов должен быть применим к другим планетарным биосферам – если, конечно, мы не решим сохранить их экологический статус-кво.

В настоящее время трудно искренне озадачиваться тяжелым положением существ, которые могут даже не существовать или быть доступны только нашим отдаленным потомкам. Экологическая благотворительность начинается с дома. И все же такое безразличие к незнакомцам может быть отражением нашей ограниченной психологии, а не моральным оправданием бездействия. Естественно, все мы можем ошибаться в том, что превосходит наши концептуальные ресурсы для воображения или описания. А возражения отчасти могут быть верными. Мы редко понимаем все последствия своих действий, а может быть, никогда. Довольно сложно про-

гнозировать даже ближайшие пять лет, не говоря уж о планировании межзвездного путешествия на следующие пять миллионов. Тем не менее, выбор сознательной политики невмешательства – хоть в жизни наших страдающих земных собратьев, хоть инопланетян – морально не менее чреват, чем патерналистское вмешательство. Зная о происходящих в животном мире ужасах, аргумент о том, что мы не должны ничего делать, пока до конца не поймём последствий своих действий, можно считать неактуальным для всех, кроме приверженцев самой наивной диснеевской концепции Матери Природы. Аналогичным образом нам было бы морально безрассудно избегать применения, скажем, анестетиков, ветеринарных вмешательств и прочих «неестественных» средств лишь на том основании, что их использование представляет собой неизвестный риск – даже если этот риск, безусловно, существует и должен быть исследован с предельной научной строгостью.

В «Игре в Бога» действительно есть этические ловушки. Эти ловушки были бы еще более важными, если бы [как предполагает обсуждаемое возражение] существовали богоподобные внеземные формы жизни, подготовленные лучше нас. Тем не менее, в бытовом и космологическом масштабе моральные риски существуют как для землевладельцев, так и прикладных менеджеров. Бездействие также может быть чьей-то виной. Здесь, на Земле, почти в любой этической системе может показаться моральным императивом, например, спасение тонущего ребёнка. Но что, если этот ребёнок вырастет человеком, чей внук станет новым Гитлером? Мы не можем этого знать, ведь у нас ещё нет карманных калькуляторов удачи. И все же риск, по-видимому, стоит того: мы не позволяем ребенку утонуть. Точно так же, если ваша рука попадёт в огонь, вы одёрните её. Если вы доброжелательны, вы спасёте ребёнка или страдающее животное, независимо от того, считаете ли вы себя утилитаристом. Моральный скептик может утверждать, что ценностные суждения не могут быть истинными; но он или она сможет последовательно доказать, что мы должны верить в это – или вести себя определённым образом. Распространение аболиционистского проекта на остальную часть галактики и за ее пределы сегодня звучит безумно; но данная технология – лишь применение простого и привычного морального принципа, а не результат революционно новой этической теории. Пока живые существа где бы то ни было испытывают невероятные страдания, это достаточная причина стремиться исправить ситуацию.

Возражение 34: Почему Гедонистический Императив уделяет столько внимания градиентам благополучия? С этической точки зрения, не будет ли лучше постоянный максимум блаженства?

Ответ: Мотивационная система, основанная исключительно на наследуемых градиентах благосостояния, является менее радикальной перспективой, чем полная отмена мотивации. Это связано с тем, что постоянный

максимум блаженства влечет за собой полную отмену информационной роли оси удовольствия-боли, а не просто перекалибровку ее масштаба. Без чрезвычайно продвинутых технологий однообразно счастливые существа постепенно вымрут, независимо от уровня их неизменного счастья. Так что в обозримом будущем кодирование физиологического максимума пожизненного блаженства просто не будет эволюционно устойчивой стратегией. Но есть идеология, которую стоит рассмотреть. Если максимизация всеобщего космического счастья будет зависеть от (пост)людей, которые используют классическую утилитарную систему ценностей, то постоянный максимум - по-прежнему маловероятный сценарий. С социологической точки зрения, более правдоподобны плюралистические или, возможно, квазиутилитарные системы ценностей. И все же (предварительный) прогноз Гедонистического Императива о том, что мотивационный режим градиентов блаженства будет сохраняться бесконечно, сам по себе является лишь гипотезой. Один из аргументов заключается в том, что выбор менее удовлетворяющих состояний сознания противоречит гедоническим корням самой психологии принятия решений. Когда зрелые технологии эмоционального самообладания станут повсеместными, возникают сомнения, что кто-нибудь действительно предпочтёт худший более низкий вариант приятного субъективного опыта. Какие настройки будут выбирать рациональные агенты для собственного диапазона настроения при освобождении от старой дарвиновской рулетки? На практике утилитаризм сознательных предпочтений и классический утилитаризм имеют тенденцию сходиться. Вполне возможно, что совокупным результатом нашего выбора может стать то, что выходит за рамки традиционного принятия решений. Лозунг «Свобода контролировать свои эмоции» предлагает более охотное согласие, чем лозунг «Свобода безграничного блаженства». Неясно, будет ли окончательный космический исход существенно отличаться – или по этическим соображениям должен остаться таким. Очевидно, следует позаботиться о том, чтобы отделить нормативное суждение от положительного прогноза. Конечно, миллиарды лет пангалактического гедонизма – не совсем то, что имел в виду Джереми Бентам, когда впервые провозгласил принцип величайшего счастья. Будучи юристом по образованию, Бентам подразумевал институциональную и законодательную реформу. И все же использование биотехнологии в классической утилитарной этике диктует насыщение космоса блаженной эйфорией (положительной ценностью), а затем обеспечение вычислительную поддержки этого теоретического максимума на неопределенный срок - будь то в форме дискретных суперразумов или, возможно, коллективного разума, подобного Боргу. Логика «гедонистического» утилитаризма неумолима, даже если его предпосылки могут быть оспорены.

Вопрос о том, следует ли нам кодировать гедонистические градиенты или постоянное счастье, необходимо отличать от смежного вопроса о так называемых «возвышенных» и «низких» удовольствиях, то есть об услов-

ной ценности того, чем мы можем быть «довольны». Градиенты церебрального благополучия (или недомогания), безусловно, могут способствовать критическому мышлению, рациональному принятию решений и мотивированному поведению. Тем не менее, как свидетельствуют наши быстро развивающиеся цифровые технологии, ни квалиа, ни органический субстрат не являются необходимыми для этой функциональной роли. Так как наша интеграция с интеллектуальными технологиями усиливается, «текстура» субъективных провалов в блаженстве может оказаться функционально ненужной и для разумной органической жизни. Завтрашние технологии тонкого эмоционального контроля могут, например, позволить ранним пост-людям усилить свои самые ценные желания второго порядка и выбирать культурное совершенствование, острый интеллект и моральную целостность, изгоняя при этом грубые плотские страсти. Таким образом, вполне возможно, наши дальние потомки будут наслаждаться непрерывным восторгом – возможно, созерцая невообразимо возвышенную красоту, любовь, изящные математические уравнения или даже юмор. Естественно, эти примеры чисто иллюстративны, ведь пост-люди могут быть наполнены видами блаженного опыта, категории которых *Homo sapiens* не могут назвать или постичь. Возможно, пост-люди по темпераменту будут медитативными; возможно, динамичными. Может быть, они будут жить в дополненной органической виртуальной реальности; или в виртуальных садах, работающих на совсем ином фундаменте. Может быть, они унаследуют привычное нам бодрствующее сознание потомков приматов; или, возможно, они будут жить в неизвестных сферах утопической психоделии. К сожалению, наше незнание потенциальных разновидностей блаженного опыта способствует заблуждению, будто такое благополучие обязательно будет «плоским» или одномерным, а не разнообразным. Но независимо от сценария, в действительности нет никакой гарантии, что рациональный суперинтеллект будет терпеть любые снижения благосостояния.

Взгляд автора возражения на неизменное блаженство не апеллирует к доминирующему западному этосу. Современные капиталистические общества по большей части ценят инновации, креативность и перемены. Таким образом, перспектива цивилизации, основанной на градиентах благосостояния, может быть менее тревожной, чем перспектива постоянного блаженства – хотя любое из условий чуждо дарвиновской жизни. Мы привыкли связывать постоянство с застоєм, а пассивность – с низкой мотивацией и слабостью. Поэтому нас не вдохновляют любые обещания «статичности». С более широкой эволюционной точки зрения, автономные организмы с целенаправленным поведением возникли в начале истории многоклеточной жизни на Земле. Эта архитектура в значительной мере сохранялась в течение сотен миллионов лет. В эпоху, когда разумная жизнь победит страдания и когда мы сможем по желанию модулировать наши основные эмоции, усиленные гедонистические градиенты и их функциональные аналоги, вероятно, приведут к тому, что наши пост-человеческие

потомки с интеллектуальными роботами будут излучать и колонизировать каждую нишу доступного пространства внутри нашего светового конуса (или сверхскопления галактик) и разумно перестраивать его. Но что тогда? (Гипотетическая) дисциплина светской эсхатологии не всегда будет пустой фантазией, которой она кажется в настоящее время. После того, как мы сможем эффективно определить изменения в конечном пространстве состояний материи и энергии в нашем космическом окружении, какие виды сверхчувственности будут оценены как достойные воплощения? Используя неубедительную аналогию: будем ли мы бесконечно предпочитать переигрывать посредственные шахматные партии? Или ограничимся состоянием совершенства? Будет ли существующее предубеждение столь же иррациональным в пост-дарвиновском рае, как было в дарвиновском чистилище? В сценарии «постоянного блаженства», о котором говорится в возражении, всё, что раньше было неприятным или посредственным, - от избегания вредных стимулов до поддержания инфраструктуры цивилизации, - предположительно должно быть вычислительно «загружено» на наши интеллектуальные машины. Крайне важно то, что давление отбора больше не будет действовать, ведь пост-люди займут все возможные ниши и сделают себя бессмертными. Старая эра неистовых поступков и несовершенных жизней, разыгрываемых на фоне тревоги, недовольства и дефицита материальных средств - останется в истории как период нашей животной дикости. Даже переходная эра, определяемая градиентами церебральной эйфории, останется позади. Вполне возможно, будет установлен молекулярный портрет всего ценного опыта; и его субстраты будут усилены в полной мере. Действительно, учитывая принцип удовольствия и передовые технологии, эволюционная траектория предполагаемого аттрактора идеальных чувственных состояний может быть неотвратимой. Как только переход к зрелому сознанию завершится, теоретическая возможность выйти за пределы этого пространства состояний может быть даже менее вероятной, чем, скажем, наше решение вернуться к дикарской жизни в пещерах. Если и когда разумная жизнь достигнет космического супер-рая, возможно, старинные подмости, которые нас туда доставили, будут выброшены. Вечное блаженство вряд ли должно быть экстазом, не связанным ни с какими внешними интенциональными объектами; но, вероятно, даже этот вопрос должен оставаться открытым. В любом случае, постоянное блаженство не будет ощущаться как нечто статичное. Владение нейрохимией восприятия времени может позволить каждому здесь и сейчас переживать огромную временную глубину, богатую внутреннюю динамику и субъективное чувство вечности. Но, возможно, лучше избегать спекуляций о далеком будущем космического сознания.

Следует подчеркнуть, что все эти сумасшедшие пост-дарвиновские сценарии относятся к далёкому будущему, и они гораздо более умозрительны, чем отмена страданий или радикальное обогащение мотивации. Исторически, повышающие приспособленность градиенты недовольства всегда

были двигателем прогресса - интеллектуального, социального, эстетического, морального и личного. Существенная часть недовольства, столь присущего живому миру, действительно была непродуктивной; но далеко не вся. Таким образом, использование информационной роли его функциональных аналогов - то есть реальных или ожидаемых провалов субъективного благополучия - является более практичным временным ограничением, чем кодирование постоянного блаженства. В конце концов, мы пока не дошли даже до порога репродуктивной революции дизайнерских младенцев, не говоря уже о эре передового парадаиз-инжиниринга. В среднесрочной перспективе, перекалибровка генетических настроек гедонического тонуса будет менее сложной задачей биоинженерии, чем загрузка всего на умные машины и полная замена старых мотивационных и аффективных механизмов гомеостатического контроля органической жизни. Градиентный серфинг также более реалистичен в идеологическом плане. Более того, даже при более консервативном сценарии «градиентов счастья» любые субъективные «издержки» гедонически неоптимальных состояний, вероятно, окажутся приемлемыми для всех, кроме самых ярких утилитарных идеологов. Таким образом, в будущем наш гедонистический базовый уровень психического здоровья может быть ещё богаче, чем сегодняшний максимум. Предполагая, что информационная сигнальная роль градиентов благосостояния действительно сохранится, любые функциональные снижения могут быть незначительными. Даже если градиенты очень тонкие, риск сценария "Буриданова осла" всё равно будет предотвращён. (Буриданов осёл – философский парадокс, в котором ставится вопрос: как осёл, которому предоставлены два одинаково соблазнительных угощения, может сделать рациональный выбор? – *Прим. пер.*) Именно депрессивные люди, как правило, склонны к прокрастинации, а счастливые, наоборот решительны и деятельны. Действительно, Гедонистический Императив прогнозирует, что наши ближайшие потомки будут не «пассивно» счастливыми, а гипер-мотивированными, хотя и на гораздо более высоком уровне благосостояния, чем позволяет наша нынешняя нейронная архитектура. Обогащение центров вознаграждения современной органической жизни будет усиливать как чувство цели, так и саму целеустремлённость. Принято считать, что связь усиленной мотивации с повышенным благосостоянием может быть лишь случайным фактом нашей нейронной архитектуры - случайностью эволюционной истории. Мезолимбическая дофаминовая («желающая») и мю-опиоидная («любящая») нейротрансмиттерные системы развивались совместно; их функциональные роли в принципе могут быть распутаны. Но их разделение вряд ли неизбежно. У (пост)человеческой предприимчивости по-прежнему большое будущее. В зависимости от силы наших биоконсервативных предрасудков, градиенты адаптивного благополучия не обязательно должны быть наследуемыми. В принципе, разработчики лекарств, нейрочипов, наноботов или аутосомной генной терапии могут достичь того же результата даже в рамках ограничений современного генома. Но если наша нынешняя система мотивации имеет дефекты, то было бы жестоко мириться

с патологией и передавать ее будущим поколениям. Мы сейчас не считали бы этичным намеренно передавать гены, скажем, для хронического болевого синдрома на том основании, что будущее потомство должно «свободно выбирать», хотя бы они мучиться от боли или нет. Разве наши более распространенные психические недуги имеют в данном контексте принципиальное отличие? Почему наше ментальное сверхздоровье также не должно быть наследуемым?

Как насчет очень отдаленного будущего? Не считая нормативных суждений, будет ли традиционная мотивация сохраняться столь же долго, как сама разумная жизнь? Сможет ли будущая информационная экономика мозга, основанная на градиентах блаженства, завершиться вечным космическим раем? В начале XXI века на этот вопрос слишком сложно ответить.

Возражение 35: Почему здесь пропагандируется безрассудный рывок в парадиз-инжиниринг? Почему бы не подождать, пока у нас не появится мудрость для понимания последствий? Давайте сделаем это правильно.

Ответ: Мы столкнулись с проблемой «начальной загрузки». Человеческие существа могут быть достаточно мудрыми для понимания последствий своих действий, но, чтобы стать такими, сначала нам необходимо себя улучшить. Ларошфуко сказал: «Ни один человек не умен настолько, чтобы знать всё зло, которое он совершает» - возможно, автор сам недооценивал мудрость этих слов. Наш вид может сделать все возможное, чтобы избежать создания «рая дураков» или какого-то Дивного Нового Мира. Но когда и каким образом мы станем достаточно умными, чтобы быть уверенными в успехе? Когда мы будем достаточно мудры, чтобы избегать ошибок, о которых мы даже не подозревали? По мере совершения революций в сфере воспроизводства, инфотехнологий и нанотехнологий (пост)люди должны искать способы сделать себя умнее.

Разве есть смысл откладывать попутное эмоциональное обогащение, наивно полагая, что между эмоциональным и церебральным интеллектом может быть проведена достаточно четкая граница? В конце концов, узконаправленное интеллектуальное усиление несет свои собственные риски, ведь большая мудрость может *зависеть* от эмоционального обогащения, а не быть предпосылкой для него. Например, выясняется, что генно-модифицированные «мыши Дуги», наделенные дополнительной копией NR2B-подтипа рецептора NMDA, обладают не просто превосходной памятью, но и хронически повышенной чувствительностью к боли. Представьте, что амбициозные родители ещё до клинических испытаний условились внедрить своим будущим детям несколько генов, которые дадут существенное конкурентное преимущество в образовании. Результатом могут оказаться

болезненные вундеркинды. Так что, несомненно, впереди нас ждёт множество сложных подводных камней, которые сделают проблематичным не только парадайс-инжиниринг, но и любые шаги в направлении пост-человеческой цивилизации. Если соотношение риска и пользы от вмешательства не обнадеживает, то, очевидно, не следует торопиться применением рассматриваемого средства. Правда, иногда это соотношение невозможно определить. Более неразрешимая проблема состоит в том, что некоторые риски могут быть неизвестны и/или неадекватно определены количественно.

Так верно ли возражение по сути? Должны ли мы сохранить генетический статус-кво дарвиновской жизни? Или лучше отложить перспективу эмоционального обогащения до времён наших мудрых далёких потомков? Умышленная задержка была бы морально безрассудной по следующей причине: с этической точки зрения даже обычный (не негативный) утилитарист может согласиться с тем, что крайне важно различать облегчение нынешних страданий и повышение будущего блаженства – ведь между моральной необходимостью аболиционистского проекта и роскошью полномасштабного парадайс-инжиниринга огромная разница. Соотношение риска и выгоды предлагаемых вмешательств будет меняться по мере постепенного улучшения жизни на Земле – как для отдельного человека, так и для цивилизации в целом. Мы требуем гораздо более высокого уровня доказанной безопасности, например, от улучшенной версии аспирина, чем от потенциально спасительного лекарства от СПИДа. Тот же принцип должен применяться к аффективным расстройствам, различным формам психологических недомоганий. Если бы нам уже посчастливилось жить в каком-то земном раю или даже просто в цивилизованном обществе без страданий, то было бы действительно глупо подвергать своё благосостояние риску из-за преждевременных и опасных улучшений, призванных сделать жизнь ещё лучше. Биоконсерватизм может быть мудрой политикой. Так что обсуждаемое возражение может иметь основания. Но, как видим, мы пока не живём в столь благополучном мире.

Для примера стоит привести начало безболезненной хирургии. В эпоху, предшествующую анестезии, хирургическая операция нередко была равносильна пытке. Пациенты часто умирали, а выжившие оставались с пожизненными психологическими и физическими травмами. Затем случился совершенно неожиданный прорыв. В течение года после демонстрации Уильямом Мортоном общей анестезии в Массачусетской больнице в 1846 году эфирный и хлороформный наркоз применялся в операционных по всему миру – в Европе, Азии и Австралии. Вместо принятия этой сбывшейся утопической мечты можно было подождать лет 30, чтобы провести хорошо контролируемые испытания и посмотреть, нанесут ли действующие вещества отсроченные повреждения мозга. Было бы это разумно? В идеале – да. Должны ли сначала проводиться проспективные исследования, сравнивающие безопасность эфира и хлороформа? Опять да – в идеале. Строгие продолжительные исследования предпочтительны.

В середине 19-го века не было профессиональных анестезиологов, сбалансированной анестезии, аппаратов для наблюдения за пациентами, миорелаксантов и интубации трахеи. Механизмы анестезии в центральной нервной системе вообще не были поняты. Изначально не были известны и принципы антисептической хирургии: только комбинация анестетика с антисептиком могла сделать операцию сравнительно безопасной. Если бы использование анестетиков привело к отсроченному повреждению, например, головного мозга, то нам сейчас осталось бы лишь восхищаться необычайной прозорливостью тех, кто сомневался в такой медицине. Но, к счастью, место тем сомнениям осталось лишь в сносках неисправимо оптимистичной медицинской историографии.

Несмотря на былые предостережения, введение общей анестезии в хирургической практике считается одним из величайших триумфов в истории мировой медицины. Почему его приняли столь поспешно? Использование анестетиков распространилось так быстро, поскольку большинство врачей и их пациенты считали, что ужасы сильной физической боли при операциях без анестезии перевешивают потенциальные риски, даже если риски не были должным образом известны или адекватно определены количественно. После этого хирурги также смогли предпринять жизненно важные меры, которые раньше были практически невозможны. В нашем нынешнем свете, ранняя анестезия кажется ужасно грубой, как и наркотическая анальгезия, которая сохраняется и по сей день. Но моральная необходимость избавления от страданий – хоть «физических», хоть «душевных» – неясна только тем, кто не попадал в их тиски. Вот почему под пытками «ломаются» почти все, а сотни тысяч людей, страдающих депрессией, ежегодно лишают себя жизни: на самом деле «душевная» боль фактически убивает больше людей, чем ее номинально физический аналог. Если кто-то ищет исторические образцы для подражания, то, возможно, доктор Джон Сноу – «человек, который сделал анестезию наукой» – может служить примером. Когда использование хирургической анестезии в конце 1840-х годов распространилось как лесной пожар, Сноу не защищал «безопасный» биоконсервативный вариант воздержания. Это было бы бессердечно. Однако в отличие от некоторых из своих более фанатичных медицинских коллег, Сноу помнил и о потенциальных рисках этого, казалось бы, чудесного открытия. Его введение стандартизированной дозировки с помощью эффективных ингаляторов и тщательного наблюдения за пациентами спасло много жизней. Моральная срочность не является лицензией на безрассудство.

Как и большинство аналогий, пример с хирургией далеко не точный. В настоящий момент миллионы людей и других живых существ на Земле испытывают не менее тяжёлые муки, чем пациенты в эпоху до появления анестезии и опиоидных анальгетиков; и более того, существуют захватывающие, но по большей части недоказанные технологии для исправления их ужасного положения. Так что историческая параллель остаётся в силе.

Но, по статистике, большая часть населения не страдает от крайних психологических расстройств. Таким образом, если подавляющее большинство людей в настоящее время довольны своей жизнью, то существуют серьезные основания для осторожности при экспериментах с плохо проверенными вмешательствами, которые обещают улучшить нынешнее благополучие. Поэтому ожидаемое появление стабильного обогатителя настроения, средства избавления от тревоги, нового проясняющего психоделика, суперэмпатогена или пилюли гениальности может представлять дразнящую перспективу. Однако, несмотря на свои ослепительные преимущества, перед лицензированием они, по-видимому, должны пройти тщательное тестирование. Может показаться, что отсрочка является единственным ответственным вариантом; бездеятельное ожидание нередко бывает мудрым. Подводный камень лозунга вроде «Безопасность прежде всего» заключается в опасности крайнего морального самодовольства, которое он порождает. Сотни миллионов людей и миллиарды других животных не пребывают в столь удачном положении, чтобы нам стоило откладывать его исправление. Придерживаясь универсалистской утилитарной этики или просто этики сострадания в духе буддизма, для облегчения их положения мы должны применять тот же уровень срочности, какой оправдан в тех случаях, когда мы испытываем нестерпимую боль или суицидальное отчаяние. Экстремальное страдание – это крайне бедственное положение миллиардов живых существ, будь то наши соседи, с которыми случилось несчастье, животные на ферме или дичь в лесу. Глобальное отчаяние оправдывает тот риск, который в противном случае стоило бы избегать.

На первый взгляд, если кто-то стремится вести образ жизни без жестокости, он может отказаться от личного соучастия в причинении страданий. Но положение таком о моральном отказе может быть обманчивым и неполноценным. Например, просто решив завести генетически необогащенных детей, можно сохранить больше наследуемых субстратов страдания и тем самым увековечить его биологию. Здоровая осторожность в отношении непроверенных новшеств не должна нас склонять к сохранению статуса-кво.

Таким образом, требование институционализированной оценки рисков, усиления комиссии по биоэтике, рассмотрения наихудших сценариев, более интенсивного компьютерного моделирования, систематического долгосрочного планирования и исследования экзистенциальных рисков – достойно восхищения. Но принятие срочных мер по борьбе с глобальной пандемией страданий столь же необходимо. «Легче всего перенести ту боль, которую испытываете не вы».

Возражение 36: Гедонистический Императив утверждает, что после устранения биологических субстратов страдания их восстано-

ление будет «немыслимо». Но это не так. Согласно аргументу симуляции, существует большая вероятность, что мы сами живем в симуляции, созданной для предков нашими продвинутыми потомками. Если это так, то из нашего смоделированного статуса следует, что пост-люди не будут искоренять страдания. Аргумент симуляции подразумевает, что наши потомки будут повторно создавать страдания через симуляцию своих предков; или же они вообще не имели и не имеют в планах отменять страдания. [www.simulation-argument.com]

Ответ: Аргумент симуляции (АС) является, пожалуй, первым интересным аргументом в пользу существования Творца за 2000 лет. Стоит отметить, что АС отличается от традиционного скепсиса насчёт того, может ли человек быть уверенным, что его чувства не управляются злым картезианским демоном или что он не просто мозг в банке гнусного нейрохирурга, и так далее. АС также отличается от противоречивой, но не скептической инференциальной теории восприятия: инференциальные реалисты полагают, что каждый из нас живет в эгоцентрических симуляциях естественного мира, управляемых реальным органическим компьютером, то есть разумом. Вместо этого АС утверждает, что, учитывая экспоненциальный рост вычислительной мощности и ёмкости хранения информации, вся Вселенная может быть симуляцией на сверхмощном компьютере, построенном нашими далёкими потомками. Возможно, мы действительно живем в одной из версий Матрицы. Важная тонкость АС – тонкость, которая отделяет этот аргумент от пустых философских фантазий и приближает к серьезной научной метафизике – заключается в том, что если создаются множественные симуляции предков, которые субъективно неотличимы от нас самих, то с точки зрения статистики гораздо более вероятно, что мы относимся к огромному числу этих неотличимых симуляций, а не к реальному меньшинству, имеющему место до появления симуляций. Если точнее, АС приводит к выводу, что по крайней мере одно из следующих трех утверждений должно быть верным: 1. Почти все цивилизации на нашем уровне развития вымирают прежде, чем становятся технологически зрелыми; 2. Доля технологически зрелых цивилизаций, заинтересованных в создании симуляций предков, практически равна нулю; 3. Вы почти наверняка живете в компьютерной симуляции. На самом деле, предложенная АС трилемма вскоре может быть упрощена. Первый из трех пунктов, сценарий вымирания, может быть эффективно исключен в течение одного-двух столетий – это исключение якобы должно увеличить вероятность того, что вы живете в космической мегасимуляции. Но опустошающие катастрофы вроде глобальной термоядерной войны, гигантских астероидов, нанотехнологической «серой слизи» ультра-смертельных вирусных пандемий и прочего не смогут уничтожить разумную жизнь, поскольку человечество охотно колонизирует другие планеты. Даже при самых апокалиптических пророчествах о конце света разумная жизнь, вероятно, выживет – по крайней мере, в ветвях универсальной волновой функции с

низкой плотностью. В далеком будущем суперинтеллектуальные пост-люди смогут на каком-то этапе массово производить симуляции предков. Если это так, то компьютерное моделирование жизни предков может включать миллиарды человеческих приматов, чья внутренняя жизнь, как предполагает гипотеза симуляции, может быть субъективно неотличима от нашей.

Что мы должны вынести из этого? Во-первых, знакомый социологический момент. Высшая технология эпохи, как правило, представляет для людей главную метафору разума, а часто и самой жизни, и Вселенной со всем сущим. В настоящее время нашей доминирующей технологией является цифровой компьютер. Возможно, мы, наконец, пришли к успеху. Однако то, что цифровые технологии должны поведать нам об окончательных тайнах сознания и бытия, остается неясным. В любом случае, здесь не будет предпринята попытка исчерпывающего обсуждения аргумента симуляции, за исключением тех случаев, когда это важно в контексте устранения страданий. Но сначала стоит поставить под сомнение техническую осуществимость любой гипотезы симуляции. Затем эти сомнения будут отброшены с целью рассмотрения вероятности того, что условный суперинтеллект, обладающий вычислительной технологией для запуска полномасштабной симуляции предков, когда-либо действительно решит сделать это.

Одна из проблем АС заключается в том, что он опирается на совершенно недоказанную философскую предпосылку, а именно на независимость субстрата от *квалиа* (qualia) – интроспективно доступных «сырых ощущений» нашей ментальной жизни. Эта предпосылка, вероятно, лучше всего перефразируется как субстрат-нейтральность или субстрат-инвариантность квалиа: функционализм АС не утверждает, что цвета, звуки, запахи, эмоции и другие субъективные феномены сознания могут быть *абсолютно свободными от субстрата* – он утверждает лишь то, что для сохранения текстуры нашего опыта *сгодится любой субстрат*, который может «реализовать» вычисления, выполняемые нашими нейронными сетями. Предположение о субстрат-нейтральности предназначено для исключения якобы произвольного «углеродного шовинизма»: так сказать, позаботьтесь о вычислениях, а квалиа позаботятся о себе сами. АС ставит своей целью количественную оценку вероятности нашей жизни в симуляции с использованием принципа индифферентности: вероятность того, что мы живем в симулируемой Вселенной, а не в изначальной реальности, равна доле всех людей, которые фактически являются симуляциями. Крайне важно то, что АС предполагает субъективную неотличимость «реального» опыта от гипотетического пост-биологического «симулированного» опыта. АС предполагает, что мощь пост-человеческих суперкомпьютеров может позволить существовать гораздо большему количеству симулированных копий людей, чем когда-либо бывало на Земле среди исконной популяции. Это связано с тем, что после написания одной «главной программы» ко-

пирование ее файлов-предков становится простым делом при условии доступного места для хранения. Отсюда утверждение АС, что если пост-люди запускают симуляции предков, то мы почти наверняка в одной из них. Но вот загвоздка. Априорная вероятность, которая будет присвоена нашей жизни в симулированной Вселенной, зависит от вероятности существования сверхразвитых цивилизаций, которые способны и желают создавать множество способных к чувственному восприятию симуляций предков. И здесь просто-напросто нет никаких доказательств того, что такие гипотетические симулированные «люди», порождаемые вычислениями, будут наделены феноменальным сознанием – по крайней мере, их можно будет считать сознательными не в большем смысле, чем мы считаем влажными моделируемые в компьютере ураганы. АС постулирует, что сознание будет «порождаться» суперкомпьютерными программами, которые эмулируют органический разум с правильной причинно-функциональной организацией на некотором достаточно мелкозернистом уровне детализации. Физические субстраты предполагаемого суперкомпьютера, посредством которых симулируются живые существа вроде нас, предположительно будут воздействовать на наше сознание только через своё влияние на вычислительную деятельность. Но стоит отметить, что кремниевые роботы или компьютеры уже могут эмулировать и превосходить человеческую производительность во многих конкретных областях без какого-либо намёка на сознание. Неясно, как или почему обобщение или расширение этого разрыва в производительности приведет к неорганической чувствительности – если, конечно, не рассматривать физическую «бионизацию» наших роботов с помощью органических имплантов. Без квалиа мы сами были бы лишь умными зомби; однако квалиа не являются ни необходимыми, ни достаточными феноменами для проявления поведенческого интеллекта. Поэтому сильное страдание способны испытывать даже очень глупые органические существа. И в то же время даже самые интеллектуальные кремниевые системы и цифровые персонажи вообще не чувствуют себя живыми, хотя способны побеждать чемпиона мира по шахматам. Мы явно что-то упускаем... Что же идёт не так?

Для того, чтобы АС работал в отсутствие научного объяснения сознания, следует принять на веру постулат о каком-то типе кросс-субстратного сохранения квалиа. И все же, если феноменальное сознание реально осуществимо в других субстратах или виртуальных машинах, имеет ли оно ту же общую текстуру, что и наше? Или носители синтетического сознания не способны испытывать то, что испытываем мы, когда просыпаемся по утрам или пьем кофе? Предполагая, что сознательные умы могут быть «реализованы», «загружены» или «эмулированы» в других субстратах, есть ли у нас основания полагать, что такие умы сохраняют все или хотя бы некоторые определённые квалиа на каждом виртуальном уровне? Подразумевая при этом, что их конкретные текстуры так же вычислительно случайны для сознания, как и конкретные композиции фигур в шахматной

партии. При условии, что биологические сознания могут быть отсканированы, оцифрованы и загружены в другую среду, будет ли предполагаемая генерируемая ими чувствительность субатомного, нано-, микро- (или пан-галактического) масштаба? Могут ли абстрактные виртуальные машины действительно генерировать пространственно-временные способы сознания? Могут ли абстрактные виртуальные машины действительно генерировать пространственно-временные режимы сознания? Следует ли предполагать, что несколько уровней квалиа будут создаваться виртуальными существами во вложенной иерархии симуляций? Должны ли квалиа из этой стопки быть эпифеноменальными, то есть без причинно-следственного эффекта; и если да, то что заставляет людей вроде нас ссылаться на их существование? Какой механизм за это ответственен? Если симуляция действительно имеет место быть, то на каких основаниях мы можем полагать, что квалиа на разных уровнях абстракции сохраняют типовую идентичность друг другу? Являются ли уровни вычислительной абстракции строгими или, что более реалистично, должны иметь «протечку»? АС подрывает [онтологическое] единство науки, рассматривая Реальность так, будто она буквально имеет уровни. Нет никаких доказательств того, что виртуальные машины могут иметь причинную силу для создания реальных квалиа; а существование «виртуальных» квалиа само по себе было бы терминологическим курьёзом.

Ни одно из вышеприведенных соображений не влечет за собой утверждения, что феноменальное сознание или единый сознательный разум являются субстрат-специфичными. Возможно, проблема в том, что между вычислительными устройствами с органическими и кремниевыми микросхемами существуют микрофункциональные различия – такие различия, которые наши предполагаемые Симуляторы могут эмулировать на своих суперкомпьютерах с программным обеспечением, которое фиксирует мелкозернистые функциональные возможности, пропускаемые более грубыми симуляциями. В конце концов, напрашивается вопрос о том, характеризовать ли углерод лишь как «субстрат». Атом углерода обладает функционально уникальными валентными свойствами и химией. Единственные исконные самореplikаторы, несущие информацию в естественном мире, являются органическими именно в силу функциональной уникальности углерода. Возможно, функциональная уникальность органических макромолекул распространяется на биологическую способность чувствовать. Эти микрофункциональные различия могут быть несущественными, например, для вычислений или игры в шахматы; но не в других сферах. Предположим, например, что проблему связности сознания – то есть проблему того, как распределённая деятельность мозга порождает единство восприятия – можно объяснить только путем привлечения квантово-когерентных состояний в органическом мозге. Считается, что эта гипотеза разрешает трудную проблему сознания только в том случае, если мы признаём истинность монистического идеализма или панпсихизма, что большинство учёных сочли бы слишком дорогостоящим допущением. Но с

этой точки зрения, фундаментальное различие между сознательным биологическим разумом и кремниевым компьютером состоит в том, что сознательный разум является квантово-когерентной сущностью, тогда как кремниевый компьютер (или мозг в бессознательном состоянии) фактически есть лишь классическая совокупность микровалиа. Хотя это кажется контринтуитивным, натуралистический панпсихизм на самом деле влечет за собой то, что кремниевые компьютеры и роботы – это «философские зомби».

Сторонник гипотезы симуляции может ответить: ну и что? Функционально уникальная органическая нейрохимия не должна для Симулятора представлять непреодолимой проблемы. В конце концов, нет никаких оснований полагать, что классический компьютер не может формально вычислить что-либо вычислимое на квантовом компьютере, поскольку (за исключением некоторых сложностей) квантовый компьютер вычислительно эквивалентен машине Тьюринга, хотя и значительно быстрее. Поэтому, если кремниевые и другие суперкомпьютеры могут имитировать биологические умственные способности с их предполагаемой квантовой когерентностью, то на этом уровне абстракции всё ещё могут появиться квалиа. Технические особенности оригинальной, классической формулировки АС не существенны для обоснованности ее аргументов. Переработанный АС по-прежнему работает, и органический мозг/разум – это квантовый компьютер. Однако загвоздка в том, что такая защита АС объединяет симуляцию внешних и внутренних свойств: формальных отношений ввода-вывода и чувственных текстур опыта. Вычислительная активность, которая занимает миллисекунды, не будет ощущаться так же, как вычислительная активность, которая занимает тысячелетия, – и это совершенно не зависит от наличия или отсутствия каких-либо специфических для субстрата текстурных различий.

Если квантовая когерентность является признаком сознательного разума, то все сознательные биологические умы вовлечены в фундаментальную аппаратуру самой Вселенной – вычислительно дорогую, программно устойчивую материю мира. Как подчеркнул Дэвид Дойч, вычисления квантового компьютера должны быть где-то произведены. Если наши умы по своей природе задействуют квантовый субстрат фундамента реальности, то эта зависимость подрывает основания полагать, что мы статистически вероятно населяем симуляцию предков – хотя она не исключает традиционного скептического сценария в стиле «мозга в бочке».

Конечно, ни одно из приведенных рассуждений не является решающим. Мы просто не понимаем природу сознания. Многие ученые и философы будут оспаривать, что квантовая теория вообще имеет отношение к проблеме. Или, может быть, мы сами – симулированный разум, работающий на пост-кремниевом квантовом суперкомпьютере. Или, возможно, законы квантовой механики сами по себе являются артефактом нашей симуляции в каком-то пост-человеческом «компьютрониуме». Кто знает? Здесь мы

склоняемся лишь к более радикальным формам скептицизма. Но если возможны бесчувственные симуляции людей или других существ, то можно разумно сомневаться во всех трех пунктах АС. Может быть, ни предпосылки, ни выводы АС не верны. Разумная жизнь не движется к вымиранию. Некоторые из наших потомков, предположительно, могут производить множественные симуляции предков в ветвях универсальной волновой функции с низкой плотностью. Крайне маловероятно, что мы существуем в одной из них.

Тем не менее, давайте оставим в стороне технические сомнения по поводу симулированной способности чувствовать. Предположим, что пост-люди решили трудную проблему сознания. Объяснительный разрыв (explanatory gap) был заполнен без раскрытия всей нашей концептуальной схемы в процессе. Или, возможно, сами квалиа могут быть закодированы в цифровом виде и в вычислительно воссозданы по желанию. Так же представим, что некоторый аналог закона Мура о вычислительной мощности - это не просто временное эмпирическое обобщение. Мощность компьютера продолжит увеличиваться до бесконечности, пока суперинтеллекту не придётся вступить в борьбу с пределом Бекенштейна - если только этот предел энтропии или информации, которая может содержаться в трехмерном объеме, сам по себе не должен раскрывать гранулярность нашей симуляции. Далее предположим, что сверхцивилизация достигает такой стадии развития, когда она обладает технической способностью запускать множество симуляций предков и симулировать [фрагмент] Мультивселенной, открытой современной физической наукой; хотя вычислительное моделирование бесконечномерного гильбертова пространства квантовой механики - задача не для слабонервных. Наконец, если запущенные симуляции предков должны быть дешевыми симулякрами, а не точными копиями, давайте в соответствии с АС предположим, что вычислительная экономия перевешивает вычислительную стоимость программного обеспечения для наблюдения. Примем всё изложенное, а затем рассмотрим сценарий, предложенный в АС. Из всего огромного диапазона альтернативных и немыслимых для нас действий, которые могут предпринять будущие сверхчувства, стимулирование предков является одной теоретической возможностью в обширном пространстве вариантов. С одной стороны, пост-люди могут создать рай для искусственных форм жизни, которых они развивают. Предположительно они могут создать такую же небесную магию и для себя. Но для целей АС мы должны представить, что некоторые из наших преемников решили запускать вредоносные программы: программировать и воспроизводить все ошибки, ужасы и глупости своего далекого эволюционного прошлого - возможно, во всех его классически неэквивалентных историях. Но почему пост-люди решили сделать это? Могут ли наши Симуляторы быть в неведении о последующей судьбе своих творений - подобно тому, как безответственные дети не присматривают за своими питомцами? Даже поверхностное правдоподобие симуляции зависит от заранее выбранного описания. И это правдоподобие

испарится, как только изменится выбор опции. Сравните условно эквивалентный вопрос: могут ли наши постчеловеческие потомки воссоздать или повторить Освенцим? СПИД? Старение? пытки? Рабство? Насилие над детьми? Сжигание ведьм? Геноцид? Сегодня социопат, объявивший, что планирует организовать террористическую атаку под видом «симуляции предков», будет изолирован от общества, а не получит исследовательский грант. АС предлагает нам рассмотреть возможность того, что холокост и ежедневные ужасы будут воссозданы в будущем, по крайней мере, в нашей локальной хронологии – словно гротескное эхо ницшеанского «вечного повторения» в цифровом обличье. Ещё хуже то, что, поскольку такие симуляции вычислительно очень дешевы, даже самые зверские эпизоды могут повторяться бесчисленное множество раз преднамеренным пост-человеческим замыслом. В контексте аргумента симуляции именно это гипотетическое изобилие вычислительных копий даёт основание предположить, что кто-либо может жить в симуляции. По крайней мере, традиционное иудео-христианское божество должно быть доброжелательным, хотя и вопреки эмпирическим свидетельствам и несоответствиям библейскому тексту. Но любой Создатель или Симулятор, который предпочитает запускать предварительно записанные симуляции предков, вероятно, должен знать об обмане в отношении своих чувствующих творений. Если Симуляторы действительно обманули нас на этот счет, то чего мы можем ожидать от настоящей реальности, находящейся за гранью нашей симуляции? Какой транссимуляционный лингвистический аппарат значения и референции мы можем изобрести, чтобы говорить о том, что якобы замышляют наши обманщики? Интуитивно кто-то может предположить, что пост-люди могут быть копиями нас, поскольку наследственную дарвиновскую жизнь они находят в некотором роде интересной. В конце концов, мы сами экспериментируем с «низшими» нечеловеческими животными и исследуем предшествовавшие нам виды людей, с которыми у нас общая родословная. Может ли интеллектуальное любопытство давать право суперинтеллектуальным существам обращаться с нами таким же образом? Или, возможно, наблюдение за нашими выходками как-то забавляет наших Симуляторов – если, конечно, привычная драматургическая метафора действительно имеет какой-то смысл. Или им просто нравятся фильмы в жанре «снафф» (snuff films – короткометражные фильмы, в которых показаны настоящие убийства, без использования спецэффектов. – *Прим. пер.*) Тем не менее, весь этот подход кажется ошибочным. Он создаёт о пост-людях такое впечатление, будто они похожи на классических греческих богов, то есть являются более всемогущими версиями нас самих. Даже если бы продвинутые существа действительно вели себя таким образом, разве им была нужна симулировать наше чувственное страдание?

К сожалению, данная линия размышлений усеяна риторическими вопросами и ей не хватает надёжных доказательств. Контраргумент может заключаться в том, что большинство людей сильно ценят жизнь, несмотря

на трагедии и повседневные неприятности. Может быть, именно поэтому Сверхсущества, разум которых схож с нашим, считают оправданным воспроизведение как можно большего числа предковых миров с чувствующими существами вроде нас? К тому же, дарвиновская жизнь иногда бывает веселой и даже красивой. Не могут ли наши Симуляторы рассматривать эпизодическую отвратительность таких миров как цену за их благие проявления? – подобное суждение свойственно большинству недепрессивных людей на Земле. И все же этот сценарий проблематичен даже на выгодных для него условиях. Если вычислительные ресурсы, доступные нашим Симуляторам, не бесконечны буквально (что было бы сомнительно в физическом смысле), то каждая симуляция имеет альтернативные издержки с позиции симулированных миров. Если кто-то собирается приступить к созданию поддерживающих жизнь миров в суперкомпьютере, то почему бы не запустить наибольшее количество максимально ценных райских оазисов, а не заурядных или злокачественных реалий вроде нашей? Предположительно, пост-люди на какой-то стадии развития овладевают технологиями создания супер-райских миров для себя; не важно - физически или с помощью виртуальной реальности. Они, вероятно, они узнают и оценивают, насколько возвышенно прекрасной может быть жизнь в лучшем виде. Так зачем же воссоздавать безобразие, из которого они когда-то вылезли – что это за извращенный спуск с пост-человеческих небес в дарвиновское чистилище? Наше собственное убеждение в том, что существующая жизнь является достойной, само по себе – не столько продукт беспристрастного размышления, сколько (частично) наследственное выражение предвзятости в пользу существующего положения вещей. Мы не считаем, что худшие бедствия из истории нашего мира следует распространять, если когда-либо появятся технические возможности. Иначе говоря, мы стремимся лечить болезни и заботиться о больных, а не распространять болезни и вредить больным. Даже такие морально примитивные существа как современные дарвиновские люди находят отвратительной идею о повторении жестокостей прошлого. Никто бы не решил снова испытать свою зубную боль, не говоря уж о повторении страданий всего мира. Какова вероятность, что пост-люди будут в моральном (или любом другом) плане более отсталыми, чем мы?

Конечно, прогнозирование прогресса в чём-угодно кроме (самого «аморального») технократического аспекта звучит наивно. Экстраполяция экспоненциального роста вычислительной мощности, технологий вооружения или тому подобного - звучит разумно. Экстраполяция расширяющегося круга сострадания для охвата всех живых существ звучит смутно и утопично. Конечно, учитывая исторические данные, антиутопические перспективы выглядят более правдоподобными, чем переход к парадаиз-инжинирингу. Однако рефлексорный цинизм сам по себе является одной из патологий дарвиновского разума. По мере того, как наши потомки будут переписывать свои гены и становиться всё умнее, их концепция интеллекта также будет обогащаться. Обогащенный интеллект, по-видимому,

не в последнюю очередь будет включать в себя повышенную способность к эмпатии: к более глубокому пониманию того, каково быть другими - за пределами эгоцентричной перспективы дарвиновских умов, развившихся под давлением естественного отбора. Расширенная способность к эмпатическому пониманию не характерна для традиционных показателей интеллекта. И все же это упущение отражает неадекватность наших «аспергерских» тестов IQ, а не когнитивную неважность понимания чужих чувств и пост-человеческого сверхсочувствия. Неспособность оценивать опыт других людей или не-людей – это не просто моральный недостаток: это также глубокое интеллектуальное ограничение; а коллективное преодоление интеллектуальных ограничений людей является неотъемлемой частью перехода к пост-человечеству. Если у наших потомков есть хоть какие-то представления о том, каково это, скажем, быть сожженным заживо, как ведьма, или провести всю свою жизнь в телячьей клетке, или просто быть мышью, которую истязает кошка, тогда кажется невероятным их стремление воссоздавать такие ужасные состояния в компьютерных «симуляциях». Взгляд с позиции Бога, который беспристрастно охватывает все чувства, может быть недоступным даже для наших самых богоподобных потомков. Но когнитивные способности человека потенциально могут преодолеть антропоцентрические предрассудки обыкновенной человеческой жизни. Гедонистический Императив утверждает, что пост-человеческая доброжелательность будет распространяться на благополучие во всех аспектах сознательной жизни; хотя это спекулятивно, но технически возможно.

Однако на такие утешительные аргументы есть возражение. Состоит оно вот в чём. Мы не можем понять природу гипотетической пост-человеческой цивилизации, которая способна реалистично симулировать чувствующих предков в своих суперкомпьютерах. Поэтому у нас нет понимания мотивационной структуры наших Симуляторов и того, почему они могут так с нами поступать. Или, может быть, наши жизни – лишь случайный феномен симуляции, а истинная цель её создания для нас непостижима. Не исключено, например, что продвинутые пост-люди могут управлять энергиями масштаба Планка, гипотетически необходимыми для создания «вселенной в лаборатории». По неизвестным причинам такие пост-люди могут решить запустить множество новорожденных вселенных – и это делает статистически более вероятным, что мы живем в одной из них, а не в изначальном мультиверсе. Если это так, то мы являемся симуляцией своих предков в другой мультивселенной, которая породила нас; и нам, в свою очередь, суждено создать своих потомков в будущих младенческих мультивселенных. Этот сценарий контрастирует с грязными «интервенционистскими» или заговорщическими версиями симуляций, согласно которым пост-человеческие суперкомпьютеры должны постоянно перестраивать вещи в симулированном мире, чтобы держать нас в неведении о нашем искусственном статусе. Дело в том, что мы не можем исключить ни

один из таких сценариев, ведь мы абсолютно ничего не знаем о пост-человеческой этике или пост-человеческих ценностях любого рода. Пост-человеческая психология может быть просто непостижимой для *Homo sapiens*, как и наши цели непонятны лемурам или жукам. Или, может быть, объяснение нашего симулированного статуса недоступно нам просто потому, что мы являемся предками-симуляциями реальных исторических людей. Наше невежество может быть частью сценария.

Мы не можем быть уверены в ложности этого аргумента. Тем не менее, в апелляции к непостижимости есть своя проблема. Идея использования суперкомпьютеров для запуска симуляции предков находится в концептуальных рамках человеческих приматов начала XXI века. Она резонирует, по крайней мере, с небольшим подмножеством социальных приматов потому, что производство таких симуляций, как минимум, при поверхностном отношении кажется весьма интересным видом деятельности, которую более продвинутые версии нас самих хотели бы осуществлять. Тем не менее, если у нас нет понимания истинно пост-человеческих мотивов или знания того, могут ли такие антропоморфные фолк-психологические термины иметь значение для пост-людей, тогда трудно определить сколь-нибудь точную вероятность того, что наши преемники тоже будут создавать чувствующие симуляции. На самом деле, учитывая огромное пространство состояний потенциальных вариантов и внутреннюю убогость столь большого разнообразия дарвиновской жизни, предварительная вероятность, которую мы должны приписать им, может показаться исчезающе малой – даже если технологические препятствия можно преодолеть.

Таким образом, вопреки возражению, существование полного несчастий мира нельзя считать доказательством того, что наши продвинутые потомки никогда не отменят субстратов страдания. Зато существование страданий представляется убедительным доводом в пользу того, что наши потомки никогда не будут запускать симуляции предков, способных чувствовать.

Часть 5: Заключение

«Мир счастливого человека весьма отличается от мира несчастного.»

(Витгенштейн)

5.0 Кукловоды без ниточек

Отношение человека к аболиционистскому проекту во многом будет зависеть от настроения, в котором читается этот манифест. Если проект удастся, то суждение наших счастливых потомков о парадиз-инжиниринге, вероятно, будет однозначным. Самоопределяющаяся ценность райских состояний сознания и необходимость их генетического закрепления для гарантии психического сверхздоровья – не будут вызывать сомнений. Что касается наших современников, всеобщее счастье будут приветствовать прежде всего те, кто страдает диагностируемой клинической депрессией. Пост-дарвиновская эра генетически запрограммированного благополучия обещает избавить людей их хронических страданий и недугов. К сожалению, спасение в виде генной терапии для многих из нас может прийти слишком поздно.

Наибольшее сопротивление перспективам создания реального рая на Земле, скорее всего, будет исходить от медицински неудачно названных «эутиимиков» («эвтимиков»). Эутиимическое настроение статистически типично для носителей нынешнего человеческого генома. Это настроение, в котором мы проводим своё стандартное «оценивание реальности». Увы, наше нормальное бодрствование – лишь грубая пародия на зрелое пост-дарвиновское психическое здоровье. Однако для некоторых людей нынешнего мировоззрения принятие пост-людьми вечного блаженства будет мало что значить. Ведь современный скептик может сказать: посмотрите на кокаинового наркомана во время неконтролируемого «прихода» – он тоже не сомневается в своём благополучии. Однако его рациональная сообразительность и практическая мудрость под большим вопросом. Аналогичным образом, любое одобрение аболиционистского проекта со стороны страдающих депрессией также будет отклонено. Скептик будет утверждать, что это всего лишь когнитивная патология, обусловленная их болезненным состоянием.

Похоже, мы зашли в небольшой тупик. В каком же настроении следует оценивать данный манифест? Существует ли более или менее когнитивно

нейтральный тип аффективного состояния, из которого лучше всего можно судить о моральной ценности и практических преимуществах всех других аффективных состояний? Где та грань, за которой информационная предвзятость или когнитивные фильтры принимают галлюциногенное свойство и затмевают определенные интеллектуальные возможности своих жертв? Можно ли всю жизнь прожить в тисках аффективного психоза, который заразил систему убеждений и ценностей человека?

Вся эта дискуссия может показаться чрезмерно психологизированной. Кто-нибудь серьёзно заметит: все, что действительно имеет значение, это логическая строгость аргументации. Верно, настроение не слишком важно. Тогда зачем столь неаккуратно и фривольно апеллировать к оценке аболиционистского проекта с позиции существ, пребывающих в блаженном и предположительно не критическом состоянии ума? Конечно, суть парадиз-инжиниринга можно оценить прямо сейчас – и понять, хорош он или плох.

К сожалению, это не так просто. Мы – не бестелесные генераторы умозаключений. Абстрактные платонические суждения могут быть доступны только абстрактным платоническим умам. С натуралистической точки зрения существуют только пространственно-временные мысленные эпизоды, разыгрывающиеся в мозгу из плоти и крови. Их причинная последовательность состояний может частично симулировать, но не буквально представлять некоторую условную платоническую область абстрактного вывода. Все, что физически имеет тенденцию оптимизировать чьи-то процессы мышления в естественном мире, не следует легкомысленно игнорировать. На практике аффективные, волевые и когнитивные аспекты чьих-либо мыслей являются разделимыми лишь условно. Настроение и смысл взаимно проникают друг в друга. Представление человека о природе самой Реальности в значительной степени зависит от того, на какой высоте аффективного спектра он находится в настоящее время. Возможно, «депрессивный реализм» реалистичен только в отношении своего изначального дарвиновского контекста. По всей видимости, не существует когнитивно нейтрального аффективного состояния, из которого можно справедливо судить обо всех остальных.

К сожалению, медицинская наука не сможет решить вопрос о гипотетических идеальных психических состояниях или о том, должны ли мы стремиться к ним в случае их существования. Вопрос о том, какой из психофизических процессов организма следует классифицировать как патологический или здоровый, кажется обычным (хотя и серьёзным) вопросом культуры, социальной договорённости или личных предрассудков. Психическое здоровье и правильность суждений будут отчасти всё больше определяться современными статистическими нормами для населения в целом. И если средняя гедонистическая базисная линия нашего вида действительно увеличится благодаря внедрению "райских генов" в зародышевые линии нашего потомства, то номинально хорошее здоровье определённого

поколения может стать ужасной психопатологией в более просвещенную эпоху. В ретроспективе, нынешние и прошлые дарвиновские человекообразные, наверное, поразят наших потомков своей душевной и физической болезненностью.

Таким образом, если кто-то враждебно настроен к идее всеобщего счастья и по современным стандартам попадает в статистически нормальный диапазон своего эмоционального репертуара, то насколько серьезно следует рассматривать следующую возможность? Сегодня мы все - жертвы того, что наши преемники будут считать атавистическим расстройством настроения. Это расстройство заражает все наши мысли, наши чувства и волю. Это историческое состояние эпистемически не менее ущербно, чем психоз сновидения с точки зрения бодрствования.

Действительно ли беспокойство о том, что человек может быть заперт в таком аффективном психозе, является лишь результатом праздного скептицизма? Принимая во внимание когнитивную недоступность большинства упомянутых здесь экстатических состояний, возможно, никто из нас вообще не способен судить об этом. В конце концов, поврежденные и искажённые умы могут иметь ограниченную способность к самоанализу. Не обязательно иметь концептуальные ресурсы даже для понимания того, что поставлено на карту, если человек страдает от такого нейронного дефицита. Чистое, «незаслуженное», генетически обусловленное блаженство даже самого мягкого аромата сокращает общую адаптивность организма в исконной окружающей среде. Врождённо счастливые мутанты были съедены или проиграли в конкурентной борьбе. В результате униполярная эйфорическая мания сегодня исчезающе редка; а униполярная меланхолическая депрессия и хроническая дистимия слишком распространены. В перспективе будущего земного рая, является ли тревога или даже отвращение лишь нежелательным побочным продуктом дарвиновского периода эволюции? Может быть, давление отбора сделало нас генетически предрасположенными к предвзятости против идеи вечного блаженства?

5.1 Действительно ли жизнь может иметь счастливый конец?

Пришло время подвести итог. Вероятно, читателю не понравилась существенная часть описанных здесь экзотических удовольствий. Ведь для этого требуется высокий уровень теоретического понимания и биомедицинской компетентности, которыми мы ещё не обладаем. Многие из практических трудностей, которые должен преодолеть аболиционистский проект, были описаны здесь с крайне беспечным пренебрежением ко множеству технических деталей. Однако если бы одно крупное правительство, благотворительный фонд или сегмент мировой властной элиты санкционировали необходимые исследования и разработки, то градиенты безопасной и устойчивой эйфории были бы дразняще доступны уже сейчас.

А генная терапия зародышевой линии в последствии смогла бы превратить градиенты экстатического благополучия в пожизненное и естественное состояние (пост)людей. Наследуемое состояние несокрушимого благополучия может оказаться основой, на которой строится любая развитая цивилизация. Возможность переписать геном позвоночных и реструктурировать глобальную экосистему позволит распространить парадиз-инжиниринг на всю остальную биосферу.

По общему признанию, в отсутствие согласованных международных действий, направленных на продвижение по крайней мере минимального *мирового* аналога государства всеобщего благоденствия, плачевное положение значительной части населения Земли означает, что любой мгновенный рывок к грубой неэмпатичной эйфории со стороны привилегированного меньшинства был бы преждевременным. Такой рывок был бы крайне эгоистичным поступком - хотя едва ли более эгоистичным, чем конкурентный индивидуализм, безудержное потребление и некомпетентное злоупотребление наркотиками в рекреационных целях, чем многие из нас занимаются в настоящее время. Тем не менее, одно из прогнозируемых благодеяний аболиционистского проекта заключается в том, что при хорошем планировании он может вытеснить старый, почти бесперспективный подход к распределению жизненных благ. При правильной организации проекта путь к счастливому просветлению скоро будет генетически открыт для всех. Пожизненное благополучие не должно стать прерогативой кучки богачей. Так же не нужно, чтобы счастье было наградой исключительно добрых и «достойных» людей. Уже сейчас понимающему читателю можно не ожидать старческий упадок как нечто неотвратимое, ведь он наверняка сможет использовать комбинации когнитивных усилителей («умных лекарств») и мягких эйфоретиков, которые не позволят ему провести пожилые годы в плачевном состоянии, а дадут возможность заняться великолепной самореализацией. Так что поздняя может стать для вас временем намного более богатым чем всё, чему вы радовались ранее.

Многие люди так обросли пагубными привычками эволюционного прошлого, что им и в голову не придёт задумываться о своей возможной роли первопроходца грядущей эпохи. Такое же ханжество некоторым мешает, например, полноценно наслаждаться занятием любовью. Но жизнь, как здесь предполагается, должна прийти к экстатическому празднованию бытия, а не закончиться фаталистическим угасанием.

Для связи с автором: dave@hedweb.com